

Андрей Мурай

ПИСЬМА К НЕЗНАКОМЦУ

КНИГА 7

Муж и жена -
одна сатана

*Приветствую
Серкишон!*

*Коллекция гуманистический
патристический*

*Приветствую, мужья
Серкишон!*

Слово мужьям!

16+

Андрей Алексеевич Мурай

Письма к незнакомцу. Книга

7. Муж и жена – одна сатана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66470058

SelfPub; 2021

Аннотация

Героя эпистолярного цикла «Письма к незнакомцу» читатель видит вначале неуспешным, неумелым и неуверенным в себе молодым человеком, личная жизнь которого не складывается. Во время долгого пути через 206 воспитательных писем молодой человек по имени Серкидон узнаёт многие правила жизни, которые помогают ему, «гадкому утёнку», превратиться в «прекрасного лебедя». Начинаящий «донжуан» обретает «товарный вид» и уверенность в своих силах. Часто процесс воспитания излишне информативен и нуден. Но в данном случае автор, руководствуясь правилом «премудрость не должна быть тяжела», написал живо и интересно. Думается, представляемый цикл писем поможет заинтересованных молодых людей стать мужественными и благородными мужчинами. Письма предназначены не только «юношам, обдумывающим житьё», но и широкому кругу читателей.

Содержание

-1-	5
-3-	18
-4-	22
-5-	30
-6-	38
-7-	46
-8-	52
-9-	58
-10-	64
-11-	73
-12-	78
-13-	86
-14-	94
-15-	106
-16-	115
-17-	121
- 18-	129
-19-	139
-20-	144
-21-	155
-22-	166
-23-	174
-24-	181

-25-	188
-26-	196
-27-	203
-28-	211
-29-	219
-30-	224
-31-	232
-32-	237

Андрей Мурай

Письма к незнакомцу.

Книга 7. Муж и жена – одна сатана

-1-

Приветствую Вас, Серкидон!

Не готов пока огласить название новой темы. Будем считать, что я над ним размышляю. Но, учитывая Вашу будущую парность, готов предложить Вашему вниманию несколько гармоничных и взаимосимпатичных пар. Глядишь, для Вас что-либо сойдётся. Ну а нет – так и нет!

Начнём с диковинного альянса, который принесла нам безудержная эмансипация, перевернувшая всё с ног на голову.

Представьте себе сильную и независимую женщину – Орлицу. Ею пленился мужчина, «человек в футляре», точнее, в норке, приземлённый, ограниченный малым жилищем. Этакий Суслик. Трудно сказать, что может понравиться женщине-Орлице в мужчине-Суслике. Может быть, то, что он ми-

лый. Сидит и тихо насвистывает возле своей норки немудреный мотив.

Массу сильных ощущений подарит Орлица своему новому другу, она подхватит его, она поднимет его на такую высоту, что дух захватит у любого, а уж тем более у Суслика. Он, мира не знавший, увидит и реки, и долины, и горы, и леса, и такое близкое солнце. Широко раскрыв глаза, с восторгом будет лупать Суслик и на картины мироздания, и на свою подругу. Она же горда тем, что вырвала такое тихое норное животное из его обыденности, и чужой восторг будет её забавлять...

Но долго ли?.. Ведь и самой Орлице хочется повосторгаться. А кем? Сусликом? А чем? Его норкой? Суслик с гладкой шерсткой, с ахами да охами быстро надоеет Орлице. В лучшем случае, отнесёт туда, откуда взяла. А то, глядишь, просто разожмёт когти, и насладится милый Суслик свободным падением. Вариант плохой, но не самый плохой. Орлица может отнести надоевшего Суслика гостинцем в гнездо давнего друга-Орла. Где и состоится праздничный ужин, на котором Суслик выступит в качестве тематического блюда...

Что Вы говорите?.. А... Вы не Суслик. И что?.. Без Орлицы обойдётесь. Ну, как хотите. Посмотрим, что там далее. О! Ну, это не редкость.

Женщина-Иголка и мужчина-Ленивец. Он умный, он талантливый, но очень ленивый. Илья Ильич Обломов. Лежит на диване, накрывшись газетой, а когда газета спадает, в по-

толок смотрит. Самоотверженная женщина хочет сделать из него Штольца, колет его и колет, колет и колет. Ведь дай такому волю, он ведь всю жизнь на диване пролежит. Иголка-калывания мужчину-Обломова тормозит, будоражит, и, если излечивают от лени, образуется славный союз: бывший Ленивец берёт в руки женщину-Иголку и действует ею, как искусный мастер. Она сверкает в его умелых руках, и дело спорится... Но вероятность такого исхода невелика. Чаще Иголка тупится, ломается, теряется, а Обломов оказывается погребён под своими мечтами. Приходит скорбный час и малоподвижное тело становится неподвижным навсегда.

Что Вы говорите?.. Вы не Ленивец? Вы подвижны? Хотелось бы верить. Идём дальше. Какая симпатичная статичная гармония!

Женщина-Ваза и мужчина-Созерцатель. Он: возвращается с работы, «ставит рашпиль у стены»¹, Вазу устанавливает на стол и начинает смотреть-любоваться. Созерцатель не первый день этим занимается и поэтому видит больше, чем кто-либо другой. Видит даже больше, чем есть на самом деле. Он видит – за пределом. Созерцатель видит, как «...в хрустале пульсировали реки, // Дымились горы, брезжили моря...»² Она знает, что больше никто не увидит её *такой*, и ни один мужчина не будет на неё смотреть *так*. Им нужно только одно: чтобы не мешали... Чтобы внимание не выбра-

---

¹ Из песни Владимира Высоцкий «Песня про Святого Духа».

² Из стихотворения Арсения Тарковского «Первые свидания».

ло все возможные впечатления... Чтобы не задел никто Вазу неосторожным движением... Хрусталь – хрупок...

Вы не любите вазы? Даже с цветами не любите? Вы любите цветы в горшочках? Как Иван Петрович Павлов... Что с Вами делать, идём дальше.

Пара, воспетая Булгаковым – Мастер и Маргарита... Пойдите, а зачем мы там нужны, если Михаил Афанасьевич уже всё написал? Мне с ним соревноваться глупо. И Вы пока не мастер, разве что – подмастерье...

Понизим планку – Учитель и Ученица.

Притяжение Опыта и Наивности. Крайности стремятся сблизиться. Он говорит, она смотрит – широко распахнутыми глазами. Она – кувшин. Он – родник. Она готова принять. Он готов наполнить. Гармонию губят страсти человеческие... Сначала страдает обучение, потом страдают люди, во страсти вовлечённые. Тут Вам и Абеляр с Элоизой, и Сен-Прё с Юлией, это которая «Новая Элоиза». И Маша Троекурова с Дубровским. А помните, Серкидон, «Хануму»? В этой пьесе тоже есть подобный эпизод... Не поверите, Серкидон, я был дружен с авторами «Ханумы» – с Борисом Рацером³ и Владимиром Константиновым...⁴ Они сорок лет работали вместе! Прекрасный альянс, и соавторы, и друзья. Но нам-то

---

³ Рацер Борис Михайлович (1930 – 2012), писатель, драматург, сатирик. Соавтор Константинова В.К.

⁴ Константинов Владимир Константинович (1930 – 1996), писатель, драматург, сатирик. Соавтор Рациера Б.М.

интересны любовные пары! И вот. Следующая – ждёт! Причём иньская половина ждёт на берегу...

Женщина-Гавань и мужчина-Мореход.

Вокруг него проблемы, море всех и всяческих «надо» бучует и штормит. Он смел, он готов сразиться со стихией, кричит наперекор всем и всему:

Не двинул к пристани свой чёлн
Я малодушною рукою,
И смело мчусь по гребням волн
На грозный бой с глубокой мглюю!..⁵

А мгла тем временем сгущается вокруг: финансовые мели, рифы банкротства, катера налоговых инспекторов, пиратские флаги проверяющих, и всё это надо обойти, предусмотреть, сдержать удары и стихии, и судьбы... Но силы человеческие не беспредельны, они на исходе, и Мореход направляет корабль в Гавань. Женщина-Гавань встречает. Она давно готова принять, она воркует, окружает теплом и уютом. С умилением смотрит Мореход на женщину-спасительницу, подарившую отдохновение. Дни, проведённые с ней, – его отпуск, его красивая сказка... Впрочем, сказка с печальным концом. Всё чаще смотрит мужчина в окно, а не на верную подругу, всё громче гремят в его душе призывающие склянки, и всё это нервирует женщину-Гавань, вот-вот

---

⁵ С.Я. Надсон.

разразится буря в Гавани, Мореход чувствует – пора валить и уходит, оставляя за собой море слёз...

Морская профессия Вас не прельщает. А... Вас укачивает. Ну вот, а как же Вы собираетесь сексом заниматься?.. Сложно с Вами, Серкидон. Ну, хорошо, следующая пара будет сухопутной. Сухопутней не бывает. Но уже другим разом.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

– 2 –

Приветствую Вас, Серкидон!

По ходу нашей легкомысленной переписки и при пособничестве Аллы Пугачёвой установлено: не могут короли жениться по любви. Но как-то они любовные приключения вне брака находили. Примерно такая же история с древнегреческими богинями. Читаем у знатока божественных шашень – Марины Цветаевой: «Богини бракосочетались с богами, рождали героев, а любили пастухов».

Давайте разбираться с пастухами, о богах и героях пусть пишет более достойный...

Получайте должок. Обещал я Вам супружескую пару, сухопутнее которой нет на белом свете, получайте – Дафнис и Хлоя. Дети природы. Топтатели трав. Человеческое естество в виде своём первозданном. Трогательная пастораль под чистым небом. Абсолютная ненужность книжных знаний и премудростей. Высокое качество жизни... Стоп... Тут

придётся растолковать.

Одному надо много дичи вокруг, другому – водку из кра-на, третьему – молочные реки, кисельные берега. Для Ваше-го скромного эпистолярного наставника высокое качество жизни означает наличие богатой минералами воды, чистого воздуха и отсутствие неимоверного числа себе подобных в обозримом пространстве. Вас мне вполне хватает. Хочет-ся верить, что в этих своих пристрастиях Ваш письмопасец с героями этого письма – пастухами.

Из повести Лонга⁶ «Дафнис и Хлоя»:

«Начиналась весна, и таял снег. Стала земля обнажаться, стала трава пробиваться, и пастухи погнали стада на паст-бища, а раньше других Дафнис и Хлоя, – ведь служили они пастырю могущества несравненного. И тотчас бегом они по-бежали к нимфам в пещеру, а оттуда к Пану⁷, к сосне, а за-тем и к дубу. Сидя под ним, и стада свои пасли, и друг друга целовали...»

Могу поспорить, тайная мечта любого пожилого мужчи-ны – перечитать у камина долгим зимним вечером чарующие строки древнегреческого писателя. Гёте восхищался: «Поэ-ма «Дафнис и Хлоя» так хороша, что в наши скверные вре-мена нельзя не сохранить в себе производимого ею впечат-ления, и, перечитывая ее, изумляешься снова. Какой вкус, какая полнота и нежность чувства!..»

---

⁶ Лонг (предположительно II в. н.э.), древнегреческий писатель, поэт.

⁷ Пан – древнегреческий бог, покровитель пастухов.

Если свои времена Гёте называл скверными, то, какое же слово можно подобрать для времён нынешних? Ведь ныне гармония между человеком и природой разрушена неразумными амбициями человека, и лишь долготерпение природы спасает мир от последнего гневного аккорда...

Оставляя наши архискверные времена, снова прильнём к строчкам – то весенним, то летним – написанным почти двадцать веков тому назад:

«Стали они и цветов искать, чтоб статуи богов венками украсить; цветы едва-едва появляться стали, – зефир их пестовал, а солнце пригревало. Всё ж удалось найти и фиалки, и нарциссы, и курослеп, и всё, что ранней весной земля нам приносит. Хлоя и Дафнис свежего надоили козьего и овечьего молока и, украсив венками статуи богов, совершили молоком возлиянье...»

Многие сейчас говорят о здоровом образе жизни, но сдается мне, пастух и пастушка из поэмы Лонга были последними, кто вёл здоровый образ жизни в чистом и ничем, кроме молока, не запятнанном виде...

«И на свирели стали они снова играть, как бы соловьёв вызывая поспорить с ними в пенье; а соловьи уже откликались в чаще лесной, и скоро всё лучше стала удаваться им песнь об Итисе,⁸ словно вспомнили они после долгого молчания свою прежнюю песню...»

После песни об Итисе снова послушаем песнь Гёте: «Всё

---

⁸ Итис, персонаж древнегреческой мифологии.

это произведение говорит о высочайшем искусстве и культуре... Надо бы написать целую книгу, чтобы полностью оценить по достоинству все преимущества его. Его полезно читать каждый год, чтобы учиться у него, и каждый раз заново чувствовать его красоту».

Интересно, что никто не знает, кто такой Лонг. И жил ли на свете такой писатель? А может быть, эта повесть написана самим Паном?

«С каждым днём становилось солнце теплее: весна кончалась, лето начиналось. И опять у них летней порой начались новые радости. Он плавал в реках, она в ручьях купалась, он играл на свирели, соревнуясь с песней сосны. Она же в состязание с соловьями вступала. Гонялись они за болтливыми цикадами, ловили кузнечиков, собирали цветы, деревья трясли, ели плоды; бывало, нагими вместе лежали, покрывшись козьей шкурой одной...»

Мне подумалось, что восторженный отклик Гёте порождён скрытной тягой к неизведанной пастушеской жизни под голубым небом. «Ну зачем мне, – сокрушался Гёте, – эти дворцовые интриги, это тайное советничество? Куда лучше было быть явным пастухом и прожить жизнь рядом с нежнейшим сердцем, рядом со своей зеземгейской Хлоей...»

Не только Гёте, но и многие, если не все, истомлённые премудростями «фаусты» в конце жизненного пути чувствуют зависть к Дафнису, который книжек не только не читал, но и не видел их никогда. Зато был открыт солнечным лу-

чам, энергиям Земли и Космоса, взгляду любимой девушки. Был сильным, цельным мужчиной, и вполне можно понять богиню, которая бы вознамерилась зачать от него героя.

Вот Вам, Серкидон, парадокс знания-незнания. Если не узнаешь, то мучает неузнанное. А когда узнаешь, думаешь, зачем оно было нужно?..

Сколько раз, а порою зря, бранил я в сердцах школьную программу, а ведь помню стихи из «Родной речи»:

УТРО

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонёк.
Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам,
Гусей караваны
Несутся к лугам.

Пушкин «обогащён» неким школьным новатором. Ох, и отгулял бы этого наглеца Александр Сергеевич знаменитой

палкой своей! Почему? Да потому что не «Утро», а «Вишня». И почему гуси «несутся»? Все мы со школы знаем, что несутся утки. Да и откуда взялись эти чудо-гуси, если у Пушкина третье четверостишие выглядит ну совсем без гусей:

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

И почему стихотворение обрывается в самой завязке сюжета? Там дальше очень много занятного, а концовка и вообще бесподобна. Она могла бы принести много радости как детишкам-второклассникам, так и родителям их...

Но оставим все недописки и переделки на совести советского народного образования.

А что там у наших пастухов, у Дафниса и Хлои?.. Глупо думать, что вообще беспроблемной и безоблачной была их жизнь. Высокое качество жизни не есть гарантия гармонии. А полной гармонии не было между молодыми людьми. И вроде, всегда рядом с Дафнисом легко одетая, открытая поцелуям подруга... Беда в том, что дальше поцелуйчиков дело не шло...

Но свет не без добрых людей. Жила неподалёку замужняя женщина Ликэнион. Однажды сказала она мужу, что пошла по делам, не уточняя по каким. И вот «идёт Ликэни-

он к дубу, где сидели Дафнис и Хлоя, и, ловко притворившись, будто она чем-то огорчена, говорит: «Спаси, Дафнис, меня злополучную! Из моих двадцати гусей самого лучшего орёл утащил. Но слишком тяжёлую ношу он поднял и, кверху взлетевши, не смог её унести на привычное место, – вон на этот высокий утёс; и опустился вот здесь, в мелколесье. Ради нимф и самого Пана! Пойди ты со мною туда, – одна я идти боюсь, – спаси моего гуся, не оставь без внимания ущерб в моём стаде. Может быть, и орла самого ты убьёшь, и не будет уж он у вас без конца таскать и ягнят и козлят. Тем временем стадо твоё сторожить будет Хлоя. Козы твои хорошо её знают; ведь всегда вы вместе их пасёте».

Даже и не подозревая, что будет дальше, Дафнис тотчас встал, взял посох и следом пошёл за Ликэнион. «Она увела Дафниса как можно дальше от Хлои и, когда они оказались в чаще густой близ ручья, велела ему присесть и сказала: “Любишь Хлою ты, Дафнис: это узнала я ночью от нимф; явившись во сне, они мне рассказали о слезах вчерашних твоих и мне приказали спасти тебя, научивши делам любовным. А дела эти – не только поцелуи и объятия и не то, что делают козлы и бараны: другие эти скачки, и много слаще тех, что бывают у них, ведь наслаждение даруют они куда более длительное. Так вот, если хочешь избавиться от мук и испытать те радости, которых ищешь, то отдай себя в руки мои, радостно стань моим учеником; я же, в угоду нимфам, всему тебя научу”».

Ба! Да это же ещё одна история о женских хитростях! И какая скромная женщина! Ничего для себя, всё в угоду нимфам. Благодаря Ликэнион узнали мы с Вами, Серкидон, женское бескорыстие. Ну а Дафнис познал тайны и радости физической любви.

Кстати говоря, что там у Вас твориться на любовном фронте? Ждёте, пока придёт к Вам добрая Ликэнион? Или сами начали действовать?

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Пока суть да дело, расскажу Вам ещё одну древнегреческую сказку про ещё одну примечательную пару.

Пигмалион – скульптор, который жил на острове Кипр. Он вырезал из слоновой кости скульптуру прекрасной женщины и влюбился в создание своё. Много позже романтичный Жан Жак Руссо назвал прекрасную статую Галатеей. Пигмалион дарил своей подруге подарки, одевал в дорогие одежды, но ответить на пылкое чувство она не могла. Тогда на празднике, посвящённом всемогущей Афродите скульптор послал горячую мольбу богине: одарить его женщиной не менее прекрасной, чем его творение. Афродита сделала проще – она вдохнула душу в статую. И Вы, Серкидон, подумали, что побежала Галатеея навстречу своему создателю. Ничего подобного. Когда вернулся Пигмалион к возлюбленной не нашёл он никаких изменений. Статуей была – статуей и осталась. Вы, Серкидон, в отчаянье крикнули бы: «Обманули, кинули!.. Развели, как кролика!..», но пылкий влюблённый не поверил в торжество холода. Бросился он к статуе, пронзил её долгим горячим поцелуем и почувствовал, что губы Галатееи теплеют. А вот как об этом написал Овидий:

Снова целует её и руками касается груди –
И под рукой умягчается кость; её твёрдость пропала.
Вот поддаётся перстам, уступает...

Затем стали проявляться вены, жилки, родинки. Кости из слоновьих стали человеческими, и превратилась Галатеея в обычную женщину. Надо ли говорить, что восторгу любовника не было предела. Надо ли говорить о том, что было дальше... Об этом умолчал даже говорливый Овидий.

Теперь задумаемся: а ну если каждый мужчина, сделав себе подругу – такую как надо, как мечтается, из слоновьей кости, стал бы посылать мольбы к Афродите? Ясно, в конце концов, стала бы она посылать таких умельцев... заре навстречу. То есть к Авроре... Говоря: «Слонов на вас не напасёшься...»

И что приходится делать мужчинам? Приходится брать в жёны живую, несовершенно женщину, пытаюсь довести её до блеска в ходе совместной жизни. У кого-то получается довести женщину до желаемого совершенства, а кто-то доводит её до белого каления. Потому что только в руках у сильного, устремлённого, успешного, удачливого мужчины женщина послушна, как глина.

Читаем у доктора Курпатова: «Любая женщина могла стать в твоих руках «Венерой Милосской», а ты что сваял, то и сваял. Если, как тебе кажется, в результате получилась

«Гарпия»⁹ или «Девушка с веслом»... ну что ж, извини».

А если, добавим, незадачливый скульптур вдобавок огрѐб этим веслом, положим, по хребтине, то кто виноват? Весло, женщина или ваятель?..

Отвечать на этот вопрос мы не будем, потому что и без этого Вам, Серкидон, понятно, что для крепкого и счастливого союза с женщиной мужчина должен быть талантливym скульптором.

Второе. Женщина, как и вода, стремиться занять всё предоставляемое ей пространство. Мужчина, как сосуд, должен женщину ограничить. Только в этом случае их союз будет иметь форму. Ограничить это не значит стеснить. Женщине должно быть комфортно, ей должно хватать места, иначе некоторые прекрасные части её будут плескаться на стороне.

Третье. Вспомним Плутарха: «Когда два голоса образуют созвучие, окраску мелодии определяет тот из них, который ниже; всякое дело у разумных супругов решается с обоюдного согласия, но так чтобы главенство мужа было очевидным и последнее слово оставалось за ним».

Яснее ясного: голос мужчины в брачном союзе должен звучать твёрдо.

Вот и поговорим о тех мужчинах, которые выполнили все три требования. Благодаря чему прожили с любимой жен-

---

⁹ Гарпии (др.греческое) – в древнегреческой мифологии богиня бурь, чудовище, полуженщина-полуптица..

щиной долгие годы в нерушимом единстве и слитности, в общности помыслов и в любви.

Приведу Вам, Серкидон, такие примечательные пары и мы посмотрим на них с уважением. Им удалось взрастить прекрасный сад супружества. Они окучивали и пололи, боролись с вредителями. Они и расставались, и ссорились, и посуду били, и испепеляли друг друга взглядами, но... Но ведь милые бранятся – только тешатся...

Остановимся на супругах, которые вместе отвечали, уж как смогли, на все вызовы этого мира, на все его нападки. «Святая наука – расслышать друг друга//Сквозь ветер на все времена!»¹⁰ – так пропето у Булата Окуджавы. Остановим свой внимательный взгляд на тех, у кого расслышать спутника жизни получилось.

Не знаю, сколько у меня наберётся таких созидательных супругов, но объединим всех присказкой: «Муж и жена – одна сатана». Подумать страшно, слово «сатана» дано тут в божественном смысле этого нечестивого слова. В том смысле, что завет «... и прилепиться к жене своей; и будут два одна плоть» исполнен был сполна.

Но, понятное дело, не сегодня всё это, а в следующих письмах.

Крепко жму руку.

---

¹⁰ Из песни «Любовь и разлука», музыка – И.Шварца, слова – Б.Окуджава.

Приветствую Вас, Серкидон!

У меня два варианта вступления в сегодняшнее письмо.

Первый вариант такой.

«Помнится, говорили мы с Вами о способностях человека чувствовать и соорудили чудо-лестницу, ступени которой таковы: дюжинный мужчина – женщина – недюжинный мужчина – гениальный мужчина. Лестница уходит в Небеса, откуда человечеству спускается на золотистом парашюте Уникум, имеющий совокупность непостижимо высокоразвитых органов чувств. Всё сошлось и переплелось в нём самым лучшим образом. Таким был классик русской литературы...

Вторым вариантом вступления является шутивное послание:

«Высокочтимая Мария Карловна!

Пишу вам из деревни. Новостей особо примечательных пока что не имеется. К светлому празднику Христова воскресения, с коим я Вас поздравляю, справил себе обнови: рубаху, порты, юфтевые сапоги со скрипом и три дня плясал по деревне.

Засим желаю здравствовать и низко кланяюсь Вашей драгоценной маменьке Александре Аркадьевне, сестрице с су-

пругом, братцу, тётеньке...

Остаюсь Бунин Ивашка из сельца Мокрые Петушки»¹¹

Вот этого мокропетушковца, бравого парня в кепке и первого парня на деревне, а также последнего русского классика мы с Вами рассмотрим, как профессионала и как мужа жены своей... Прошу Вашего жадного внимания.

Бунин говорил: «Настоящий писатель это тот, кто пишет живо, с красками, с запахом, движением, и видит то, что пишет...»

К чему призывал мастер словесности и неподражаемый художник слова? К активному использованию органов чувств, к максимальному их напряжению при вдохновенном и самозабвенном письме.

Буниноведы в стихах и прозе писателя насчитали более ста пятидесяти цветов и оттенков. Мальчик Алёша из «Жизни Арсеньева» говорит:

«Зрение у меня было такое, что я видел все семь звёзд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги».

Так, не очень-то и прячась за героя, писатель говорит о себе. Бунин – дитя Природы, дитя смиренное и благодарное. Мать Природа щедро одарила его исключительными органами чувств, и словно в переиначенной сказке, поглаживая тёплым ветром по волосам удавшееся дитяtko, спрашивала: «Зачем тебе, Ванечка, такие зоркие глазки?» – «Чтобы луч-

---

¹¹ Из книги «Иван Бунин, pro et contra».

ше видеть красоты твои» – «Зачем тебе такие чуткие ушки?» – «Чтобы лучше слышать голоса и отголоски твои» – «А зачем тебе такой чувствительный носик?» – «Чтобы полнее обонять ароматы и запахи твои...»

Писатель обладал нечеловеческим слухом, зрением и чутьём. Слышал за несколько вёрст колокольчики едущих гостей и безошибочно определял, кто едет, различал звёзды, видимые другими только через телескоп, и по запаху с завязанными глазами мог определить любой цветок. На восьмом десятке, вспоминая себя молодого, приводит Иван Алексеевич случай, бывший под Одессой, где-то сразу после первой женитьбы:

«Выхожу в сад вечером и чувствую – тонко, нежно и скромно, сквозь все пьянящие, роскошные запахи южных цветов тянет резедой. «У вас тут и резеда», – говорю хозяйке. «Никакой резеды нет. Хоть у вас и нюх, как у охотничьей собаки, а ошибаетесь, Ваня. Розы, олеандры, акации и мало ли что еще, но только не резеда. Спросите у садовника» – «Пари, предлагаю, – на 500 рублей». Жена возмущена: «Ведь проиграешь!» Но пари всё же состоялось. И я выиграл его. Всю ночь до зари во всех клумбах – а их было много – искал.

И нашёл-таки резеду, спрятавшуюся под каким-то широким декоративным листом. И как я был счастлив! Стал на колени и поцеловал землю, в которой она росла. До резеды даже не дотронулся, не посмел, такой она мне показалась дев-

ственно невинной и недоступной. Я плакал от радости»¹².

Надо ли удивляться тому, что стихи и рассказы Бунина так ярко подсвечены то закатным, то полуденным солнцем, то деликатно окроплены «длинными стеклянными нитями из большого облака», то буйно омыты ливнем, «пахнущим огуречной свежестью и фосфором».

В творческих опытах писателя там и тут прорастают травы, цветут цветы, растут грибы, звенит овсянка, поет зяблик, орут грачи, цокают соловьи, раздаётся хлопанье перепела, с колдовской настойчивостью кукует кукушка, гудят шмели, летают сразу всё видящие стрекозы. Именно со стрекозой, с её умением видеть сразу всё, соревновался в невидимом поединке прирождённый писатель Бунин, созерцая, запечатлевая и схватывая, чтобы потом отразить, воссоздать и воплотить. Он ощущал спасительницу мира с мучительной радостью, одновременно восхищаясь и терзаясь прелестями мироздания.

«...посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой. Ведь буквально. Буквально всё это было при римлянах! Для этого Эстереля и ещё тысячу лет ровно ничего, а для меня ещё год долой со счёта – истинный ужас! И чувство это ещё ужасней от того, что я так беспечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это моё лето не только здесь, но и вообще».

---

¹² Из книги «Иван Бунин, pro et contra».

на земле!»¹³

О, радость красок! Снова, снова
Лазурь сквозь яркий жёлтый сад
Горит так дивно и лилово,
Как будто ангелы глядят.
О, радость, радостей! Нет, знаю,
Нет верю, Господи, что ты
Вернёшь к потерянному раю
Мои томленья и мечты!

Это стихи от 24 сентября 1917 года, до «окаянных дней» оставался месяц. А там краски поблекли, иконы были побиты.

«Не могу долго смотреть на цветы, – писал Бунин. – Боюсь растаять от блаженства...»

А как же в произведениях писателя представлен самый прекрасный цветок земли – женщина?.. Удивительным, бесподобным цветником представлен! В поздней своей прозе Бунин соединил юношескую порывистость и совершенное писательское мастерство:

«На ней что-то чёрно-кружевное, очень красивое, сделавшее её ещё меньше, стройнее, открывающее плечи, руки и начало груди... Я одеваю её шубкой, с трудом удерживаюсь, чтобы не поцеловать это столь близкое голое тело, подвитые

---

¹³ Из дневника Бунина.

пахучие волосы...»

«В лёгком и широком рукаве сорочки, вышитой по плечам красным и синим, была видна её тонкая рука, к сухо-золотистой коже которой прилегали рыжеватые волоски, я глядел и думал: что испытал бы я, если бы посмел коснуться их губами. И, чувствуя мой взгляд, она вскинула на меня блестящую черноту глаз и всю свою яркую головку, обвиняющую плетью довольно крупной косы. Я отошёл и поспешно опустил глаза, увидав её ноги сквозь просвечивающийся на солнце подол юбки...»

«На коже у неё было тоже много маленьких тёмных родинок – эта особенность была прелестна. Оттого, что она ходила в мягкой обуви, без каблучков, всё тело её волновалось под жёлтым сарафаном. Сарафан был широкий и лёгкий, и в нём так свободно было её долгому девичьему телу».

Бунин сетовал: «То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всём земном, что есть тело женщины, никогда не написано никем. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался – выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова...»

Ну, что тут сказать. Во-первых: не всё в этом мире мужчина может выразить словами, даже если дерзает крупный писатель, а во-вторых, счастье Ивана Алексеевича в том, что не дожил он до нынешних времён, до современных описателей женщины. Он бы пошёл душить их голыми руками...

До седых волос сохранил писатель трепетное, романтиче-

ское и, по определению Куприна, подростковое отношение к женщине.

Один из бунинских героев признаётся: «Да, из году в год, изо дня в день втайне ждёшь только одного – счастливой любовной встречи, живёшь, в сущности, только надеждой на эту встречу – и всё напрасно...»

Бунинский Николай Платоныч всё-таки дождался, его встреча состоялась, но плоды долгожданной встречи вкушать он не успел...

Слышу я Ваш голос издалёка.... «Кто такая Мария Карловна?» Какая Мария Карловна? А... Из шуточного письма, Ивашкой подписанного.

Первая жена Куприна. Бунин их и просватал, мы же с Вами это проходили, помните: «Нам-то что... мы как маменька скажут...». И вот ведь что интересно: Александр Иванович «отомстил» Бунину за сватовство. Он активно участвовал в венчании Бунина. Вот что писала Вера Николаевна Бунина-Муромцева той самой Марии Карловне о роли Куприна в её венчании:

«Ведь это он, так сказать, повенчал нас в церковном браке, он всё и устроил, за что я ему бесконечно до смерти буду благодарна, так как успокоило мою маму, моё письмо о венчании было к ней последним... Он был моим шафером. Службу он знал хорошо, так как вместе с другим шафером они заменяли певчих. Он говорил, что очень любит устраи-

вать и крестины и свадьбы»¹⁴.

Серкидон, история отношений Бунин-Куприн – человеческая дружба и писательское соперничество – не менее интересна, чем их произведения. Поинтересуйтесь, не пожалевте.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

---

¹⁴ М.К. Куприна Иорданская «Воспоминания о Куприне». Из книги Иван Бунин «Pro et contra», стр. 89.

Приветствую Вас, Серкидон!

Не писал Вам с неделю, извините. Мотанулся по делам в Москву. Давний друг зазвал, но про Вас помню. О ранее написанном тоже помню...

Предлагаю выступать конкретней. Тема – «Муж и жена – одна сатана». Иван Алексеевич Бунин + Вера Николаевна Муромцева.

Для начала снова о Бунине.

«Писатель для писателей», «последний классик», «отдельный поэт» серебряного века, иноходец художественного слова. Великий стилист, прозу которого можно переписывать от руки километрами, и рука не устаёт. Тысячи страниц перечитал Иван Алексеевич зоркими глазами, тысячи листов исписал сначала робкой, затем твёрдой, потом нетвёрдой, а под конец и дрожащей рукой. Извёл на писание десятки ведер чернил, и до последнего его вздоха рядом с ним была жена – Вера Николаевна. После кончины писателя предметом её забот и попечений стали бунинские произведения...

Вера Муромцева была слушательницей естественного факультета Высших женских курсов, девушкой из дворянской старомосковской семьи, с большими и, казалось, хрусталь-

ными глазами. Красивая холодноватой, застывшей красотой. Она немного походила на Мадонну кисти неизвестного живописца. Познакомилась с Буниным на литературном вечере в доме Зайцевых.

Борис Константинович Зайцев¹⁵ написал об этой встрече так: «На одном сборище таком встретил он у нас тихую барышню с леонардовыми глазами, из старинной дворянской семьи... Вера Николаевна Муромцева жила у родителей в Скатёрном, училась на курсах, вела жизнь степенную и просвещённую. С женой моей была в давнишних добрых отношениях»¹⁶.

Изящный, худой, с острой бородкой, боковой пробор, острый взгляд. Вот и всё, что запомнилось. Никакого особенного впечатления молодой писатель на девушку не произвёл, а уж сказать, что сердечко ёкнуло, и вовсе нельзя. К тому же о писателях она слышала, что у них вечные романы и по нескольку жён. Зачем? Для жизни и одной любви – много. Но, как потом заметит Вера Николаевна: «Суженого конём не объедешь»¹⁷. Да как объехать, если Бунин «копытом стал бить» погромче сказочного Сивки-Бурки. Где ни появишься скромница Вера, тут же Бунин – вставал перед ней, как лист

---

¹⁵ Зайцев Борис Константинович (1881 – 1972), русский писатель и переводчик.

¹⁶ «Иван Бунин: pro et contra», стр.94.

¹⁷ «Русские дневники. Беседы с памятью. В.Н.Муромцева-Бунина, стр.258-259.

перед травой. И закружил молодую головушку словами да взглядами... А как закружил, повёл себя дерзко, «комплекса Мадонны» не испытывая, коршуном уцепился в добычу, точно знал, что без этой женщины «Окаянные дни» не перемотать, «Жизнь Арсеньева» не пережить, по «Тёмным аллеям» не побродить... А друзья-знакомые решили, что дело в стихах: мол, читал Ваня стихи, читал, да и зачитал девушку.

Стихи кончились быстро, началась суровая проза жизни, Вера Николаевна стала писательской женой. Это значит: и секретарём, и критиком, и нянькой, и громоотводом. Каждый день она готовила, стирала, мыла, чистила, перепечатывала. Широко открытыми глазами смотрела она в рукописи Бунина и имела мужество закрыть глаза на его амурные похождения...

С Буниним иначе было нельзя. Если он умудрялся влюбляться в вымышленных героинь – в чужих и собственных, – то уж когда рядом оказывалась живая оболстительная женщина, только и успевал Иван Алексеевич произнести слова Блаженного Августина:

«Господи, пошли мне целомудрие, но только не сейчас!...»¹⁸ А дальше несло его, как осенний лист по земле... И носило так листок до полной его желтизны и сухости... лет до шестидесяти пяти...

---

¹⁸ Всю жизнь я повторяю слова блаженного Августина: «Господи, пошли мне целомудрие, но только не сейчас...» эта фраза меня всегда умиляла, до чего же она прекрасна», – закончил Бунин. Валентин Лавров, «Холодная осень», с.306.

Однажды, а дело было уже в эмиграции, в доме Буниных появилась молодая женщина с фиалковыми глазами. Иван Алексеевич представил её, как ученицу. Но это была муза. Она стала порхать около Бунина то на террасе грасского дома, то на лесных тропинках, то на пляже в Канне. Вместе они работали над самым значительным произведением писателя – «Жизнь Арсеньева». Многие эпизоды этого повествования автор и муза проговаривали, гуляя то по ниццкой дороге, то по склонам, то по берегу. Затем автор сел за письменный стол, а муза, обратясь молодой женщиной, удивлялась: «... глядя на него, я думала, что и правда относительно существование вещей, лиц и времени. Он так погружён сейчас в восстановление своей юности, что глаза его не видят нас и он часто отвечает на вопросы одним только механическим внешним существом. Он сидит по двенадцать часов в день за своим столом и если не всё время пишет, то всё время живёт где-то там... глядя на него, я думаю об отшельниках, о мистиках, о йогах – не знаю, как назвать ещё, – словом, о всех тех, которые живут вызванным ими самими миром»¹⁹.

Восстанавливая свою жизнь, живя в годах детских, отроческих, юношеских, Иван Алексеевич на четыре года оставил время и не старился, но пустить время вспять не под силу даже писателю с невероятно развитым воображением.

У молодой женщины не было бунинского воображения,

---

¹⁹ Кузнецова Галина Николаевна (1900-1976), поэтесса, писательница бунинской школы.

она не могла представить Ивана Алексеевича всесильным, неиссякаемым богатырём, а писательские чары – время пришло – истаяли... Молодой женщине стало скучно рядом со стареющим мужчиной. Разрыв стал неизбежен ещё и потому, что во второй своей ипостаси – в образе музы – работу она завершила: «Жизнь Арсеньева» была до конца отстукана быстрыми пальчиками, за Нобелевской премией было съезжено, на радостях выпито. Так что вам ещё нужно, Иван Алексеевич?..

И муза – упорхнула, и женщина – ушла. А то, что Бунину «крикнуть хотелось вослед://”Воротись, я сроднился с тобой!”»²⁰, никого уже не интересовало. На закат печальный блеснула любовь улыбкою прощальной²¹. Блеснуло и смерклось. Учись, голубчик, жить в сумерках...

Музы приходят и уходят, а жёны остаются... В обязанность жены входит: утешить, поддержать, вылечить, привести в норму после очередного эмоционального потрясения... Всё лучшее, что есть у него, писатель готов отдать музе, которая помогает ему предстать перед читателем во всей красе... Как прекрасен писатель на бумаге! Какой он щедрый, умный, по-христиански всепрощающий во время писаний своих! Каким благородством светится его лоб!.. Но ведь должна уравниваться человеческая натура, должна

---

²⁰ Строчки из стихотворения Бунина.

²¹ «И может быть, на мой закат печальный, //Блеснёт любовь улыбкою прощальной». А.С. Пушкин.

проявиться и тёмная сторона души... Жёнам приходится общаться с раздражённым, мелочным, капризным человеком...

Понимаю, Серкидон, стать женой писателя Вам не грозит, но Вы и по жизни держитесь от этих писунов подальше. Сторонитесь литераторов, артистов, народных трибунов. Лучше дружите с палачами, с санитарями дурдомов, с судебными исполнителями. Эти всю агрессию и ненависть к человечеству выплёскивают на работе, а в быту люди милые и задушевные...

На двадцатилетие совместной жизни Бунин скажет: «Спасибо, Вера, тебе за всё. Ты сделала для меня куда больше, чем представляешь. Без тебя я написал бы столько? Нет и нет. Без тебя бы я пропал!»²²

Ирина Одоевцева вспоминает разговор с Буниным о Вере Николаевне: «Люблю ли я её? Разве я люблю свою руку или ногу? Разве я замечаю воздух, которым дышу? А отсеки мне руку или ногу, или лиши меня воздуха – я изойду кровью, задохнусь – умру... Всегда благодарю Бога, до последнего моего вздоха благодарить Его буду за то, что он послал мне Веру Николаевну...»²³

Знал, знал Иван Алексеевич, Кто послал... Но и на чёрта грех Ивану Алексеевичу жаловаться, с левой стороны тоже

---

²² Из книги Валентина Лаврова «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920-1953), стр.154.

²³ Там же, стр. 366.

немало было подброшено.

Что же связало таких разных людей вместе на сорок шесть лет? Предположу: связало обещание, которое бунинская душа дала Вседержителю. Такое она наобещала, что сидел Он с открытым ртом, а потом снабдил душу телом соответствующим, с особо чувствительными органами чувств, выносливым, терпеливым... Обещать легко – выполнить трудно. Земная ноша для одного была неподъёмна. Чтобы не опозорился, не оконфузился, не опарафинился астральный заложник, была прикреплена к нему верная помощница. Каким конём Вера Николаевна могла объехать Бунина, если направляла её Рука Божьего Промысла?

Ну и думаю, не испортит моего письма бунинский перевод из Лонгфелло²⁴. Понятно не весь, весь бы точно испортил, а вот небольшой отрывочек:

Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивою;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна.
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны.

---

²⁴ Из поэмы «Песнь о Гайавате», автор – Лонгфелло Генри Уодсворд (1807 – 1882), американский поэт

Пожелаю и Вам, Серкидон, верную помощницу в Ваших делах, жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Напишу Вам письмо, которое молодому человеку, брачными отношениями неискущённому, писать не имею право. Рано Вас тянуть в самые дебри сада супружества, в джунгли неверностей. Но тема требует продолжения. Из песни слова не выкинешь, из жизни семейной не удалить гнусных дьявольских искушений.

Но, поскольку читать Вам о них рано, договоримся следующим образом: Вы съешьте это письмо сразу по получению. Не читая....

Теперь, когда моя совесть, не то, чтобы совсем чиста, а скажем так – чистовата, позвольте напомнить отчего «всё смешалось в доме Облонских»²⁵. Буквально во второй строке романа писано: «Жена узнала, что муж был в связи с бывшей в их доме француженкою-гувернанткой...»

Далее. Вы смотрели «Иронию судьбы»? Нет, не так спросил... Сколько раз обьял Вас «лёгкий пар» от режиссёра Рязанова?²⁶.. Пока Вы считаете, напомню: героиню фильма звали Надя, она – школьная учительница. Всегда я удивлялся,

---

²⁵ Первая фраза из романа «Анна Каренина».

²⁶ Рязанов Эльдар Александрович (1927 – 2015), кинорежиссёр, сценарист, поэт.

почему такая красивая женщина стала учительницей. Шла бы в артистки... Нет, почему-то не пошла... Так вот, Надя рассказывала, что захаживал к ней по будням любовник, думается, пару раз в неделю заскакивал, а выходные дни он, примерный семьянин, проводил с семьёй. И Надя возненавидела выходные, а не свою глупость.

Ещё один случай, который мы частично разбирали: ещё не старый мужчина, который ранее вел жизнь примерную, монотонную, размеренную образцовыми брачными отношениями, вдруг на корпоративном междусобойчике натывается на молодую сотрудницу, недавно влившуюся в коллектив... Под действием алкоголя, шуточек-прибауточек и нахлынувших чувств они, мужчина и женщина, смотрят друг на друга со всё возрастающим вожделением. Затем: провожание, в подъезде – целование, и у неё в квартире – грехопадение... С дивана на пол... «О, как внезапно кончился диван...» – слышат любовники громовой голос поэта Вишневского... И этот голос толкает ранее примерного мужчину на новые сексуальные подвиги, он ощущает себя и ковбоем, и мачо, и маньяком, и маркизом де Садам...²⁷

А мы с Вами, Серкидон, понимаем, что в мозгу любовника сформировалась доминанта, которую её подневольный будет отрабатывать два-три месяца... Не всегда любовницей выступает сотрудница или гувернантка, в более болез-

---

²⁷ Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740 – 1814), французский аристократ, писатель, политик.

ненных случаях – подруга жены – змея подколодная. Как-то по-особому она улыбнулась. Что-то у неё распахнулось... И пошло-поехало.

Чем сопровождаются все эти случаи, если говорить о мужчине? Жизнь украдкой, боязнь разоблачения, или – жизнь на два дома, или – уход из семьи, с неминуемыми муками совести, переживаниями, тоской по детям. Иногда – и по заслугам – мужчинам достаются тяжёлые упрёки, скандалы с оплеухами...

Счастье Бунина состояло в том, что его супружеская измена не сопровождалась столь тяжёлыми для чувствительной натуры последствиями. Не сказать, что всё тишь да гладь, очаги напряжения были, раздавались временами и ворчания, и зубовные скрежетания, но в течение семи лет Галина Кузнецова жила в доме Буниных, считай, младшей женой. Вера Николаевна написала о том времени так: «Я...вдруг поняла, что не имею права мешать Яну любить кого он хочет... Только бы от этой любви было ему сладостно на душе... Человеческое счастье в том, чтобы ничего не желать для себя... Тогда душа успокаивается и начинает находить хорошее там, где совсем этого не ожидала...»

Хорошие годы для Ивана Алексеевича... Хорошие потому, что Вера Николаевна продолжала выполнять обязанности писательской жены. Следила за домом, хлопотала по хозяйству, переписывала понятным почерком каракули Бунина, которые только она и разбирала. Если бы не намётанный

взгляд «старшей жены», то ничего бы младшенькая не отступала своими быстрыми пальчиками.

Такое счастливое положение мужчины, когда рядом с ним две любимые женщины, большая редкость. Да и так надолго – на годы. Даже не припомнить мне другого мужчину, которой устроился бы так ловко, как Иван Алексеевич... Разве что у первого руководителя ленинского типа было такое... Ровесник Бунина, по которому писатель прошёлся в «Окаянных днях»: «Бог шельму метит. Ещё в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. .. А современная уголовная антропология установила: у огромного количества так называемых «прирождённых преступников» – бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза. Как не вспомнить после этого Ленина...»

Трудно признать Ильича в бунинском описании. До этого мною было читано и про «настоящий мудрый человеческий // Ленинский огромный лоб...», и про самого человеческого человека...²⁸ И это только у Маяковского, а кроме него работали сотни мифотворцев. К столетию вождя мирового пролетариата они превратили Ленина в бронзу, не оставив в нём ничего человеческого.

Попытку оживить Ильича сделала Мариэтта Шагинян, получив слово на каком-то писательском съезде. Седая бабушка, потрясая кулачками, кричала в микрофон: «Товарищи! Мы засушили историю! Ленин предстаёт перед нами толь-

---

²⁸ Определения из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

ко в образе вождя с вытянутой вперёд рукой. Почему вы не помните Ленина влюблённым человеком, который по двадцать раз на дню бегал на почту, узнать, нет ли письма от Инессы !»²⁹

(Справка. Инесса Арманд – революционерка, член РСДРП с 1904 года, мать пятерых детей, автор брошюры «О женском вопросе», в которой выступила за свободу женщины от брака, любовница Ленина.

Анекдот. Надпись на мемориальной доске в Цюрихе. «Здесь в 1910 году скрывался с Инессой Арманд от Надежды Константиновны Крупской вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин».)

А в зале сидели в том числе и те писатели, которые всю жизнь сочиняли сказки о Ленине, о его лебединой преданности Крупской... Да и остальным стало неудобно за вождя мирового пролетариата... Что же им было делать? Они стали хлопать, всё громче и громче, и громче, и захлопали. А при Сталине «шлёпнули» бы старушку...

Шагинян к микрофону и к архивам больше не допускали. Записки Крупской она успела привести в книге «Четыре урока у Ленина», которую закончила в возрасте восьмидесяти лет:

«В Зеренберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта

---

²⁹ Арманд Инесса Фёдоровна (1874 – 1920), деятель российского революционного движения.

ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой деревушке, как Зеренберг, можно было получать любую книжку из бернских или из цюрихских библиотек. Пошлешь открытку в библиотеку с адресом и просьбой послать такую-то книгу. Книгу, обёрнутую в папку, получаешь через два дня, бечёвкой привязан билет из папки, на одной его стороне надписан адрес запросившего книгу, на другой – адрес библиотеке, пославшей книгу. Это создавало возможность заниматься в самой глуши».

То есть получается – каждому по духовным потребностям. Идеальное общество уже было построено без вмешательства учения Маркса.

«Наняли мы с матерью две комнатухи у таможенного сторожа. Вскоре приехал Ильич. Много купался в море, много гонял на велосипеде, – море и морской ветер он очень любил, – весело болтал о всякой всячине с Костицыным, с увлечением ел крабов, которых ловил для нас хозяин...»

И какой же большевик не любил море и морской ветер!.. И ещё. Можно есть крабов жадно, можно – с аппетитом, можно – с хрустом, можно – с пивом... Есть крабов «с увлечением» мог только человек, страстно влюблённый в «Капитал», – наш Ильич! Прошу обратить внимание: и крабы с увлечением, и морской ветер, и велосипед – всё это на партийные взносы.

«Вставали рано, и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своём уг-

ду в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки».

От себя Мариэтта Сергеевна добавляет: «Тёплая волна музыки, смешанная с благоуханием леса, белых грибов, сухих, мшистых ложбинок под солнцем, гора Ротхорн («Красный Рог»), белые альпийские розы».

Но и без этого авторского добавления ясно, что Ильич жил в раю, с которым не может сравниться никакой коммунизм: партийная жена, партийная любовница, море, заснеженные горные вершины, крабы...

Но не по Сеньке шапка, Ленин не мог воспринять простое человеческое счастье... Однажды гуляли они с Крупской по альпийским холмам – воздух, солнце, трава зелёная. Ильич остановился, долго смотрел себе под ноги, потом сплюнул и сказал: «Ох, и гадят же нам эти меньшевички...»

О чём он думал этот революционер-террорист с отравленным сознанием, что было в голове у «мученика догмата»?

Потом он устроился в plombированном вагоне (в одном купе с Инессой), поехал в холодную неустроенную Россию, устроил там революцию. Погубил и русского царя, и любовницу-Инессу, и себя, и партийную жену, а заодно – миллионы людей...

Интересно, что не похожие, как день и ночь, ровесники попали в схожие условия, но писатель-Бунин удачное стечение обстоятельств качественно пережил и использовал, а революционер-Ленин, надо думать, и не заметил.

Крепко жму Вам руку, и до следующего письма, до следующей пары.

Приветствую Вас, Серкидон!

Задерите голову, мой эпистолярный собрат, нас ожидает встреча с великими людьми:

Екатерина Великая + Григорий Александрович Потёмкин
= величайшие страсти.

Мы с Вами, Серкидон, люди, любовь мало-мальски постигшие, понимаем, что пылкости недолговечны, что со временем пылкая любовь превращается стабильную любовь, потом к любви примешиваются привычки, уважение, а в рассматриваемом нами случае ещё и – соправительство. Но бурное счастливое время любви, её акме – самое интересное время. Хотел написать «начнём по порядку», но какой там порядок, когда царица втюрилась по самую государственную маковку. О чём свидетельствуют её письма к Потёмкину:

«Алексей Григорьевич Орлов у меня спрашивал сегодня, смеючись, сие: «Да или нет?» На что я ответствовала: «Об чём». На что он сказал: «По материи любви» Мой ответ был: «Я солгать не умею». Он паки вопрошал: «Да или нет?» Я сказала: "Да". Чего выслушал, расхохотался и молвил: «А видите ли в мыленке?» Я спросила: «Почему он сие думает?» «Потому, дескать, что дни счетыре в окошке огонь виден по-

позже обыкновенного»³⁰.

«От мизинца моего до пяты и от сих до последнего волоска главы моей сделано от меня генеральное запрещение сегодня показывать Вам малейшую ласку. А любовь заперта в сердце за десятью замками. Ужасно, как ей тесно... О, господин Потёмкин, что за чудо Вы содеяли, расстроив так голову, которая доселе слыла одной из лучших в Европе?..»

Государыня-императрица не в себе, буйна головушка – на повороте, кто управляет огромной империей? Пушкин? Нет, не Пушкин. Не рождён ещё. Кстати, слово «ещё», как утверждает любители-екатериноведы, любимое слово императрицы, она его часто и ласково шептала на ухо Потёмкину, а если писала, то писала – «исчо», поскольку познавать тайны русской грамматики стала в позднем возрасте и познала, мягко скажем, не все. То ли дело «по материи любви»: тут, и во многом благодаря Потёмкину, царица преуспела изрядно.

«Из Ваших сетей небось не выпутаешься, а час от часу более завернёшься... Я отроду так счастлива не была, как с тобой. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце моё обыкновенно пробалтывает страсть. Знатно, что

---

³⁰ Вся переписка взята из труда «Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769 – 1791), РАН, серия «Литературные памятники», издание подготовил В.С. Лопатин, М., «Наука» 1997.

полно налито и оттого проливается... Прощай, брат, веди себя при людях умненько и так, чтоб прямо никто сказать не мог, чего у нас на уме, чего нету. Это мне ужасно как весело немножко пофантажничать».

«Здравствуйте, Господин полковник. Каково Вам после мыльни? А мы здоровы и веселы, отчасти по милости Вашей. По отшествии Вашем знаете ли Вы, о чём слово было? Лехко Вам можно догадаться: Вы и мысли иногда отгадываете. Об Вас, милушка. Расцени Вас, а цены не поставили: её нет. Прощай, возись с полком, возись с офицерами сегодня целый день, а я знаю, что буду делать: я буду думать, думать об чём? Для вирши скажешь: об нём. Правду сказать, всё Гришенька на уме. Я его люблю, а есть нечто чрезвычайное, для чего слов ещё не сыскано. Алфавит короток и литер мало».

В любовных письмах и записочках даёт Екатерина Алексеевна возлюбленному говорящие прозвища: «душенька», «голубчик», «сокровище», «баинька», «гяур», «казак», «тигр», «лев», «фазан в кустах», «дорогой мой игрушоночек». Этим царица не ограничивается и склоняет имя любимого: Гриша, Гришенька, Гришёнok, Гришефишенька.

А Гришефишечка исключительные права фаворита быстро освоил, распустился и вёл себя кое-как. Принимал подчинённых в халате на босу грудь, заставлял слуг стоять на коленях, пока он пишет ответ царице, – вероятно, чтобы слу-

ги не забывали, кто они есть. По дворцу расхаживал в шубе на голое тело, в домашних туфлях и розовом ночном колпаке. Поднимаясь по лестнице Зимнего дворца, обычно грыз яблоко (репу, редис, чеснок), огрызок бросал куда придётся, за столом в плохом настроении грыз ногти. За что и был титулован любящей его царицей «Первым ногтегрызом империи». Надо же, и тут первый!

Даю по памяти из труда господина Сатина «Краткая история государства российского в частушках»:

Хмурый князь сидит небрит,

Пальцем ест морожено.

Он – царицын фаворит,

И ему положено³¹.

«Фу, миленький, как тебе не стыдно. Какая тебе нужда сказать, что жив не останется тот, кто место твоё займёт... Равного тебе нету. Я с дураком пальцы обожгла... Теперь читай в душе и сердце моём. Я всячески чистосердечно их открываю, и есть ли ты сие не чувствуешь и не видишь, то не достоин будешь той великой страсти, которую произвёл во мне...»

«Только как бы то ни было, мне нужно, чтоб я думала, что ты меня любишь, и малейшее о сём сумление меня жесто-

---

³¹ Память подвела Сочинителя писем. У Сергея Сатина: «Граф Орлов сидит небрит, // Саблей ест морожено, // Граф – царицын фаворит, // И ему положено.

ко трогает и несказанно печалит. Миленький, у тебя сердце добренькое: люби меня, хотя крошечко, за то что я чистосердечно тебя привязана. Я чаю, не будет терпенья у юлы прочесть сие письмо. Ну, кинь в огонь, я согласна. Только будь весел».

Нет, нет, нет, ни одного письма от венценосной возлюбленной не выкинул и не сжёг Григорий Александрович, все сохранил. А вот более опытная в делах амурных Екатерина поступала с письмами любовников, как римская курия с еретиками, хотя несли письма не ересь, а любовь и смирение. Примечательно то, как подписала императрица одно из писем к предмету своей пылкой любви:

«Adieu, mon beau faisan dor. Je suis Votre servant» – «Прощайте, мой прекрасный золотой фазан. Остаюсь вашей служанкой».

Насчёт служанки, наверное, всё-таки перегиб, хотя, если учесть красоту высокого состояния, в котором пребывала царица, так почему бы не почувствовать себя служанкой с короной на голове? Когда бурлят страсти, всё возможно. Бывает «До рассвета рабыней была госпожа»³², бывает, раб становится владыкой, бывает:

Кипит гранит, пылает лёд,

---

³² Из Игоря Северянина. Игорь Северянин (наст. Имя Игорь Васильевич Лотарёв; 1887- 1941), поэт «Серебряноговека».

И лёгкий пух сбивает с ног –
Что за напасть?
Вдруг зацветает трын-трава,
Вдруг соловьём поёт сова,
И даже тоненькую нить
Не в состоянье разрубить
Стальной клинок!³³

Подумалось, что в любви все барышни одинаковы, что государыня Екатерина, что Ваша Клава, пыл которой Вы охладили мороженым, а вот Потёмкин так делать не стал и государыня – вспылала.

Подхватывая эстафету высокопарного безумия, прощаюсь Вами ныне не обычно.

До следующего письма, мой серебряный голубок Серкидонушко, остаюсь вечно Вашим письмопосылателем.

---

³³ Из фильма «Обыкновенное чудо», слова Юлия Кима.

Приветствую Вас, Серкидон!

Сейчас проведу я среди Вас небольшой исторический ЕГЭ. Трепещите и отвечайте.

Кто был мужем Екатерины II?

1. Пётр I.
2. Пётр II.
3. Пётр III.
4. Потёмкин.

Вероятность верного ответа 50%. Вы напряглись всем телом и – бац – Пётр под номером три. Ответ верен!

Давайте почитаем Голя Николая Михайловича. Его весьма любопытная книга «Первоначальствующие лица» повествует об истории С-Петербурга и тех, кто в разные времена принуждён был высочайшим приказом этим городом командовать. Ну а поскольку книга историческая, то и о коронованных особах там тоже есть:

«Пётр Третий, выходец из Гольштейна, обожал всё прусское. Историки отзываются о его полугодичном царствовании почти единодушно неодобрительно. Он был эксцентричен, большую часть времени пребывал подшофе, не имел склонности к государственным делам. Окружив себя голштинцами, русский император демонстрировал презрение к

коренному населению подвластной ему страны...»

Дальше – больше. Выясняется, что он и жену свою не любил. А это-то почему? Её из любезной Пруссии для него привезли! И тем не менее:

«Пётр Третий супругу свою, Екатерину Алексеевну, не любил демонстративно, публично обзывал её дурой (в сообщениях иностранцев, присутствующих при подобных эксцессах, это слово забавно пишется латинскими литерами: «dura») и третировал, как мог. Его любовные связи были многочисленны; имелась и постоянная пассия, Елизавета Воронцова...»³⁴

До Екатерины стали доходить слухи, что государь собирается с ней развестись и уготовил ей в думах своих долю незавидную: либо заслать в монастырь, либо заточить в крепость, либо вернуть на родину. Варианты – один другого хуже. Ну а сам Пётр Фёдорович задумал жениться на фаворитке и зажить с ней припеваючи.

9 июня 1762 Пётр III торжественно возложил на Елизавету Воронцову екатерининскую ленту – орден Российской империи, коим награждаются великие княжны и дамы высшего света. Екатерина поняла, что дело идёт к женитьбе и медлить нельзя.

Братья Орловы, которых было всего четверо, и которых Екатерина называла своими ангелами-хранителями, прове-

---

³⁴ Воронцова Елизавета Романовна (1739 – 1792), фаворитка Петра III, графиня, дочь генерал-аншефа Р.И.Воронцова.

ли агитационную работу в войсках. Кому надо пообещали, кому можно – пригрозили, кнутом и пряником войска были собраны. Недовольных полу-прусским императором-пьяницей оказалось много.

Екатерина принимала парад. Выехала вперёд на своём коне Бриллианте и тут у неё... То ли с палаша слетел темляк, то ли с тепляка слетел палаш... Короче, произошла мелкая накладка – что-то слетело с чего-то. Вот в этот момент, как чёрт из табакерки, и обозначился вахмистр Потёмкин. Он подскочил к царице на своём коне и, подняв его на дыбы, отдал царице свой темляк (всё-таки темляк, что это, не знаю), впился в Екатерину влюблённым взглядом ещё двух голубых глаз, тряхнул светло-русыми волосами... А много ли надо, чтобы потревожить нестойкое сердце императрицы... А ещё у молодца был и орлиный нос, и высокий лоб, и красиво вытянутые брови, и щёки с румянцем, и могучие мускулы под мундиром, и весь он такой гигантский... варварский... романтический...

Но до амуров ли? Нет, не до них. Время было тревожное, судьбоносное, да и смотрят в восемь глаз братаны Орловы, от которых так скоро не отбоярисься... Наконец, кто-то из гвардейцев выкрикнул строчку из Вергилия: «*Audaces fortuna juvat*» – «Счастье сопутствует смелым».

И поскакали служивые во главе с царицей свергать с трона императора постылого и коварного... Никакого сопротивления Пётр III не оказал, сразу размяк и подписал отречение

от престола без раздумья. Его кумир и коллега по венценосному делу прусский император Фридрих II³⁵ сказал с сожалением: «Пётр оставил престол совершенно так, как уходит послушный ребёнок, когда его посылают спать».

Сон оказался вечным. Императора группа гвардейцев препроводила в Ропшу, где его и удавили. Алексей Орлов³⁶ новоиспечённой императрице писал, что Пётр заспорил за столом с князем Барятинским, «не успели мы разнять, а его уже не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты»³⁷.

Конечно, никто наказан не был, все были награждены. Нет императора – нет проблемы... Серкидон, не называйте будущую жену душой. На всякий случай, не называйте, а тем более прилюдно.

А Потёмкин? Был ли он награждён? В обязательном порядке! За участие в дворцовом перевороте, за красивые глаза, за темляк, вовремя поданный, получил бравый вахмистр 600 душ и 18 тысяч рублей. С тем и отбыл в отчий дом под Смоленск, дабы отдохнуть дома...

Говорят, что дома и солома едома, а как отдохнёшь дома, так по телу истома. И как умудрился Григорий Алексан-

---

³⁵ Фридрих II (1712 – 1786), король Пруссии, основоположник прусско-германской государственности.

³⁶ Орлов Алексей Григорьевич, граф Орлов-Чесменский (1737 – 1807), сподвижник Екатерины II, военный и государственный деятель.

³⁷ Н.М. Голь «Первоначальствующие лица».

дрович среди такой благодати прихворнуть – непонятно. Но занемог горячкою. И без того мужчина горячий, и надо же, такая хворь. Решил он вылечиться быстро и пригласил знахаря. Соорудил знахарь доморощенную припарку, и обвязал ею буйну голову. Возможно, бывали случаи, что припарки от горячки помогали, но на этот раз – не случилось. Не облегчение снизошло, а жар прихлынул к голове, и к глазу, который заодно с головой был обвязан. От жару нестерпимого сорвал Григорий Александрович то, что на голову было намотано, видит – на глазу остался нарост, зрение застилающий: стал болящий, не ведающий что творящий, нарост булавкой отковыривать... В результате таких манипуляций окривел.

Вот, Серкидон, к чему приводит самолечение. Заклинаю Вас: никаких знахарей – только в районную поликлинику.

Жизнерадостный страстный мужчина двадцати четырёх лет не на ратном поле, а дома да по собственной дури лишился глаза... А показалось, что вместе с глазом лишился всего на свете, и жизнь потеряла смысл. Засел Григорий Александрович в комнате с закрытыми ставнями, стал бороду растить и книги читать, готовясь уйти в монастырь... Вот тут и вломились в дом к отшельнику братья Орловы. «Здорово, тёзка, – крикнул Григорий,³⁸ – приказала императрица тебя осмотреть...» Освидетельствовали Орловы соперника на кривизну и повезли его в Петербург с лёгким сердцем, веруя,

---

³⁸ Орлов Григорий Григорьевич (1734 – 1783), генерел-фельдцейхмейстер, фаворит Екатерины, от него у царицы родился сын Алексей Бобринский.

что одноглазый да учёностями замороченный особой конкуренции в борьбе за обладание царственным телом не составит.

Ошиблись братья, одним глазом увидел Потёмкин больше, чем они восьмью. Но о том, как взвился Григорий Александрович соколом выше братьев Орловых, в другой раз.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Опять у нас ЕГЭ. Опять угадываем мужа Екатерины. Бац! Потёмкин.

Какой Вы везучий! Вы опять угадали. Всё верно, вторым мужем государыни императрицы был Григорий Александрович Потёмкин. Вы, наверное, сделали звонок к другу, а другом Вашим оказался Лопатин Вячеслав Сергеевич³⁹, историк, автор книг и о Екатерине, и о Потёмкине. Учёный, который плещется в восемнадцатом веке подобно дельфину. Судьбоносное венчание описал он так, будто сам венцы держал:

«Стояла светлая белая ночь, когда шляпка отвалила от Летнего дворца на Фонтанке, затем вошла в Неву, пересекла её и двинулась по Большой Невке. Там, в отдалённой, глухой части города возвышался Храм Святого Сампсония Странноприимца, основанный по повелению Петра Первого в честь Полтавской победы... Храм сохранился до наших дней. Чуть более 500 шагов отделяют его от берега Большой Невки. В соборе перед красным иконостасом духовник Императрицы Иван Панфилов и обвенчал её с Григори-

---

³⁹ Лопатин Вячеслав Сергеевич, р. 1936., кинорежиссёр, сценарист, историк.

ем Александровичем Потёмкиным. Свидетелями были: камер-юнгфера Марья Саввишна Перекусихина, камергер Евграф Александрович Чертков и адъютант Потёмкина, его родной племянник Александр Николаевич Самойлов, поручик лейб-гвардии Семёновского полка».

Тяжело далась священнику фраза «жена да убоится мужа своего», но императрица подбодрила мягким кивком, и духовник неловкость сию преодолел.

8 июня 1774 года состоялось сие великое таинство, таинство и в смысле церковном, и в смысле светском. Никто в империи, кроме участников ночного мероприятия, долгое время не знал о тайном венчании, а свидетели, духовник и брачными узами навек скреплённые о нём молчали.

Записка Екатерины Алексеевны князю Потёмкину от 8.07.1774:

«Баинка, я завтра буду и тех привезу, о коих пишете. Да Фельдмаршала Голицына шлюбки велите готовить противу Сиверса пристани, буде ближе ко дворцу пристать нельзя. Прощайте, будьте здоровы, а мы будем к вам веселы так, что любо будем. Monsieur le Gros (Господина Толстяка (фр.) позовите, буде изволишь. Adieu, mon Ami (Прощайте, мой друг (фр.))»

Записка царицы ничуть не опровергает, а, напротив, подтверждает версию венчания. А ещё более подтверждает то, что отношения между Екатериной и Потёмкиным после 8.06. 1774 года резко переменились. Дальше расскажу, как

переменились, но перед этим замечу: хорошо, что медовый месяц был качественно проведён молодожёнами до свадьбы, поскольку ни на свадьбу, ни на роды венценосцам отпуск не полагается. 12 июля 1975 года матушка Екатерина родила без отрыва от производства указов девочку – Лизу Тёмкину⁴⁰.

Отцом ребёнка был законный муж – Григорий Александрович. Лиза явилась единственным ребёнком (из пяти выживших), рождённым Екатериной в законном браке...

Совсем забыл я написать, что, выйдя из церкви, Потёмкин подхватил Екатерину на руки и понёс к набережной. Она же, обвив его шею руками, не переставая, шептала: «Богатырь мой ненаглядный, муж мой единственный. Счастье моё, любовь моя, жизнь моя...»

А Вы знаете. Серкидон, недавно я был в церкви Сампсония Странноприимца. Предпринял историческое путешествие. Сначала представил возможный путь невесты от Зимнего на шлюпках, потом не поленился и доехал до станции метро Выборгской, а там десять минут ходьбы до церкви. Ныне она красивая, каменная. Пётр Первый её возвёл деревянную, а вот какой она была в час венчания царицы – не могу знать, а спросить постеснялся. Потому что не до меня было, проходило в Божьей Обители таинство венчания, на этот раз дневное.

---

⁴⁰ Тёмкина Елизавета Григорьевна (1775 – 1854), дочь Екатерины и Потёмкина.

«Был жених серьёзным очень, // А невеста ослепительно
была молодой...»⁴¹

Уверен, что молодые, мечтающие стать людьми успешными и высокопоставленными, венчаются только здесь. Возвращался я к метро бодро, напевая песню из репертуара Муслима Магомаева:

Вот промчались тройки звонко и крылато,
И дыхание весны шло от них,
И шагал я совершенно неженатый,
И жалел о том, что я не жених...⁴²

Дома нашёл я ещё одну книгу о Потёмкине, и вот что вычитал о тайном венчании:

«Лодка Екатерины прошла по Фонтанке мимо Летнего дворца и повернула по Неве к невзрачной Выборгской стороне. У одной из пристаней Малой Невки дамы пересели в карету с задёрнутыми шторами, доставившую их к церкви св. Сампсония Страннопримца. Этот храм, первоначально деревянный, в украинском стиле, был возведён по велению Петра Великого в честь Полтавской победы (перестроенная в камне в 1781 году, церковь с высокой колокольней сохранилась до наших дней).

Потёмкин ждал императрицу в церкви. В церкви при-

---

⁴¹ Песня «Свадьба», сл. Роберта Рождественского, музыка Арно Бабаджаняна.

⁴² Песня «Свадьба», сл. Роберта Рождественского, музыка Арно Бабаджаняна.

существовало ещё только трое мужчин: священник и двое свидетелей. Свидетелем Екатерины выступал камергер Евграф Александрович Чертков⁴³. Потёмкина – его племянник Александр Николаевич Самойлов⁴⁴. Последний начал читать Евангелие. Дойдя до слов «Жена да убоится мужа своего», он смутился и взглянул на императрицу. Та кивнула – и он продолжал. Затем священник приступил к обряду. Самойлов и Чертков держали венцы. По окончании церемонии были сделаны брачные записи – выписки из церковной книги – и вручены свидетелям, которые поклялись хранить тайну»⁴⁵.

Хорошо, что я и в эту книгу заглянул. Выяснил для себя (и для Вас), что церковь перестроена в камне 1781 году. То есть при Екатерине. Сердце-то не камень, вот и распорядилась матушка-императрица увековечить дорогое для неё деревянное строение в камне. Уточнил я и водный путь невесты от Зимнего, примерно так его и представлял.

А об изменениях в отношениях по линии Екатерина – Потёмкин напишу уже завтра. Устал от этой свадьбы так, будто сам венцы держал. А теперь мне ещё тайну хранить. Вам я уже всё разболтал.

---

⁴³ Чертков Евграф Александрович (1735 – 1797), действительный статский советник, активный участник переворота 1796 года.

⁴⁴ Самойлов Александр Николаевич (1744 -1814), государственный деятель, генерал-прокурор.

⁴⁵ Из книги «Потёмкин» С. Себага –Монтефиоре. Саймон Джонантан Себаг-Монтефиоре, р. 1965., журналист, историк, специалист по истории СССР и России.

Подведём итоги. Григорий Александрович Потёмкин, мужчина весьма целенаправленный, добился значительных успехов. Сначала он убедил царицу провести инвентаризацию всех, кто были до него, и царица написала письмо, которое озаглавила – «Чистосердечное признание», а затем и принудил царицу к морганатическому браку.

А мы с Вами, Серкидон, ещё никого к браку не склонили. С надеждою шлю Вам жену такую, какой она видится Северной Семирамиде. Угадали кто это? Да, так называли Екатерину Вторую европейские просветители:

«Доброй хозяйки должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; к Богу усердной, к свёкру и свекрови почтительной; с мужем обходиться любовно и благо-чинно, малых детей приучать к справедливости и любви к ближнему; перед родственниками и свойственниками быть учливой, добрыя речи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздной, но радетельной на всякое изделие и бережливой в расходах».

Крепко жму Вашу руку, и до следующей невесты, до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Очень часто первые годы брака становятся временем испытаний. Потому что слишком велики ожидания молодожёнов, – думают, что если объявили их мужем и женой в Божьем Храме, то дальше раскроются райские ворота, а за этим райские кущи просто обязаны принять молодые тела... Ничего подобного! Грядут изменения, слом привычек и голос неба: «А готово ли ты, эгоистичное земное существо, к испытанию браком?..»

Особенно часты разочарования первыми годами брака (минус медовый месяц) у молодёжи. Но ведь Екатерина Алексеевна – не молодёжь. «Она ягодка опять, //Потому как – сорок пять». И Григорий Александрович тоже не молодёжь, тридцать пятый год на носу. И тем не менее, первые годы после брака прошли для них в обидах да в ругани. Ссорились супруги громко и знатно. Иной раз царица уже вся в слезах, а муженёк, от гнева красный, кричит-надрывается: «Я у тебя во дворце не для мебели!» Потом, уходя, дверью в сердцах хлопнет так, что и стёкла дребезжат, и мебель, которая для мебели, трясётся...

Екатерина ничего не хотела изменять. А Потёмкин считал, что ситуация изменилась: теперь он муж и повелитель.

Так чем же и где же повелевать, ежели всё занято? Об этом и спорили. Государыня императрица однажды не утаилась: «Не о любви мы спорим, а о власти...»⁴⁶

Тесно было им, германской лисице и русскому медведю, в одной берлоге, которую устроил Растрелли⁴⁷ на берегу Невы. У Екатерины Алексеевны государственная губа была отнюдь не дура, власть и почёт она любила, головой рисковала, чтобы к власти пробиться. Но и Григорий Александрович был ох как не прост! Чувствовал он в себе силы исполинские, приложению которых в узилище дворца места не было.

Но, слава богу, вырвался сей славный муж на простор и выказал себя политическим деятелем, государственным управленцем и полководцем, равного которому не было в России. Да и Европе был такой всего один, и бегал он ещё в коротких корсиканских штанишках. Гавриил Романович Державин написал:

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шёл ты средь путей известных,
Но проложил их сам – и шум
Оставил по себе в потомки;

---

⁴⁶ «Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769 – 1791), РАН, серия «Литературные памятники», издание подготовил В.С. Лопатин, серия «Литературные памятники», М., «Наука» 1997.

⁴⁷ Бартоломео Франческо Растрелли (1701 – 1771), русский архитектор итальянского происхождения.

Се ты, о чудный вождь, Потёмкин!

Власть развела владык по разные стороны...

В комсомольской песне поётся: «Дан приказ: ему на запад, // Ей в другую сторону...

У Гёте задействованы иные стороны света:

Если в браке двое злюк,

Нужно в час досужий

Отослать жену на юг,

А на север – мужа⁴⁸.

Напекор Гёте поступила наша парочка: он уехал на юг, «басурмана воевать»⁴⁹, города строить, она осталась на севере. Но отныне ни одного важного решения не принимала Екатерина Великая, не обсудив его со своим сердечным другом и соправителем. Цидульки⁵⁰ цветущей стадии любви закончились. Их сменила серьёзная государственная переписка, которая решала судьбы государств и миллионов людей. Даже судьбу одного человека – будущего фаворита царицы – решали вместе. Свято место, Серкидон, пусто не бывает!

«Иногда мне кажется, что мужчины и женщины не очень

---

⁴⁸ «Фауст», перевод Пастернака.

⁴⁹ «Улетел мой ясный сокол // Басурмана воевать...» строчки из частушки Александра Галича.

⁵⁰ Цидулька (устар.) – небольшая записка.

подходят друг другу. Может быть, им лучше было бы жить по соседству и иногда заходить друг к другу в гости». Так сказала актриса Кэтрин Хепберн⁵¹.

По такому манеру и зажила наша парочка. Хотя находились они не по соседству, а на разных краях империи. Из-за этого в гости получалось собраться не часто. Но зато как собралась Екатерина Алексеевна, так поехала в Крым всем «цыганским табором». Путешествие в Крым было отчасти инспекционным: а как потратил Потёмкин гигантскую сумму (55 миллионов рублей), выделенных ему из российского бюджета? Ведь во дворце поговаривали...

Врали всё во дворце, поклёп возводили на Григория Александровича недруги его – субчики-субпассионарии. Успокоилось беспокойное властное сердце после свершение инспекции. Деньги потрачены не зря, а с большой выгодой для её страны.

Письмо от императрицы Потёмкину после крымской поездки:

«Друг мой сердечный, Григорий Александрович! Третьего дня окончили мы своё шеститысячевёрстное путешествие и с того часа о прелестном положении мест вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, рдении, усердии и попечении и порядке, вами устроенных повсюду, и так, друг мой, разговоры наши, почти непрестанные, замыкают в себе либо прямо, либо сбоку твоё имя либо твою работу. По-

---

⁵¹ Кэтрин Хотон Хепбёрн (1907 – 2003), американская актриса.

жалуй, пожалуй, пожалуй будь здоров и приезжай к нам безвреден, а я, как всегда. К тебе и дружна, и доброжелательна».

Высочайший приказ Сенату от 8.06. 1787:

«Заготовить похвальную грамоту с означением подвигов Господина Генерала-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потёмкина в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населения губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Чёрном море с прибавлением ему наименования Таврического».

Немного поясню. Наименование «Таврический» повелевает царица прибавлять не к Чёрному морю, а к Потёмкину. Отныне он «пан атаман Грициан Таврический»!⁵²

А как была встречена царица! Как по-царски была встречена!..

Григорий Александрович Потёмкин с блеском реализовал свой талант режиссёра массовых представлений. Сценой для режиссёра Потёмкина стал полуостров Крым, артистами и статистами – разношерстное народонаселение, а зрители: императрица, её коронованные гости и плеяда царедворцев.

Но что для него все остальные! Все эти спутники и прихлебатели! Представление предназначалось только ей! И государыня насладились зрелищами сполна: её кортеж окружала блестящая татарская гвардия, потрясающая царицу

---

⁵² Пассаж из кинофильма «свадьба в Малиновке».

джигитовкой, её приветствовали толпы киргизов, нагайцев, туркмен, по рекам плыли роскошные галеры, за ними шлюпки с парнями и девушками, которые пели простонародные песни, на берегу толпились красочно разодетые люди, проводились маневры казаков, стреляли из пушек, эскадроны неслись навстречу своей повелительнице, в Херсон вместе с императором австрийским она въехала на огромной колеснице, во время всего путешествия по Тавриде она жила в домах с садами равными Эдему, в Карасубазаре, где она жила уже не в доме, а во дворце с фонтанами и водопадами, для императрицы был сделан сказочный фейерверк из 300 тысяч ракет, невиданная иллюминация! Горы были разукрашены вензелями императрицы, в Севастополе во время обеда вдруг отдернули занавес, закрывавший вид с балкона, и рассыпались в стороны мурзы и казаки, и перед восхищёнными зрителями открылась Севастопольская гавань с десятками больших и малых судов. На эскадре был поднят штандарт и раздался грохот салюта⁵³.

Во время пребывания в Крыму императрица сияла, она потеряла голову и от чудесной природы крымского края, и от представлений, и от внимания и почестей, и от восторгов окружающих. В Бахчисарае, вся переполненная чувствами, государыня писала любимому ученику и другу (так она называла Потёмкина) стихи. Выбирала языки: французский... немецкий... в конце концов написала в пику Татьяне Лари-

---

⁵³ Из книги Саймона Себаг-Монтефиоре «Потёмкин».

ной на русском. «Стихи на случай сохранились; //Я их имею; вот они...»⁵⁴

Лежала я вечер в беседке ханской,
В середине бусурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз имам народ влечет.
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Как уши он заткнув, взревел изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?
А мне мешает спать среди Бахчисарая
Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?
Хвала тебе мой друг! Занявши здешний край,
Ты бдением своим все вяще укрепляй.

И напоследок Вам скажу. На высоком горном перевале, осматривая окрестности, восхищённая императрица заключила: «Крым – самая лучшая жемчужина в моей короне!» Её путешествие обошлось казне в 10 миллионов рублей.

Настал черёд Григорию Александровичу съездить в Петербург.

В Таврическом дворце был устроен грандиозный и легендарный бал, который вспоминали не иначе, как сказочную феерию. Потёмкина же сравнивали с волшебником из «Ты-

---

⁵⁴ Строчки из романа «Евгений Онегин».

сячи и одной ночи». Всё, что могло поразить воображение было собрано: вазы из каррарского мрамора и печи из лазурного камня, бюсты славнейших мужей древности и золочёный слон, обвешанный бахромами из драгоценных камней, склонённые знамёна и пленные турецкие паши, волшебный маскарад и упоительная кадрили в двадцать четыре пары знатнейших дам и кавалеров, иллюминация, которую зажигали триста служителей, и пышный балетный спектакль, а в центре дворца, в зале под куполом – подобие великолепного храма, где над колоннами из красного мрамора с позолоченными капителями на мраморном карнизе золотыми буквами было начертано имя императрицы. Ну и конечно прибавлен обязательный в то время эпитет – Великая. В зимнем саду на красном мраморном подножии стоял образ императрицы, иссечённый из чистейшего белого мрамора в рост человеческого. И на подножии опять же золотыми буквами:

Матери отечества и мне премилосердной».

Коленопреклонённый Григорий Александрович, в алом кафтане и епанче из чёрных кружев, целовал руку императрице. Она была в русском платье с длинными рукавами и с богатой диадемой на голове. И у него, и у неё на глазах были слёзы, это была их последняя встреча...

Екатерина, вернувшись к себе, не могла уснуть, она была, точно Наташа Ростова после первого бала, полна впечатлений. Решила поделиться ими с бароном Гриммом, села за

письмо, описала всё, что припомнила, даже начертила план дворца, указав место, где сидела, с немецкой точностью отметила, сколько времени провела в Таврическом дворце, похвасталась тем, что это их совместная с Потёмкиным постановка. И закончила:

«Вот как, сударь, посреди тревог, войны и угроз диктатора (т.е. короля прусского) мы проводим время в Петербурге»⁵⁵.

Обошлась казне эта «постановка» меньше, чем освоение Крыма, однако немало стоила. Но ведь, если любить, то любить по-царски...

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

---

⁵⁵ Из книги Саймона Себага –Монтефиоре «Потёмкин».

Приветствую Вас, Серкидон!

Позвольте присовокупить к рассказу о князе Таврическом такую историю.

«Однажды, уже находясь в зените славы и могущества, за дорогим столом сделался светлейший князь как-то вдруг мрачен и стал ногти грызть. Гости и слуги притихли, ожидая, что будет. А светлейший молвил:

«Может ли человек быть счастливее меня? Всё чего я ни желал, все прихоти мои исполнялись, как будто каким очарованием: хотел чинов – имею, орденов – имею, любил играть – проигрывал суммы несчётные, любил давать праздники – давал великолепные, любил покупать имения – имею, любил строить дома – строил дворцы, любил дорогие вещи – имею столько, что ни один частный человек не имеет так много и таких редких, словом, все страсти мои в полной мере выполнялись».

С этими словами швырнул светлейший об пол фарфоровую тарелку и мрачнее тучи ушёл в спальню»⁵⁶.

Заметили, Серкидон, о женщинах ни слова, настолько не считал князь многочисленных поклонниц и любовниц ка-

---

⁵⁶ Из книги «Потёмкин» С. Себага –Монтефиоре.

ким-то достижением.

Что же случилось? Всё было у человека, а счастья не было. Или Григорий Александрович его не заметил, или не там искал, и счастье человеческое не в исполнении желаний, а где в другом месте...

Опустошив казну за трое суток на полмиллиона рублей, Потёмкин, простясь с супругой, отъехал в места приложения недюженных сил своих. На юг. Там он продолжил осваивать просторы российской империи и расширять их. А как всё расширил и всё освоил, почувствовал близкую свою кончину. Не мог светлейший жить вполне, могучий организм, рассчитанный, казалось, на вечную жизнь, израсходовал он к пятидесяти двум годам... В четырёх стенах умирать князь не захотел, приказал закладывать карету, захотел последний раз увидеть степи, почувствовать ветер с Чёрного моря...

Там в степи на голой земле и отошёл... искали по всем карманам империи – глаза закрыть, но не нашли, казак поддал медные пятаки, ими и закрыли глаза: и тот, что всё в жизни повидал, и тот, что видел поменьше...

Весть о смерти Потёмкина поразила императрицу, трижды она падала в обморок, терзалась и долго плакала. Записала нетвёрдой рукой: «Страшный удар разразился над моей головой, мой выученик, мой друг, можно сказать, человек-идол, князь Потёмкин-Таврический умер...»

Это было письмо к барону Гримму. Про то, что потеряла она мужа, писать было на всю Европу нельзя, об этом и в

России знало уже только пятеро.

«Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен... В эту войну он выказал поразительные военные дарования: везде была ему удача – и на суше, и на море...»

И не было в словах этих, хотя и сказанных посмертно, преувеличения, был Григорий Александрович человек удачливым, многогранным, а в пассионарности его сомнений нет никаких.

«Им никто не управлял, но он сам удивительно мог управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить...»

Тут Екатерина Алексеевна опять разрыдалась: «Нет Гришеньки, умер на сырой земле, а кажется только вчера, колена преклонённый руку целовал...»

«... у него был смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, Князь Потёмкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать».

Через неделю признается она в письме к тому же адресату: «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Только после безвременного ухода соправителя узнала царица, как тяжела она, шапка Мономаха. Непомерно для неё

тяжела... С момента смерти Потёмкина страна управлялась уже нетвёрдой рукой...

Через три месяца после кончины князя его доверенное лицо привезло в Петербург главное богатство Григория Александровича – письма от императрицы. Письма были разложены по датам и аккуратно перевязаны в пачки. Получив обратно то, что не чаяла увидеть, государыня заперлась за семью засовами и опять долго рыдала...

Если это не любовь, Серкидон, то скажите мне – что же это?

В советские времена, когда умирал человек такого масштаба, как Потёмкин, писали высокопарно: «Умер умелый управленец, крупный хозяйственный деятель, прекрасный организатор, талантливый полководец, пламенный патриот...»

В екатерининское время написали белыми буквами по чёрной доске:

«В Бозе почивающий светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический и проч. и проч., усерднейший сын отечества, присоединитель к Российской империи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель победоносных флотов на южных морях; победитель сил турецких на суше и на море, завоеватель Бессарабии, Очакова, Бендер, Аккермана, Килии, Измаила, Анапы, Сучук-Кале, Суннии, Тульчи, Исакчи, острова Березанского, Хаджибея и Паланки; прославивший оружие Российской империи в Европе и в

Азии, приведший в трепет столицу и потрясший сердце Оттоманской империи победами на морях и положивший основание к преславному миру с оной, основатель и соорудитель многих градов; покровитель наук, художеств и торговли, муж, украшенный всеми добродетелями общественными и благочестием. Скончал преславное течение жизни своей в княжестве Молдавском, в 34 верстах от столичного горда Ясс, 1791 года октября в 5-й день, на 52 году от рождения, повергнув в бездну горести не только облагодетельствованных, но едва ведающих его».

«Гибель героев подобна закату солнца», – говорил Карл Маркс. И тут как раз такой случай. Но вот... я чуть было не выдал следующую супружескую чету, хорошо, если Вы ничего не заметили.

Крепко жму Вашу руку, и до следующей пары.

Приветствую Вас, Серкидон!

Потихоньку начинаем переходить от матушки-императрицы и светлейшего князя к следующей паре...

Не дожили наши монаршие подельники ни до революции в России, ни до революционных предпосылок. И народovolьцы в них ничего не кинули. Восстание Пугачёва – стихия, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»⁵⁷, без идеологической подоплёки, без теоретического фундамента под собой, голимая разбойничья удадь. Доносились вести из Франции: о пошатнувшемся троне, о казни августейших особ... Пусть не свой трон пошатнулся, не твою голову отрубили, но всё равно боязно. Сын-Павел сказал, что нужно срочно направить во Францию пушки. «Бедный мой сын, – ответила Екатерина Алексеевна, – вы напрасно считаете, что с идеями можно бороться пушками». Вольтер, ну чистый Вольтер! Не зря, ой, не зря переписывалась Екатерина с просвещёнными умами Франции, кое-что от этих умов и ей перепало. Страшной силой становятся идеи, когда они овладевают массами. Но где взять идею, которой вдохновился бы пассионарий, потом вдохновил ею друга, потом – горстку со-

---

⁵⁷ А.С. Пушкин.

ратников, а потом и массы?..

Извольте любить и жаловать, Серкидон, идея о бесклассовом обществе! На дворе девятнадцатый век, «призрак ходит по Европе – призрак коммунизма». Познакомимся поближе с теми, кто разглядел этот призрак, культивировал и всячески способствовал его передвижениям по Европе.

Карл Маркс и Женни фон Вестфален.

«И я бы стал лохмат и гениален, //Женясь на баронессе фон Вестфален», – написал поэт Евгений Лукин, и непонятно чего больше в этих строчках – тонкой иронии или подлинной зависти. Воспримем же эти строки, как цветок, переброшенный прекрасной женщине через двадцатый век...

С мнением нашего современника – Евгения Юрьевича – соглашается Элеонора Маркс⁵⁸ – младшая дочь наипервейших марксистов:

«Не будет преувеличением, если скажу, что без Женни фон Вестфален никогда не мог бы стать Карл Маркс тем, кем он был. Никогда ещё две жизни – и обе такие замечательные – не были так тесно связаны, дополняя одна другую».

Продолжим опираться на мнения людей, близко знавших революционную чету. Вильгельм Либкнехт,⁵⁹ близкий друг семьи, и не пытается скрыть своего восхищения женой па-

---

⁵⁸ Элеонора Маркс (в замужестве – Эвелинг), (1855 – 1898), активная деятельница социалистического движения, суфражистка, переводчица.

⁵⁹ Либкнехт Вильгельм (1826 – 1900), немецкий революционер, социал-демократ, отец Карла, Теодора и Отто Либкнехтов.

трона:

«Госпожа Маркс была первой женщиной, благодаря которой я понял силу облагораживающего женского воздействия. Моя мать умерла так рано, что я сохранил о ней лишь неясное, смутное воспоминание. Позднее я также – если не считать очень короткого промежутка времени, опять же в очень раннем детстве – был лишён женского общества, которое могло бы несколько смягчить и обтесать мой характер. До встречи с госпожой Маркс я не понимал всей справедливости слов Гёте: “Коль знать ты хочешь, как себя вести, // У благородной женщины спроси!”»

Обратите внимание, Серкидон, на строчки великого поэта. Ведь и в Вашей жизни возможны перепутья, перемены, передряги, словом, времена, когда нужен совет... Что Вы говорите? Как нам быть с расхожей фразой «послушай женщину и сделай наоборот»? Дорогой Серкидон, у классиков надо читать каждое слово. Гёте написал «у благородной женщины спроси». А это означает – не у какой попало.

Активный участник социалистического движения, всю жизнь следовавший за Марксом-Энгельсом, как нитка за иголкой, портной по профессии – Фридрих Лесснер⁶⁰:

«Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те чудесные часы, которые я, как и многие другие, провёл в кругу его семьи, для меня незабываемы.

---

⁶⁰ Лесснер Фридрих (1825 – 1910), активный деятель рабочего движения, член союза коммунистов.

Здесь прежде всего блистала прелестная госпожа Маркс, высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и притом такая необыкновенно приветливая, любезная, остроумная, настолько лишённая всякого высокомерия и чопорности, что в её обществе любой чувствовал себя так же уютно, словно у собственной матери или сестры. Всем своим существом она вызывала в памяти слова шотландского народного поэта Роберта Бёрнса: «Woman, lovery woman, heaven destined you to temper man!» («Женщина, милая женщина, тебе небеса предопределено смирать нрав мужчины».) Она была воодушевлена делом рабочего движения, и каждый, даже самый незначительный, успех в борьбе против буржуазии проносил ей величайшее удовлетворение и радость»⁶¹.

Вот до какой степени вовлекли баронессу в революционное дело!

Автор книги «Женни Маркс», специалист по женщинам-марксисткам Луиза Дорнеманн⁶² свидетельствует:

«Своей необычайной красотой – красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился до конца жизни и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Герверг и Ласаль, своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота её, Женни фон Вестфален выделялась из тысяч». А что же Маркс?!

---

⁶¹ Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе, ч.1 стр 328.

⁶² Луиза Дорнеманн (1901-1992), немецкая писательница. Автор книги «Женни Маркс».

Отмотаем назад, к поэту Лукину! Не удивлюсь, если наши потомки, Серкидон, назовут Евгения Лукина гениальным поэтом. Только гений обладает даром выхватывать из моря слов ... Нет, не так. Прочь банальности! Представим себе огромный вишнёвый сад, из него Мастер выносит две вишенки, самые вкусные, самые красивые, самые ТЕ.

Пушкинское «Мороз и солнце – день чудесный!», лермонтовское – «Слуга царю, отец солдатам», лукинское «лохмат и гениален». Умри, Денис, лучше не скажешь! Именно так сказал Григорий Александрович Потёмкин автору пьесы «Недоросль» Денису Фонвизину после премьеры в 1782 году. И это стало крылатой фразой!

Лохматость мужа, как прочие издержки гениальности, Женни выдержала достойно. А могла бы пожаловаться: «Душит...это невозможно... запуталась...» Подобные жалобы стали слышны от коммунистов двадцатого века, заплутавших в марксовой бороде...

Но впервые на моей памяти против означенного атрибута величественности выступил английский писатель Герберт Уэллс⁶³:

«Около двух третей лица Маркса покрывает борода, широкая, торжественная, густая, скучная борода, короткая, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Такая борода не вырастет сама собой; её холят, лелеют и патриархально возносят

---

⁶³ Герберт Джордж Уэллс (1866 – 1946), английский писатель фантаст.

над миром. Своим бессмысленным изобилием она чрезвычайно похожа на «Капитал»; и то человеческое, что остаётся от лица, смотрит поверх неё совиным взглядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир. Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня всё больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса».

Ну что тут сказать, или Герберт Уэллс заподозрил в обладателе буйной растительности писателя-фантаста с потенциалом большим, чем у него самого, или, читая «Капитал», мягко скажем, понял не всё.

Вильгельм Либкхнет таким горе-читателям говорил, что жаловаться надо не на Маркса, «а на собственную ленность и неспособность к мышлению»⁶⁴.

Человек, способный к мышлению весьма и весьма – Франц Меринг⁶⁵ – автор самой подробной биографии Маркса, понял его отнюдь не верхоглядно:

«Карл Маркс был титаном мысли, несгибаемым борцом, непреклонным в идейной схватке с противником, человеком великой мощи и сурового величия».

Такой портрет, не знаю, как Вам, Серкидон, мне знаком со школьной скамьи. А вот чего я не знал, но тоже богато сказано. Один из молодых поклонников Маркса левый гегельянец

---

⁶⁴ Вильгельм Либкхнет «Из воспоминаний о Марксе».

⁶⁵ Франц Меринг (1846 – 1919), немецкий философ, историк, публицист, политик.

Мозес Гесс⁶⁶: «Представьте себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля в одном лице... И перед тобою будет доктор Маркс».

Слоняясь по Европе, пушкинист Анненков встречался (надо же!), а затем и состоял в переписке с Марксом. Хотел я приписать «наш пострел везде поспел», но из уважения к литературному наследию Павла Васильевича не позволил себе такую фривольность.

П.В. Анненков:

«Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения, – тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приёмы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны...»⁶⁷.

Буржуазная пресса. Эта продажная дама всегда рисовала Маркса желчным, циничным, грубым, саркастичным, изрыгавшим проклятия и непристойности. Для буржуа Маркс был исчадием ада.

---

⁶⁶ Мозес Гесс (1812 – 1875), один из первых немецких социалистов, публицист, философ.

⁶⁷ Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе.

Да, «он к врагу вставал железа твёрже»⁶⁸, но «к товарищу милел людскою лаской»⁶⁹. Многие члены Интернационала оценили и до конца жизни запомнили гостеприимность и отеческую заботу мэтра. А за бокалом вина да в обществе прекрасных дам ничего нудного и высокомерного не оставалось в Марксе: ироничный, компанейский, бесконечно остроумный. Когда же заходила речь о литературе, все замолкали, Маркс цитировал писателей Европы страницами, причём на языке оригинала.

Жаль, что такого искромётного Маркса не видел и не слышал его потенциальный цирюльник Уэллс. Но ведь Герберту в ту пору было лет семь-восемь, а маленьким мальчикам вино наливать не положено.

Ну вот, начинали мы с Вами по-серьёзному, а к концу письма скатились к застолью. А праздновать нам рановато.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

---

⁶⁸ В.В. Маяковский.

⁶⁹ В.В.Маяковский.

Приветствую Вас, Серкидон!

Ну что, мой революционный собрат, «весь мир насилья мы разрушим»⁷⁰? Но, позвольте, чуть позже, пока же добавим в повествование эротику. Дабы Вы не заскучали.

Впервые Женни увидела Карла голеньким (и без бороды!), когда ей было четыре года. «Какой славный малыш!» – воскликнула девочка. Малышу было то ли два, то ли три месяца, а на дворе – лето Господне 1818 года. Прусский город Трир, и четверть века до их свадьбы...

Они часто виделись, Женни и старшая сестра Карла Софи были подругами. Позже в письме к сыну глава семейства Генрих Маркс⁷¹ признавался, что «полюбил известную особу, как родное дитя»⁷².

Когда Карл попрос и поступил в гимназию, он оказался в одном классе с Эдгаром, младшим братом Женни, и стал частым гостем в доме Вестфаленов. Глава семьи, Людвиг фон

---

⁷⁰ Строчка из «Интернационала».

⁷¹ Генрих Маркс (1777 – 1838), адвокат, отец многочисленного семейства.

⁷² Взято из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг. Москва, Издательство Политической литературы, 1983».

Вестфален⁷³, симпатизировал юному Марксу, читал мальчику античных авторов. Барон, поклонник учения Сен-Симона, познакомил Карла с философией человека, впервые разделившего людей на классы. Знал бы отец Женни, куда приведёт это разделение бойкого юношу...

А что же наша Женни? Она расцвела в пышной юности своей, она окунулась с головой в мир удовольствий: балы, концерты, спектакли, вечеринки в казино, езда на санях с форейторами и звоном бубенцов, летние катания на лодках по Мозелю при луне.

Мозель это, Вы догадались, река, а вот фореитор – кучер, только румяный, надушенный и напوماженный.

До слёз жаль, но с Женни я на лодках не катался, на вечеринках не веселился, в казино не безумствовал, всё о беззаботной юности баронессы (чем тебе не Попрыгунья Стрекоза!) почерпнул у немецкой писательницы Луизы Дорнеманн. У неё же читаем далее:

«Полная прелести и очарования молодости, весёлая, остроумная, она радовалась своей красоте, с удовольствием вертелась перед зеркалом и наряжалась в лёгкие, воздушные платья»

Что тут скажешь, невеста хоть куда! По письмам видно – умница, на фотографии глянешь – красавица, а обозришь генеалогическое древо – аристократка. Дедушка Женни при-

---

⁷³ Фрайхерр Йохан Людвиг фон Вестфален (1770 – 1842), барон, общественный деятель.

нял дворянство из рук воителя Фердинанда Брауншвейгского, отец – барон Иоганн Людвиг фон Вестфален – крупный чиновник, занимающий почётное место в городской иерархии, старший брат – серьёзный молодой человек, станет министром внутренних дел.

Женни имела всё основания составить блестящую партию и прожить жизнь безбедную, оседлую, предсказуемую. Но подвёл девицу-красавицу ангел-хранитель: или на тучки загляделся, или отлучился из астрала да не доглядел, или крылья у него из такого места выросли, что и сказать неудобно, но... «пришла пора, она влюбилась»⁷⁴ в мальчика-гимназиста, который был на четыре года младше. Догадка Ваша, Серкидон, верна, звали его Карл, в нём молодая аристократка увидела утоление всех своих будущих страстей. Стала называть парнишку «маленьким чёрным дикарём», «чёрным лохматиком» и отказала всем большим белобрысым, хорошо причёсанным и хорошо воспитанным женихам Пруссии.

Что же касается Карла, в какое-то неустановленное, но прекрасное мгновенье раз и навсегда остановилось у ног Женни его могучее критическое мышление. Об этом союзе, об этой паре писали десятки биографов, но никто не сказал, когда и как родилось чувство, которое не смогли сломить суровые жизненные передряги...

Первым испытанием стал отъезд Карла на обучение в Боннский университет. Там он быстро обучился курить си-

---

⁷⁴ Из «Евгения Онегина».

гары, пить вина в непотребных количествах и предводительствовать в молодёжных пирушках. Компания подобралась весёлая и щедрая на выдумки. Дым стоял коромыслом! Молодость умеет превращать маленькие радости в большие.

Поговаривают, что однажды Карл дрался на дуэли, хотя они и были запрещены. Один раз, и это запротоколировано, молодой Маркс был на сутки посажен в каталажку за пьянство и нарушение общественного порядка, и только проникновенное письмо отца к судье спасло дебошира от тюрьмы. После этого случая советник юстиции Генрих Маркс перевёл сына в Берлинский университет, а перед этим он с негодованием оплатил долг сына, исчислявшийся уже весомой суммой в 160 талеров. Экономно тратить деньги молодой Маркс не умел и гордо пронёс это неумение через всю жизнь вплоть до седых волос.

К началу студенческих лет относится и увлечение литературой. Дерзновенный автор написал много стихов, драму, трагедию и отослал всё это в журнал, где ему вежливо отказали. Карл был взбешён, в ярости съел письмо редактора, а свои опусы сжёг. «И не попал он в цех упорный//Людей, о коих не сужу,//Поскольку к ним принадлежу»⁷⁵.

Биограф Меринг писал: «... среди многочисленных даров, положенных музами в колыбель Маркса, все же не было дара стихотворной речи».

Этот дар просто не поместился, колыбелька небольшая, а

---

⁷⁵ Из «Евгения Онегина».

напихали туда музы изрядно...

В столице Пруссии собственно и началось обучение молодого человека наукам. О Берлинском университете читающий там лекции Людвиг Фейербах говорил: «В сравнении со здешним домом труда другие университеты – сущие кабаки».

Кабаки молодому Марксу приелись, бесконечные попойки надоели, душа потянулась к строгому и вечному. Молодой человек полюбил слушать лекции Фейербаха, и сам решил стать философом. Это решение отец Генрих одобрил: пусть станет философом, лишь бы не пил. А как же королева балов? Нет, нет, забыта не была. Карл писал ей стихи, отсылая исписанные тетрадки в Трир с неизменным посвящением «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален». Из раннего Маркса:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури в полусне...
Так давайте в многотрудный
И далёкий путь пойдём,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.
Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,

В дерзновенье и стремленье
Полновластен человек⁷⁶.

«Ну вылитый Гёте!» – воскликнул я, а потом вижу – нет, не вылитый. Гёте с сожалением признавал, что его талант лишён боевитости. А этот парень «просит бури, как будто в бурях есть покой!»

Впоследствии, обнаружив у Женни свою студенческую писанину, Маркс был удивлён количеством и разочарован качеством стихов, сказал, что их надо немедленно сжечь. Женни не позволила: «Это лучшие стихи в мире. Они мои». Маркс вынужден был отступить.

Не тогда ли он возненавидел частную собственность?..

Желание стать литератором, потом философом не были последними испытаниями, которому молодой Маркс подверг старого. Карл сообщил отцу о своем твёрдом намерении обвенчаться с Женни фон Вестфален. Старший Маркс в ужасе схватился за седую голову, он уже понимал, какой из Карлуши экономист и отец семейства. Зачем с такими задатками лезть в аристократические дебри? Зачем превращать всех Вестфаленов в заклятых врагов? Не лучше ли взять в жёны девушку из скромной еврейской семьи, работающую, неприхотливую?

Генрих Маркс пишет сыну:

«Будущее Женни должно быть достойно её, она должна

---

⁷⁶ Ф.Меринг «Карл Маркс».

жить в реальном мире, а не уютиться в прокуренной комнате, пропахшей керосином, в компании безумного учёного»⁷⁷.

Какой пронизательный человек! Как в воду смотрел. Отрывок из другого письма отца Карла Маркса:

«Я – не ангел и знаю, что не хлебом единым жив человек. Но перед священным долгом должны умолкнуть все посторонние соображения. И я повторяю: нет для мужчины более священного долга, чем тот, который он возлагает на себя по отношению к более слабой женщине»⁷⁸.

Прекрасные слова, Серкидон, они адресованы не только непутёвому Карлу, но и всем мужчинам, собирающимся обзавестись семьёй. Придёт час, услышите слова Генриха Маркса. Родной сын пропустил их мимо ушей, отчасти потому, что молодыми всё было решено: они дали друг другу слово быть вместе. А вскоре их взаимное тяготение обретает логическое завершение. Женни приезжает к наречённому жениху. И по возвращению, уже из Трира, пишет: «Я ни о чем не жалею. Стоит мне закрыть глаза, как я вижу твою благословенную улыбку. О Карл! Я счастлива и полна радости. И опять и опять вспоминаю то, что случилось...»⁷⁹

Мосты сожжены. Ей – 27 лет, Ему – 23. Вдогонку к первому письму, летит второе:

---

⁷⁷ Ф.Меринг «Карл Маркс».

⁷⁸ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг. Москва, Издательство Политической литературы, 1983.

⁷⁹ Мэри Габриел «Любовь и капитал».

«Всякий раз после твоего ухода я пребывала в восхищении, и мне всегда хотелось вернуть тебя, чтобы ещё раз сказать, как сильно, как полно я люблю тебя... Если бы я только могла расчистить и выровнять твою дорогу, убрать все препятствия, стоящие перед тобой. Но, увы, нам не дано крепко ухватиться за колесо судьбы... Наша участь – ждать, надеяться, терпеть и страдать...»⁸⁰

Ждать надо было, пока Карл получит диплом: обвенчаться со студентом в те благоразумные годы приличная девушка не могла. Пока Карл учился, скончались оба отца, а мать, Женни уломала, объяснив ей, что она давно жена Карла де-факто, и несчастная женщина дала своё согласие на де-юре. Молодые скромно обвенчались и поехали в свадебное путешествие.

Женни писала: «Мы уехали из Кройцнаха через Эбернбург в Пфальц и возвратились через Баден-Баден обратно в Кройцнах, где и оставались до конца сентября»⁸¹.

Это было счастливое медовое лето. Одно на всю жизнь. Ничто его не омрачало. Лёгкий зубовой скрежет родичей с обеих сторон заглушали звуки поцелуев, и бытие было таким счастливым, что не определяло абсолютно никакого сознания.

Чего и Вам желаю, Серкидон, жму Вашу руку, и до следующего письма.

---

⁸⁰ Луиза Дорнеманн «Женни Маркс».

⁸¹ Там же

Приветствую Вас, Серкидон!

Надеюсь, Вы запомнили города-курорты, которые посетили наши новобрачные? Что и говорить, губа не дура! Вот бы и Вам, Серкидон, прокатиться тем же маршрутом, имея под боком приятную попутчицу! Лично я себе такое путешествие запланировал в одной из следующих жизней: в мужском ли, в женском воплощении, женихом ли, невестой ли, а нет – так мелкой пташкой, но побываю в тех местах обязательно!

А что же наши молодые?..

Вернулись в Трир. Они были счастливы три с половиной месяца. Счастья было полные штаны! Так им было хорошо, что выбрали они блаженство и благополучие лет на двадцать вперёд. А что потом? «Скатилась со счастья вожжа», – жаловался есенинский «форейтор». После сладостного свадебного путешествия – горестное гонение по Старому Свету.

А ведь начиналось-то по-козырному! Диплом Карл защитил с блеском, принялся редактировать рейнскую газету, тираж которой вскоре увеличился десятикратно! Маркс лично писал передовицы и мечтал сделать свою газету флагманом революционной демократии. Восторженная фрау Дорнеманн пишет:

«Никогда прежде отсталые прусские порядки не подвергались бичеванию с такой едкой иронией и меткостью выражений, с такой ясностью мысли и таким обилием неопровержимых фактов».

Долго терпеть бичевание с едкой иронией власти не пожела-ли: газету закрыли. Маркс – безработный. Давний приятель отца зашёл на огонёк и намекнул, что есть возможность получить «доходное место». Взамен пустяки: верой и правдой служить правительству Пруссии.

Маркс уже не мальчик, но муж. Жена на четвёртом месяце беременности. Мать, Генриетта Маркс, ждёт от сына помощи. После смерти мужа она на скромную пенсию пытается поставить на ноги братьев и сестёр Карла. Генрих Маркс смотрел на дочерей, среди которых ослепительных красавиц не было, с болью в сердце, писал Карлу, что «этот товар ходок только, когда позолочен»⁸², с дальним расчётом: мол, придёт пора, позолоти сынок.

По всем земным меркам Маркс должен был принять заманчивое предложения и жить, как все. Но пассионарий – дитя Космоса: живя жизнью земной, обывательской, он не успевает расходовать огромную космическую энергию, заложенную в него. Поэтому идёт пассионарий тропами нехоженными, или первопутком, или – на красный свет, или – лезет на рожон. И потом, смиришь бунтарь, стань он «наёмником

---

⁸² Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871гг».

капитала»⁸³ мы с Вами, Серкидон, ничего не узнали бы ни о Марксе, ни о Женни...

Скрытый подкуп гневно отвергнут, приятель отца выставлен за дверь, а Карл Маркс выдворен за пределы Пруссии. Какому правительству нужен критикан-революционер, носитель опасных идей? Маркса стали гонять по Европе (чуть не ляпнул, как вшивого по бане, едва сдержался), как вольнодумного Руссо. Но если Руссо бегал один, то Маркс со всей семьёй. Для Женни начались годы переездов, бесконечных беременностей, тревог за здоровье детей. Политические гонки закончились в туманном Альбионе, гонимая семья осела в Лондоне. Тут хотелось бы написать – и обрела долгожданный покой и достаток. Ничего подобного...

Дайте дух перевести... «Чайку хлебнуть, и снова в путь!» (это – стихи...)

Я снова с Вами. «Дорогой мой, Серкидон, // Был такой мудрец – Прудон». (Это опять стихи). Так вот Прудон⁸⁴, размышляя на тему, как обустроить капитализм, написал свою «Философию нищеты». Маркс раскритиковал Прудона работой «Нищета философии». Для горемычного марксова семейства в его лихие годы подходит название «Нищета и философия». А лучше просто – «Нищета». Чего другого можно ожидать, если муж без работы, а дети рождаются один за

---

⁸³ Определение из «Золотого телёнка».

⁸⁴ Пьер Прудон (1809 – 1865), французский публицист, философ, экономист. Первый человек, назвавший себя анархистом.

другим.

Читаем биографов:

«На протяжении многих лет нужда в доме Марксов была гнетущей. Семья неделями питалась одним картофелем, в зимние холода сидела без угля, а если кто-нибудь заболел, то нечем было заплатить врачу и за лекарства. Женни чуть ли не ежедневно вела унижительную войну с кредиторами. Вновь и вновь приходилось ей умолять булочника, мясника и бакалейщика отпустить хоть что-нибудь в долг. Дело доходило до неприятных объяснений и оскорбительных сцен. Много сил и нервов приходилось ей тратить на улаживание конфликтов с домовладельцами, так бедность и связанное с ней постоянное унижение как над семьей дамокловым мечом постоянно висела опасность остаться без крова. Последним спасением всегда оставался ломбард, куда перекочевывали не только вещи, без которых можно было обойтись, но даже белье и нередко – единственная юбка Женни»⁸⁵.

Сердобольная марксова тёща Каролина прислала в помощь служанку, платила ей жалованье, умоляла дочь вернуться в тёплый и сытный дом, но Женни с двумя, а потом и с тремя дочерьми оставалась и в нищете, и в тесноте, и в тумане. Сводный брат Женни никак не мог смириться с тем, что она, баронесса фон Вестфален, вышла замуж за еврея. Он, Фердинанд фон Вестфален, уже ставший начальником прусской полиции, подослал в семью Маркса человека под

---

⁸⁵ Виталий Сарланов . Из книги «Жена Маркса» .

видом доброжелателя с заданием узнать, как живёт зять, чем занимается, нельзя ли посадить поганца в тюрьму.

«Засланный казачок» прислал в Пруссию отчёт:

«В частной жизни он очень неряшлив, циничен, отвратительный хозяин. Он ведён богемную жизнь. Редко моется и меняет бельё. Быстро пьянеет. Зачастую целый день слоняется без дела; но если у него есть работа, то он сидит за ней днём и ночью. Ложится спать и встаёт когда вздумается. Иногда не спит всю ночь и всё утро, к полудню ложится на канапе, не раздеваясь, и спит до вечера, не обращая внимания на домашнюю суету. В его квартире нет ни одного целого предмета мебели. Всё поломано, покрыто пылью, в большом беспорядке. Посреди гостиной стоит большой стол, покрытый подобием скатерти. На нём рукописи, книги, газеты, клочки ткани от шитья его жены, треснувшие чайные чашки, грязные ложки, ножи, вилки, свечи, чернильницы, стаканы, трубки, табачный пепел... Всё это вперемешку... Когдаходишь к Марксам, дым от угля и табака ест глаза, точно в пещере, и ничего не видишь. Гости приглашают присесть на детский стульчик, но он не вычищен, так что можно измазать брюки. Все это нимало не смущает ни Маркса, ни его жену»⁸⁶.

Далее добрый шурин направил письмо лондонским коллегам, в котором просил рассмотреть возможность арестовать Маркса за подрывную деятельность. Королевская полиция

---

⁸⁶ Из книги Жака Аттали, серия ЖЗЛ, «Карл Маркс».

ответила, что, пока данная деятельность остаётся лишь в теоретической плоскости, для ареста означенного господина нет никаких весомых оснований.

Беспросветная нищета подтачивает силы, по ночам Женни плакала. А какая бы женщина не заплакала на её месте? Маркс от ночных рыданий убежал к Энгельсу в Манчестер.

Женни писала вслед:

«Мой милый Карл! Я было твёрдо решила не мучить тебя постоянно денежными делами и вот снова принимаюсь за своё. Право, Карл, не знаю, что мне и делать. Маренго (домохозяйка) не может и не хочет больше ждать, она меня прямо повергает в ужас. Она уже на всех наводит страх. К тому же ещё булочник, гувернантка, бакалейщик и страшный человек мясник. Я в таком положении, Карл, что не знаю что делать. В глазах всех этих людей я выгляжу просто лгуньей»⁸⁷.

Ну, скажете Вы, Серкидон, это обычные женские причитания. Хорошо, вот Вам письмо мужчины, которого плаксой назвать никак нельзя.

От Маркса – Энгельсу.

«Моя Женни больна. Моя дочь Женни больна: у меня нет денег ни на врача, ни на лекарства. В течение восьми-десяти дней семья питалась только хлебом и картофелем – диета, не слишком подходящая в условиях здешнего климата. Мы задолжали за квартиру. Счета булочника, зеленщика, молоч-

---

⁸⁷ Женни – Карлу, 14.06. 1852 г. Лондон. Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871гг».

ника, торговца чаем, мясника – все неоплачены. Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пенни на чтение газет... Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, это если бы домовладелица вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, на сумму в 22 фунта ст. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, молочник, чаеоторговец, зеленщик, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние восемь-десять дней я занял несколько шиллингов и пенсов у каких-то обывателей; это мне неприятнее всего, но это было необходимо для того, чтобы не околеть»⁸⁸.

Маркс намекает другу и спонсору: пришли деньги. Потом такие письма научатся писать и дочери. Женни в своих письмах к Энгельсу только благодарила за присланное (деньги, вино), просить – ей не позволяло происхождение.

Но Маркс работал. Несмотря на болезни домашних, голод и домашнюю суету. Работал за единственным столом, порой к его стулу дети пристраивали остальные стулья, устраивая «омнибус». Маркс был «лошадью», и ему приходилось делать вид, что он везёт, иначе можно было получить кнутом. Так он писал «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Часто, желая сосредоточиться только на работе, Маркс писал по ночам. А это разрушительно для здоровья...

---

⁸⁸ Маркс – Энгельсу 8.09.1852. Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг».

Пожалуй, достаточно о жизни семейства Маркса в пятидесятые... Всего писать Вам не имею права, поскольку некоторые письма Маркса и отдельные дневниковые записи Женни больше подходят для сценария голливудского фильма ужасов, чем для нашей переписки.

С начала шестидесятых жизнь на бытовом уровне не сказать чтобы стала совсем хорошей, но перестала быть беспросветной. Энгельс ежемесячно присылал нечто вроде пособия, помогали сочувствующие члены первого Интернационала, некоторые из них завещали Марксу значительные суммы. Относительное материальное благополучие позволило с бородой уйти в писание «Капитала».

А что Женни? Она – подвижница. Женни всегда считала часы работы над текстами мужа «самыми счастливыми в своей жизни». Вечером, после домашних дел, разборок с кредиторами, в крохотной клетушке, при слабом освещении баронесса отрабатывала марксистский факультатив. Главная трудность – отвратительный почерк Маркса, который сам себя не всегда мог разобрать.

Наконец первый том «Капитала» дописан. Женни пишет Энгельсу:

«Какая радость видеть перед собой рукопись столь огромного размера и в начисто переписанном виде! У меня гора с плеч свалилась...»⁸⁹

---

⁸⁹ Из письма Женни Маркс к Энгельсу от 24 декабря 1866. Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг.»

Хотите, Серкидон, чтобы у Вас гора с плеч свалилась? Попробуйте переписать первый том «Капитала», разрешаю Вам ничего не править, просто – переписать. Не хотите? Ну тогда хотя бы попробуйте его приподнять...

О том, что Женни Маркс блистала как хозяйка революционного салона, мы с Вами уже наслышаны. А что же дочери? Они, конечно, радовали, они подросли и поддерживали мать, и в борьбе за существование, и в революционной борьбе. Умницы, красавицы, заметные фигуры в социалистическом движении, пропагандистки папиных идей, переводчицы «Капитала». Коллективный Карл Маркс в женском облики...

Да, пожалуй, так лучше всего. Именно – «в женском облики». Сначала я написал было «Карл Маркс в юбке», потом исправил «в трёх юбках». Получилось нечто несусветное! Такое и не представить! Легче представить себе квадратный трёхчлен из широкоизвестного анекдота о Василии Ивановиче...

Так что считайте, Серкидон, что мне пришлось сделать по Вашей милости два черновика, прежде чем нашёлся единственно верный образ. И кто меня научил такой требовательности к себе, к ответственности перед словом? Карл Маркс! Работая над письмом к какой-то, незнакомой ему, Вере Засулич⁹⁰, Маркс набросал прежде два черновика, и лишь тре-

---

⁹⁰ Засулич Вера Ивановна (1849 -1919), народница-террористка, социалистка, писательница.

тий вариант письма был отправлен в холодную и тёмную Россию...

Так о чём это я?.. Ну да, о дочерях, о красавицах. Когда эти цветочки расцветают, вокруг них начинают виться наглые мохнатые шмельки с желанием отведать нектара. Маркс бил по хоботкам, и с особым рвением отгонял от дочерей революционеров и социалистов, учитывая горький опыт жены. Приведём отрывок из его письма Полю Лафаргу⁹¹, который начал подбивать колья к средней дочери:

«Прежде чем окончательно определить Ваши отношения с Лаурой, мне необходимо иметь полную ясность о Вашем материальном положении. Моя дочь предполагает, что я в курсе Ваших дел. Она ошибается. Я не ставил этого вопроса, так как, по моему мнению, проявить инициативу в этом отношении следовало Вам. Вы знаете, что я принёс всё своё состояние революционной борьбе. Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое. Только я не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь её матери»⁹².

Это письмо доказывает, что Маркс всё понимал. Он был умный человек, но раб своего Предназначения. В заключе-

---

⁹¹ Поль Лафарг (1842 – 1911), политический деятель, социалист, муж дочери Маркса Лауры.

⁹² Письмо от 13.08.1866. Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг». Москва, Издательство Политической литературы, 1983.

ние коротко – мои пожелания относительно Вас:

1. Выбирая дело, не ввязывайтесь в освобождение всего рабочего класса. Это не получилось даже у Маркса. Постарайтесь лучше освободить себя от: лени, невежества, страха, зависимости от вредных привычек.

2. Выбирая жену, ищите такую, как Женни фон Вестфален. При этом имейте в виду: такие женщины могут полюбить только выдающегося мужчину. Пытайтесь соответствовать.

3. Выбирая друга, ищите такого, как Энгельс. Но учтите, верного друга найти ещё труднее, чем верную жену. Маркс познакомился с Энгельсом (по одной из легенд) в старинном шахматном кафе «Режанс», Париж. Поищите и Вы друга там.

Да, письмишко-то получилось длинноватым... Помнится, доцент Коровкин говорил нам студентам, что в письме к неведомому корреспонденту Маркс разразился следующей сентенцией: «Извините, я написал Вам длинное письмо, но у меня совершенно нет времени...»⁹³

Вы поняли намёк, Серкидон? Э-э! Серкидон! Вы там не уснули на противоположном конце наших эпистолярных отношений?

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма, которое,

---

⁹³ Вероятнее всего Маркс цитировал графа де Местра. Говоря о сложности краткого изложения мысли граф говорил: «Извините длину этого письма. Я не имел времени сделать его более коротким». Жозеф-Мари, граф де Местр (1753 – 1821), католический философ, литератор, политик.

надеюсь, будет короче.

Приветствую Вас, Серкидон!

Обратите внимание, большинство людей живёт так, что и вспомнить-то о них нечего: ну да, родился, ну вот, скончался. А что между этим? Где высокие проявления человеческого духа? Их нет. Собачья свалка, крысиные бега, или, как шутил Маркс, «война мышей с лягушками». Разговор же о личности значительной, высокодуховной и пассионарной подобен ремонту квартиры: закончить нельзя, можно только прекратить. Что мы с Вами, Серкидон, сегодня и сделаем.

И вот что я предлагаю: пусть Маркс был человеком масштаба неохватного, но сюсюкать с ним не будем. Призовём Маркса на суд истории. Так, чтобы и с адвокатом, и с прокурором...

Смотрите-ка, явился! Не оробел, стоит соблазнитель пролетариев, как гетера Фрина, закутанный чёрным покрывалом. Закутан так, что даже чёрную бороду не видно на чёрном покрывале. Кстати, прекрасная тема для детского ужастика: чёрная, чёрная причёрная борода на чёрном, чёрном, причёрном покрывале. Но все шутки сторону, смотрите: изготовился к слову прокурор.

Обвинительная речь:

«Уважаемые господа присяжные заседатели! Высококочи-

мый суд!

Давайте внимательно посмотрим на возникшего призраком чёрного гения человечества... Ба! Да это же вылитый Карабас-Барабас! Сейчас нам плохо видно бороду, но всегда и всем была видна его грубость, нетерпимость к чужому мнению, желание повелевать и устанавливать законы, а ещё лучше – диктатуру. Другая сторона Карла Маркса. Развернём его и увидим: авантюризм, наглость, самоуверенность, желание всюду сунуться своим носом. А это уже от Буратино. Где-то должен быть золотой ключик. А вот и он – упразднение частной собственности на средства производства. Дверей для этого ключика так и не нашли. Дома, которые строили по чертежам Маркса, стояли без окон, без дверей, полны обманутых людей. Стояли, покуда не разваливались. И погребли под собою многих.

Есть одно верное определение коммуниста: это человек, у которого ничего нет, и он хочет этим со всеми поделиться. Коммунист Карл Маркс подходит под это определение, как никто другой.

Тут же спрошу: «Можно ли верить теориям человека, который не в силах организовать достойную жизнь своей семьи?» На его совести смерть трёх собственных детей, не перенесших крайнюю нищету, страдания и безвременная смерть жены. Аморальность этого типа дополняют: жизнь на деньги приятеля, незаконнорождённый ребёнок от служанки

Елены Демут⁹⁴, шашни с племянницей, которая была младше его почти на двадцать лет, курение дорогих сигар и игра на бирже.

Он, внук раввинов как с отцовской, так и с материнской стороны, провозгласил: «Религия – опиум народа», после чего подсунил народу свою религию. Где опиум заменен на героин. Вкусив от его теории, пролетарии всех стран почувствовали себя героями-гегемонами! И что? Одни погибли в классовых войнах, остальные или деградировали, или спились. Прозорливый Отто фон Бисмарк говорил: «Очень жалко тех людей, на которых эта теория будет практически опробована. Хорошо, если это будут русские».

Ну а кто же ещё, какой ещё народ мог отважиться сунуться в пасть такому учению?! В России портреты Маркса повесили вместо икон, а слова «слава Богу» заменили лозунгом «слава Труду!» Свидетель российской катастрофы Герберт Уэллс писал:

«Коммунистическая пропаганда сплотила всех озлобленных и обездоленных во всемирную организацию бунта и надежды... Они избрали Маркса своим пророком и красное знамя – своим символом».

А что в результате? Миллионы жертв, крушение надежд и опять через жертвы возврат к капитализму. Простите мне мою вольность, господа, но в заключение речи, учитывая на-

---

⁹⁴ Елена Демут (1820 – 1890), экономка и домоправительница в семье Маркса с 1846 года.

циональность подсудимого, расскажу анекдот.

– Папа, – спрашивает мальчик отца, – а кто такой Карл Маркс?

– Это человек, который избавил мир от цепей... Сара, ты помнишь свою золотую цепь?..

Господа присяжные заседатели! Высокочтимый суд! Я требую этого новоявленного Прометея, вложившего огонь классовой ненависти в души людей, приковать не золотыми, а стальными цепями к скале и пусть к нему каждодневно прилетает орёл с клювом не меньшим, чем нос Сен-Симона, и терзает ослабленную алкоголем печень подсудимого. Спасибо за внимание».

Да, Серкидон, крутовато. Можно было бы обойтись орлом с обычным клювом. Но тише, слово предоставляется второму участнику соревновательного юридического процесса.

Говорит адвокат!

«Многоуважаемые присяжные заседатели! Члены высокого суда!

Прежде всего мне хотелось бы напомнить рьяному обвинителю об интеллектуальном могуществе человека, застывшего величественной тенью перед нами. В этом могуществе не усомнился ни один из его многочисленных противников. Карл Маркс знал все европейские языки, латынь, древнеславянский, прекрасно знал экономику, а философия, как античная, так и современная, была для него открытой книгой. Поражает количество изученного и написанного им. Не од-

нажды Маркса признавали мыслителем века⁹⁵. Любому критику, прежде чем пытаться бросить тень на светильник такого разума, разумно было бы сравнить его мощь со своим скромным потенциалом.

По сути. Многие забыли, что капитализм первой половины девятнадцатого века был людоедом. И чем моложе был человек, тем с большим удовольствием и тем скорее капитализм его пожирал. Треть работающих на английских фабриках были детьми, встречались дети шести и даже пяти лет. Они работали в ужасающих условиях по четырнадцать часов в день. Нынешнее относительное вегетарианство капитализма оплачено миллионами жизней. Неутомимая деятельность Маркса вдохнула надежду в сердца пролетариев, осветила путь к освобождённому труду. С каждым гудком «локомотива истории», а так Маркс называл революции, капитализму приходилось умерять свои аппетиты. Что же касается без преувеличения титанического труда – «Капитала», то сам Маркса, вполне справедливо охарактеризовал его как «самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа». Отношение Маркса к этой работе раскрывает отрывок из письма к одному из своих приверженцев:

«Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому

---

⁹⁵ Журнал «Нью-Йоркер» привёл слова неназванного крупного американского бизнесмена: «Чем дальше я на Уолл-стрит, тем яснее понимаю, что Маркс был прав». Журнал назвал Маркса мыслителем века.

использовать каждый момент, когда я был работоспособен, чтобы закончить мое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох... не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи»⁹⁶.

Эти строки дают ответ на многие вопросы и прежде всего на вопрос «Кто вы, доктор Маркс?». Это доктор, дерзнувший стать врачом человечества.

Что же касается его жены, то вот выдержка из её письма мужу: «Для меня, однако, главное в Германии то, клянусь честью, что здесь я увидела украшение рода человеческого, мужчину-совершенство»⁹⁷.

Уверяю вас, господа, Женни Маркс прожила сложную, временами трагическую, но счастливую жизнь вместе с мужчиной, которого любила, который восторгался ею, страдал из-за того, что не может дать ей должного на материальном и бытовом уровне. Жестоко переживал Маркс смерть детей, похоронив девятилетнего сына Эдгара, он поседел. В пись-

---

⁹⁶ Из книги Ф.Меринга «Карл Маркс»

⁹⁷ 24.08.1845., Женни – Карлу. Из книги «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг». Москва, Издательство Политической литературы, 1983.

ме к Энгельсу читаем: «Теперь я знаю, что такое настоящее горе...»

Величественна была жизнь Маркса, но не менее величественна была его смерть. Вот что пишет подруга дочери Элеоноры: «В последний раз я видела доктора Маркса, когда он лежал в гробу, с руками, скрещенными на груди – боец, доблестно сражавшийся до тех пор, пока оружие не было выбито из его рук силой большей, чем его собственная. Замечательно спокойным было его лицо, морщины сгладились, старость, казалось, отступила, все следы страдания стерлись. Осталась спокойная и величественная мощь»⁹⁸.

Как это созвучно со строчками русского поэта Лермонтова:

«Но с торжествующим врагом//Он встретил смерть лицом
к лицу,//Как в битве следует бойцу».

ГОЛОС СВЕРХУ: ЗАКАНЧИВАЙТЕ!

В заключении цитирую слова верного друга и соавтора Маркса – Фридриха Энгельса:

«Свершилось! Человечество сделалось на целую голову ниже и притом на самую замечательную голову из всех тех, которые теперь существовали».

Вечная слава герою! Благодарю за внимание».

Вот такие дела, Серкидон! Солнце коммунистов закатилось, и дальше они шли впотьмах... Явно перебрал с ко-

---

⁹⁸ Марианна Комин, подруга Элеоноры Маркс, «Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе».

личеством сказанного адвокат, был предупреждён сверху и речь свою вынужден был свернуть. Она не должна была на много превышать речь обвинителя. Иначе бы слова Энгельса неплохо было бы продолжить. Он писал:

«Движение пролетариата и дальше пойдёт тем же путём, но исчез тот центр, к которому в критические минуты неизменно обращались французы, русские, американцы, немцы, получая всегда ясные, надёжные ответы: такие ясные и надёжные, которые мог дать только человек в совершенстве знающий предмет»⁹⁹.

Любопытный момент в оправдательной речи – это путь общественно-экономической формации от людоедства к вегетарианству. Такое случается и с людьми. В молодости человек радостно развратничает, ест мясо с кровью, ездит к цыганам, играет в карты, а потом, ближе к неизбежному уходу, раскаивается, зовёт «в келью под елью», пропагандирует вегетарианство, призывает к опрощению...

Это путь не только графа Толстого, – если подумать, наберётся целая рать этаких поздних праведников.

Моё мнение о теории Маркса: мне кажется, его подвела излишняя страстность. Когда мужчина страстно любит женщину, он не видит её недостатков. Для идей и женщин правило одно: люби, не особо фанатей. Но... но если «Капитал» и ошибка, то ошибка гения. Беда в том, что в девятнадцатом веке был у человечества только один Карл Маркс. Было бы

---

⁹⁹ Из книги «Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе».

их пятнадцать-двадцать, глядишь, в идейных столкновениях могла бы родиться истина.

Что касается речи обвинителя, соглашусь в той части, где учение Маркса приравнивается к религии. Действительно, очень похоже. «Библией рабочего класса» называл «Капитал» ещё Энгельс. Далее появились иконы, община, места поклонения, ритуалы, мученики за веру... А первой благочестивой мученицей предлагаю считать Иоганну Берту Юлию Женни фон Вестфален.

А что же с приговором? А приговор за Вами, Серкидон. Я умываю руки. Хватит того, что я предоставил Вам материал, плюс к тому Вы выслушали обвинительную и оправдательную речь. Вы и есть присяжные заседатели, к которым обращались прокурор и адвокат. Высший суд на Небесах ждёт. А вдруг там именно сейчас решается вопрос о следующем воплощении души, скажем по-русски, Карла Генриховича?

Крепко жму руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Всё ждал от Вас вопроса: «В чём ошибка Маркса?» Вы мне такого вопроса так и не задали. Но от ответа Вам не уйти. Мой боевой клич на сегодня «Серкидон не уйдёт от ответа!» Так написано у меня на экране мысленного взора...

Действительно, почему не всё сбылось (мягко скажем) у тех, кто строго придерживался теории Маркса? Что не учёл, как говаривал Энгельс, *Uberlegener Geist* (превосходный ум)? Глупо нам с Вами, робким неучам, искать ошибки Маркса в областях философии и политэкономии. Но вот в вопросах морали?! Мы этикой учёности поверим!..

Из «Капитанской дочки», и такое впечатление, Серкидон, что лично к Вам, обращается Александр Сергеевич:

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

А что у Маркса? Воззвания к борьбе до последнего... призывы к свержениям... а что всего печальнее – диктатура... диктатура... диктатура. А чем сильнее ты давишь на мир, тем яростнее его противотействие...

Хотя мы с Вами знаем и другого Маркса, не кровожадно-

го, не чуждого мирному, земному, человеческому. Он и шутил, и улыбался, и внуков забавлял, и письма игривые писал. И не только дамам. Отец Поля Лафарга, тогда ещё только жениха дочери-Лауры, прислал в подарок семейству Марксов ящик французского вина, на что отец невесты ответил любезным письмом.

Карл Маркс – Франсуа Лафаргу, в ноябре 1866 года:

Дорогой г-н Лафарг!

Надеюсь, что г-н влюбленный извинился перед Вами за мое непростительное молчание. С одной стороны, меня преследовали неоднократные рецидивы болезни, с другой, я был настолько поглощен большим трудом, над которым работаю, что запустил переписку с моими самыми близкими друзьями. Если бы я не причислял Вас к этой категории, то никогда не осмелился бы подобным образом нарушить правила приличия.

Сердечно благодарю Вас за вино. Будучи сам уроженцем винодельческого края и бывшим владельцем виноградников, я умею ценить вино по достоинству. Полагаю даже, вместе со стариком Лютером, что человек, который не любит вина, никогда не будет годен на что-нибудь путное...¹⁰⁰

Только не спрашивайте меня, Серкидон, какой такой большой труд писал Маркс в ноябре 1866 года, иначе я, всплыв, могу кинуть в Вашем направлении что-нибудь тя-

---

¹⁰⁰ «Непобеждённый еретик» – название книги Эриха Соловьёва. Соловьёв Эрих Юрьевич, 1934., доктор философских наук.

жёлое. Например, первый том «Капитала», который всегда у меня под рукой... Лучше спросите, кто такой «старик Лютер»? Спросили?..

Ну затерзали Вы меня, Серкидон, своими вопросами! Сначала: «В чём ошибка Маркса?», теперь – «Кто такой Лютер?..»

Отвечаю:

Мартин Лютер – богослов, бунтарь, «непобеждённый ерестик»¹⁰¹, инициатор Реформации, проповедник, пастырь, переводчик Библии, композитор, поэт, мощный старик.

С большим уважением Маркс относится к старшему товарищу по мыслительному делу. В его работах более двух десятков ссылок на труды Лютера, которого «младший товарищ» назвал «старейшим германским политико-экономом».

Раз уж так стихийно зашла у нас речь (заметьте, с Вашей подачи, Серкидон) о Лютере, давайте разберёмся, что же объединяет, кроме любви к вину, эти две равновеликие (на мой субъективный взгляд) личности?

Оба они философы; оба прекрасно образованы; и того и другого взрастила и выучила в своих университетах Германия, и, как нетрудно догадаться, первым языком наших мэтров был немецкий, хотя и по латыни оба балаболили так, что и Цицерон мог бы позавидовать; каждый из них успел закончить титанический труд («Капитал», перевод Священ-

---

¹⁰¹ «Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835-1871 гг». Москва, Издательство Политической литературы, 1983.

ного Писания на немецкий язык), каждый стал основателем новой религии. Маркс и крестился, и женился в лютеранской церкви, жёны и у одного, и у другого – немецкие аристократки (Женни фон Вестфален, Катарина фон Бора¹⁰²), обе семьи были многодетными – по шесть детей в каждой, отцовство и Маркса, и Лютера омрачалось утратами, испытаниями, оба ушли в мир иной, едва переступив шестидесятилетний рубеж, и полностью исчерпав резервы организма.

Это не всё.

Труды мыслителей не были поняты народом. Ни простой мирянин, ни рядовой пролетарий не понимали ни богословские труды Лютера, ни философские работы Маркса. Но оба вождя обладали харизмой, горящим взором и умели повести за собой, устремив руку в светлое будущее.

О верных друзьях. Если Вы, Серкидон, спросите меня, кто был верным другом Маркса, я... Вы примерно знаете, что я сделаю. Что касается Лютера, ему помогал словом и делом богослов Филипп Меланхтон¹⁰³.

О лютых врагах.

Маркс: выбрал своим противником мировую буржуазию, задумал истребить капитализм как общественно-экономическую формацию, растоптать его, как поганку. Лютер: пошёл с крестом на римского папу, как бывалоча мужики хо-

---

¹⁰² Катарина фон Бора (1499 – 1552), жена и соратница Мартина Лютера.

¹⁰³ Филипп Меланхтон (1497 – 1560), немецкий теолог, педагог, евангелический реформатор.

дили с рогатиной на медведя. И капитализм, и папство уцелели, но урон от наших забияк понесли изрядный.

Чем же было различны мыслители? Что разъединяло их, кроме антисемитизма Лютера?

Прежде всего – их разделяли три с половиной столетия. Далее; крещёный Маркс стал атеистом, Лютер оставался глубоко верующим человеком всю жизнь; Марксу пришлось хоронить жену, Лютера оплакала и проводила супруга; Маркс расшатывал устои государства, Лютер был государственным, и ему была глубоко чужда классовая борьба. Когда восставшие крепостные крестьяне попросили у Лютера помощи или хотя бы совета, когда они пожаловались на угнетения, пастырь, возведя очи к Небу, ответил примерно так: «Богом так дано. Вас и должны угнетать. Вы же крепостные крестьяне».

Примета наших дней: страны, где живут лютеране, в полном шоколаде. Страны, проповедующие религию Маркса, издалека тоже в чём-то шоколадном, но ближе лучше не подходить...

Лютер (по уважительной причине) не читал Маркса. Маркс читал труды Лютера и, как говорится с карандашом. И вот Вам, Серкидон, глубокий и краткий вывод Маркса:

«Лютер победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил чело-

века от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека. Но если протестантизм не дал правильного решения задачи, то всё же он правильно поставил её. Речь теперь шла уже не о борьбе мирянина с попом вне мирянина, а борьбе со своим внутренним попом, со своей поповской натурой». ¹⁰⁴

Хотя Вы, Серкидон, и не поняли ничего, всё равно встанем и поаплодируем...

Да Вы не обижайтесь, и я не сразу разобрался. Ой, не сразу. К слову скажу, Маркс прочёл всего Лютера и написал эти слова двадцати пяти лет от роду, даже женитьба, даже присутствие рядом молодой женщины (а это помеха огромной силы) не помешали темпераментному мужчине сделать столь глубокие выводы.

«А как же женитьба Мартина Лютера?» – спросите Вы меня, Серкидон. Не торопитесь, Серкидон, до сорока двух лет Лютер и знать не знал, что женится. Это Маркс мечтал с четырнадцати лет жениться на Женни. И это, пожалуй, единственное, где Маркса понять легко.

Крепко жму Вам руку, и до следующей свадьбы, до следующего письма.

---

¹⁰⁴ Карл Маркс «К критике гегелевской философии права. Введение», 1944 г.

Приветствую Вас, Серкидон!

Подчеркну самый скандальный момент прошлого письма: Мартин Лютер бросил перчатку папе римскому. Давид вступил в схватку с Голиафом.

Уточним оружие противоборствующих сторон. Лютер пошёл на папу, прикрываясь Священным Писанием точно щитом, а крест держал в деснице, аки меч. Папа по старинке решил довериться костру. Уже сожгли Джироламо Савонаролу¹⁰⁵, Яна Гуса¹⁰⁶, Иеронима Пражского¹⁰⁷. Всё вышло как нельзя лучше, так зачем выдумывать что-то новое?

Ян Гус успел сказать: «Я-то гусь, но за мной придёт Лебедь». Но не увидел папа грозного мстителя-Лебедея в неказистом монахе, не оценил размах крыльев, ибо беспечен¹⁰⁸ был папа донельзя. И это, пожалуй, самый извинительный недостаток Льва X.

---

¹⁰⁵ Джироламо Савонарола (1452 – 1498), итальянский монах и реформатор. Его сначала повесили, а потом сожгли.

¹⁰⁶ Ян Гус (1369 – 1415), проповедник, мыслитель, идеолог чешской реформации.

¹⁰⁷ Иероним Пражский (1380- 1416), чешский реформатор, оратор, сподвижник Яна Гуса.

¹⁰⁸ Лев X (1475 – 1521) пап римский с 11.03.1513 по 1.12.1521, в миру Джованни Медичи, не имел священного сана на момент избрания.

Признанный авторитет в историографии церкви Роланд Бейнтон,¹⁰⁹ а его книги мы ещё процитируем и не раз, пишет: «... папы периода Ренессанса были людьми светскими, ветреными, легкомысленными, чувственными, высокомерными и неразборчивыми в средствах».

«Создающие правила живут по исключениям» – написал Константин Мелихан. Аккурат про таких пап это сказано.

Если Вы, Серкидон, соберётесь стать высокопрестололюбом и папаведом, Вам пригодится следующая информация: за время жизни Мартин Лютер застал 10 (десять) пап. С шестью дружил и с четырьмя сражался.

Интересно мнение нашего давнего знакомого – Франческо Гвиччардини. Они с Лютером, как говорят в русских деревнях, годки. Родились в этом и тот же 1483-м году. В «Заметках» Гвиччардини можно встретить и – «Папа Лев рассказывал, что...», и – «Я говорил как-то папе Клименту...» Оба папы, выходцы из флорентийского аристократического дома Медичи. Земляки Гвиччардини! Вспомним «Горе от ума»:

«Как станешь представлять к крестишку иль местечку, // Ну как не порадеть родному человечку».

Папы по праву землячества «радели родному человечку» – Франческо, делали его то наместником, то посланником. Гвиччардини служил верно, но горе ему было от ума. И

---

¹⁰⁹ Роланд Бейнтон (1894 – 1984), автор книги «На сём стою. Жизнь Мартина Лютера».

вот что диктовал ему этот ум:

«Не знаю, кому больше, чем мне, неприятны честолюбие, жадность и изнеженность духовенства – и потому, что пороки эти отвратительны сами по себе, и потому, что все они, по отдельности и вместе, мало подходят людям, жизнь которых, по словам их, отдана Богу, и, наконец, потому, что пороки эти противоположны, так что совмещаться могут разве лишь в весьма странном субъекте...»¹¹⁰

Таким весьма странным субъектом и был папа Лев X. Оно конечно, папы разные важны, папы разные нужны¹¹¹, но такой как Лев под десятым порядковым номером нужен был лишь затем, чтобы убедить Европу в необходимости Реформации.

Читаем наполненные нескрываемым конформизмом откровения Гвиччардини далее:

«Тем не менее, высокое положение, которое я занимал при нескольких папах, заставляло меня любить их величие в силу моих собственных обстоятельств. Не будь у меня такого отношения к их величию, я бы возлюбил Мартина Лютера, как самого себя, но не ради того, чтобы презреть законы христианской религии, как она обычно толкуется и понимается, а ради того, чтобы видеть, как скрутят эту шайку злодеев, то есть заставят их или очиститься от пороков, или

---

¹¹⁰ Из книги «Заметки о делах политических и гражданских».

¹¹¹ У С.В. Михалкова «Мама разные нужны, //Мама разные важны».

остаться без власти»¹¹².

«Шайка злодеев», именуемая иначе римской курией, ничего, кроме высокой духовности не производила. Она громоздилась на шее у мирянина и являлась вершиной огромного римского айсберга. К части основной и скрытой от мира под церковной сутаной принадлежали: любовницы, содержанки, прислуга, незаконнорожденные дети, мамки-няньки, друзья-товарищи, родные человечки, услаждающие слух поэты, писатели...

Припомним воробушка Аньоло Фиренцуолу, к щебетанию которого благосклонно склонял слух папа Климент VII... Ладно, Фиренцуола, много ли ему надо: клюнул крошку да – в окошко. Но толпились у Высокого престола бойкие советники, мыслители с истиной на устах, музыканты-виртуозы, архитекторы с дерзновенными проектами, живописцы, готовые за деньги расписать всеми красками и Бога, и ангелов, и чёрта лысого, ещё – артисты, шуты, комедианты. У всех один смысл – вознести папский престол если не вровень с Господним, то пониже всего только ступенечкой.

Но вернёмся к первому противнику Лютера, к «странному субъекту», к папе Льву X. Всех взошедших на Высокий престол он сумел превзойти по разгильдяйству, мотовству и развращенности. Наша давняя знакомая Попрыгунья Стрекоза в сравнении с ним казалась бы скромной монашкой. Избранный в 1513 году, Лев X провозгласил: «Давайте будем

---

¹¹² Из книги «Заметки о делах политических и гражданских».

наслаждаться папством, которое ниспослал нам Бог!»

Чем и занялся. Отрешился от всех и всяческих пастырских обязанностей и целиком погрузился в языческие развлечения: музыка, танцы, театральные представления, карнавалы, украшение церквей, чтение непристойных стишков, азартные игры, попойки, оргии, охота. Ходил папа Лев в охотничьих сапогах, что мешало целовать ему стопы, но бесконечные просители-посетители как-то выкручивались...

Пожалуй, всё о папе. Дальнейшие описания могут превратиться в рекламу образа жизни. Завидовать начнём. Перед тем, как написать о более целомудренном участнике противостояния, позволю себе глубоко личное.

В шеренге весьма мною уважаемых философов достойное место занимает мистер Уолтер Шенди, отец незабвенного Тристрама. Своеобразно мыслящий джентльмен считал, «что хорошим и дурным именам присуще особого рода магическое влияние, которое они неизбежно оказывают на наш характер и на наше поведение». В устах наиправдивейшего капитана Врунгеля эта мысль выражена короче: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт»¹¹³. Шенди-старший утверждал, что многие Цезари и Помпеи сделались достойными своих имён лишь в силу почерпнутого в них вдохновения.

Памятуя это, со всей возможной ответственностью подошёл я к поиску имени для домашнего животного кошачьего происхождения, когда это животное ходило передо мной

---

¹¹³ Из мультфильма «Приключение капитана Врунгеля».

на шатающихся ножках. Домашний Цезарь или Помпей были мне абсолютно не нужны. Я искал нечто совсем мало воинственное и покладистое. Вы, Серкидон, помните, что кот моего зовут Лёва и что назван он в честь писателя Льва Новожёнова. Была у меня надежда, что домашний любимец, а так называют котов люди простодушные, в какой-то мере переймёт мягкость, скромность, интеллигентность, самостоятельность Льва Юрьевича, его умение понимать и ценить людей, быть благодарным... Но случилось ужасное...

Меня осенило вчера, когда я вычёсывал рыжее чудовище и был в очередной раз оцарапан. Случился мистический провал во временной портал, смешались нравы, столетия и... кот унаследовал самые дурные качества папы Льва X. Полюбуйтесь: изнеженность, нежелание трудиться, убеждённость в том, что окружающие обязаны его кормить, гладить по шёрстке и ублажать. А это нездоровая привычка считать всё мимо пробегающее и пролетающее своей добычей? А этот наглый набыченный взгляд? Причём, сверху вниз.

И что теперь делать? Папу Льва X, судя по всему, отравили в возрасте сорока шести лет, я так со своим Львом I поступить не могу. Всё-таки двадцать первый век на дворе...

Забыл написать о детстве Льва, который папа. О периоде жизни, когда был будущий папа не Львом X, а мальчиком. Детство у мальчика Джованни было золотым. Если почитать историю дома Медичи, то станет ясно, что главное Божеством в этом доме – Золотой Телец, остальные святыни

служили либо ширмой, либо предметом лицемерия.

Мартин Лютер.

Какое детство было у Мартина? А никаким. Детства не было. Поставим вместо детства прочерк. Семья жила когда бедновато, а когда впроголодь. Родители воспитывали мальчика в строгости, поколачивали. Мартин верил в эльфов, гномов, фей. Они точно есть, он видел их изображения на гобеленах, которые любил разглядывать. Верил в то, что есть злые демоны. И что есть озеро, где живёт полчище чертей, и поэтому туда ни в коем случае нельзя бросать камни. Иначе они как вырвутся, как выпрыгнут!.. От матери мальчик слышал, что молоко в их доме киснет, потому что соседка – ведьма. Но главная страшилка детства – Иисус Христос. Это было так же страшно, как Серый Волк, Баба Яга и милиционер, вместе взятые.

Лютер вспоминал: «Для меня с детства было привычно, что я должен бледнеть и пугаться, когда я слышу имя Христа: я ведь был обучен тому, что он для меня неумолимый и гневный судия»¹¹⁴.

Мартин постоянно подсчитывал количество добрых дел, которые надо совершить, чтобы умиловать этого неумолимого судью, от которого, по словам матери, люди убегали в монастырь. Каждый свой шаг и каждый свой вздох Мартин считал грехом, за который придётся заплатить, потому что неусыпный и гневный Христос всё видит и ждёт Своего

---

¹¹⁴ Из книги «На сём стою. Жизнь Мартина Лютера».

часа... Ожидание скорого наказания за грехи тяжкие однажды развернуло всю жизнь Мартина. В двадцать один год его застала в поле страшная гроза. Летняя, июльская. Молнии разрубали небо на куски, гремел гром, и Мартин решил, что вот то самое оно. Идёт Иисус Христос по его душу. Очередная молния ударила совсем рядом, порывом ветра Мартина бросило на землю. «Святая Анна, – закричал он, спаси и защити, и я стану монахом!..»

Когда обошлось, когда распогодилось, другой бы молодой человек, окажись он на месте Мартина, сказал так: «Ух... надо же какая дурь померещилась... чего с испугу не сболтнёшь». Но не таков был Мартин Лютер.

И что же мы имеем? Двух разных богов. Для папы Бог был щедрым дарителем, посылающим с Небес одну кайфушку за другой, для Лютера Бог – грозный и гневный судия, который всё видит.

Вам, Серкидон, какой Бог больше нравится? Лично я думаю так: какого бога человек себе выберет, такой у него и будет. Надеюсь, что Вы сделаете верный выбор.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Если я Вас правильно понял, стать монахом и забиться в келью – не Ваша стезя, Ваш путь – на чувственный простор! Поэтому «школу молодого монаха» пропустим, заодно с ней и многое другое.

Перед нами Лютер – заматеревший доктор богословия с правом толкования библии. Доктор Мартинус преподаёт в Виттенбергском университете и выходит со словом Божиим к мирянам, поскольку в 1516 году назначен проповедником в соборной Виттенбергской церкви. За искренность и теплоту проповедей, за умение найти кратчайший путь к сердцу прихожанина Лютера называют «виттенбергским соловьём».

Расскажу Вам, Серкидон, как взъерошился наш «соловушка», какими гневными трелями разразился, когда чёрны вороны карканьем и делами нечестивыми распушили его и разгневали.

Папа Лев X решил достроить базилику св. Петра. До него взялись было возводить, да не достроили. Колоны травой заросли. Ленив был папа и разнежен, как персидский кот, а вот поди ж ты, сподобился явить миру восьмое чудо света. Постановили обложить безропотных верующих новым побором. Побором для Собора. Способ избрали испытанный –

продажа индульгенций, и призывали для этого людей энергичных, наглых, беспринципных.

Уроженца Лейпцига монаха-доминиканца Иоганна Тецеля¹¹⁵ для такого богоугодного дела даже выпустили из тюрьмы и наделили широкими полномочиями. Тецель действовал с размахом. Своё «иду на вы» он присылал в город заранее, и встречали его: члены городского совета, сливки общества, патриции. С горящими свечами процессия шла на центральную площадь около рынка. Впереди несли крест с изображением папского герба и буллу об индульгенциях, покоившуюся на бархатной подушечке, украшенной золотым шитьём. Под барабанный бой водружался крест, и «великое таинство» начиналось. Тецель взывал громовым голосом:

«Слушайте! Бог и святой Петр взывают к вам. Поразмыслите о спасении своей души, а также своих усопших близких. Священник, дворянин, торговец, юная девица, почтенная женщина, юноша, старец, войдите ныне в свою церковь – церковь св. Петра. Взгляните на крест – самый святой из всех, когда-либо водружавшихся на земле и всегда взывающий к вам. Не кажется ли вам, что вы захвачены яростным вихрем искушений и опасностей мира и не ведаете, суждено ли вам достигнуть небес, – не своим смертным телом, но бессмертной своей душой? Поразмыслите о том, что все, кто покался, исповедался и внес пожертвование, получают полное отпущение всех своих грехов. Прислушайтесь к го-

---

¹¹⁵ Иоганн Тецель (1460 – 1519), саксонский монах.

лосам своих дорогих усопших родственников и друзей, умоляющих вас: «Пожалей нас, пожалей нас! Мы изнываем в ужасных муках, от которых ты можешь избавить нас за жалкие гроши».

Неужели вы этого не хотите? Прислушайтесь. Послушайте, что говорит отец своему сыну, мать – дочери: «Мы родили тебя, вскормили, воспитали, оставили тебе наследство, а ты столь жесток и черств, что не желаешь сделать сущий пустяк, чтобы освободить нас. Неужели ты позволишь, чтобы мы погибли здесь, в языках пламени? Неужели из-за тебя обещанная нам слава придет позднее?»

Помните о том, что вы способны освободить их, ибо как только монетка попадет в сундук, душа оставляет чистилище. Неужели всего за несколько грошей вы не приобретете эти индульгенции, которые смогут привести вашу божественную и бессмертную душу в рай – ее отечество?»¹¹⁶

«Красиво излагает, учитесь, Киса», – сказал бы великий комбинатор Остап Бендер.

«Не делайте так, Серкидон!», – скажу Вам я. Не приучайте душу жить пределами одной жизни. Если когда-либо повстречаете на пути ворона – взлохмаченного, хромого, пугливого – всмотритесь в эту жалкую птицу, узнайте – это Иоганн Тецель.

Но пока он ещё в человеческом облиции, резвится на рыночных площадях, торгуя бумагой. Торгует и подрифмовы-

---

¹¹⁶ Из книги Роланд Бейнтон «На сём стою. Жизнь Мартина Лютера».

вает: «Sobald das Geld im Kasten klingt, // Die Seel aus dem Fegfeueer springt».

В переводе: «Денежка в сундуке звяк – душа из чистилища прыг». Или можно так – «Денежка цок – душа скок». Похоже на ярмарочную припевку. Не иначе, на знаменитых лейпцигских ярмарках черпал торговец своё вдохновение.

Так! Стоп продажа. Вы ведь, Серкидон, нехристь непуганая, знать не знаете, что такое чистилище. Мне придётся провести для Вас короткую потустороннюю экскурсию в царство загробных мучений. Не бойтесь, со мной Вам будет не страшно. У Вас я буду за спиной. Слава Вергилия не даёт мне покоя¹¹⁷.

В католической мифологии потустороннее царство мучений поделено на ад и чистилище. В ад попадают души злобные, исправлению не подлежащие. А чистилище есть особый спецприёмник, куда попадают души с грехами либо по недосмотру не отмоленными, либо по умыслу утаёнными. В чистилище душа принимает те страдания, которые в жизни земной не претерпело тело.

Вот об этих-то страданиях и орал Тецель. Деньги ему несли даже нищие. Сундуки полнели. Ленивые грешники были очень довольны. Заплатил – и забыл! («Без сокрушения сердца!» – гневно восклицал Лютер). Люди недалёкие радовались за спасённые души близких. Люди понимающие осуждающе покачивали головами. Но не вмешивались.

---

¹¹⁷ Вергилий сопровождал Данте в «Божественной комедии».

Правда, было как-то раз...

Некий аристократ (история не сохранила его благородного имени) спросил у Тецеля, насколько велики его полномочия в отпущении грехов. «Сын мой, – ответил монах, – милость папы ко мне так велика, что я мог бы отпустить грехи даже тому, кто обесчестил святую Деву Марию». Тогда было спрошено об отпущении будущего греха. «При немедленной оплате и это возможно», – ответил сговорчивый торговец. Стороны поладили. Но едва Тецель выехал за пределы города Лейпцига (а дело было там), покупатель догнал его и отмутил изрядно. «Это и есть тот грех, святой отец».

К сожалению, данный случай был единичным. Тецель посчитал его рабочим моментом, досадным недоразумением. С такого ворона, как с гуся вода. Такие считают, что если деньги получены, всё и ладно. А монеты продолжали сыпаться в сундук Тецеля и ему подобных продавцов.

Гуманист Ульрих фон Гуттен¹¹⁸ грустно констатировал: «Мешки с золотом и серебром, подобно птицам, улетают из Германии через Альпы».

«Приходи, заступник и расплатчик!»¹¹⁹ – застыл немой клич над обиравшей Саксонией... И он пришёл, даже не пришёл, а прилетел белым Лебедем. Как наш соловушка сладкозвучный обратился грозным Лебедем, одному Богу извест-

---

¹¹⁸ Ульрих фон Гуттен (1488 – 1523), немецкий рыцарь-гуманист, один из авторов «Писем тёмных людей».

¹¹⁹ Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»

но.

31 октября 1517 года – день рождения Реформации. В этот день прибиты были к дверям замковой церкви в Виттенберге 95-ть тезисов, направленных против продажи индульгенций.

Опережало тезисы вступление:

«Во имя любви к истине и стремления разъяснить её, ниже следующее будет предложено на обсуждение в Виттенберге под председательством почтенного отца Мартина Лютера, магистра свободных искусств и святого богословия, а также ординарного профессора в этом городе. Посему он просит, дабы те, которые не могут присутствовать и лично вступить с нами в дискуссию, сделали это ввиду отсутствия, письменно. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

Лютер приглашал учёную братию подискутировать, но вот уж воистинну – «Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовётся...»¹²⁰

О том, что случилось далее Энгельс написал:

«Тезисы тюренского августинца оказали воспламеняющее действие, подобно удару молнии в бочку пороха».

Если точнее, то молний, осветивших сознание людей, было 95-ть. Но суть светопредставления можно свести к двум положениям:

– Папа не имеет власти над чистилищем, ибо оно во власти Господа. Индульгенции являются простой бумагой.

---

¹²⁰ Ф.И. Тютчев.

«Ага! – разом смекнули люди разумные. – Значит, все эти «звяк-прыг», «цок-скок», «шмяк-брык» являются наглым надувательством за подписью папы.

– Почему папа, который сегодня богаче Крёза, не построит на свои деньги храм св. Петра, а строит его на деньги бедных верующих?»

«Угу! – затаились верующие. – А нужен ли нам такой папа?»

Князья окинули взглядом церковные земли, рыцари схватились за мечи, бюргеры издали блаженный вздох, а голь перекатная всегда рада любым переменам, считая, что хуже не будет.

Тезисы перевели с латинского, читали и множили. Благо печатный станок был изобретён Гуттенбергом¹²¹ полвека уж как... Через две-три недели о Лютере, о его тезисах знала вся Германия. Маркс назвал это революцией, которая началась в мозгу у монаха.

Понятное дело, что сразу и более других обеспокоился Тецель. Лютер угрожал крахом его успешному предприятию. К Высокому Престолу полетели его предложения: «Связать, скрутить, изолировать...»

Лев X, назвав всё это склокой среди монахов, сказал: «Мало ли что написал этот пьяный немец... пусть проспится и всё само собой образуется...»

---

¹²¹ Иоганн Гуттенберг (1397 – 1468), немецкий первопечатник, в середине 1440 годов создал способ книгопечатания подвижными литерами.

Тезисы Лютера прочесть он не удосужился, много их было, аж 95-ть... Сдаётся мне, что и Священного Писания этот папа тоже не читал. Однако близкое окружение папы обеспокоилась. Римская курия стала Лютера в Рим зазывать. На огонёк. «Нет, нет, я лучше дома посижу» – выказывал себя явным антитуристом Лютер. Мол, и ходить не люблю, и к костру не тянусь. Тогда сами посланники Высокого Престола стали навещать к Лютеру. Один кардинал (строгий) требовал от написанного отречься немедленно. Другой кардинал (добрый) говорил ласково, Тецеля ругал («Ах, этот поганец!») просил отречься, в лоб целовал.

«Поцелуй Иуды», – откомментировал Лютер. Но раз просят, отрётся:

«Признаю, что был неправ, когда сказал, что индульгенции есть «благочестивое надувательство верных». Я отрекаюсь от своих слов и говорю: “Индульгенции следует рассматривать как нечестивейшее мошенничество и плутовство со стороны негодяев-пап, с помощью которого они обманывают души и лишают верных их добра”».

После этого «отречения» церковным властям Саксонии от курии поступило тайное распоряжение: «Арестовать Лютера и сопроводить в Рим».

Тецель сотоварищи потирали руки, сушили дрова, торопя час, когда смутьяна подадут папе на горячее... Чёрные планы «шайки злодеев» смешал благоверный честный человек

– курфюрст Фридрих¹²².

Понимаю, Серкидон, лезть в словарь Вам не хочется, да и нет у Вас словаря под рукой, поэтому запомните так – Главный Вася... Нет, нет, он же курфюрст, он же Фридрих. Вам будет легче запомнить – Главный Федя по Саксонии. Но этот полный княжеского достоинства справедливый и просвещённый правитель только для Вас, Серкидон, – Главный Федя. Для Лютера он – светская власть Фридрих Мудрый, а для римской курии – Саксонский Лис. Так вот этот Лис вразумил курию человеческим голосом: «Мартин Лютер проповедует в замковой церкви, преподаёт в университете, является государственным достоянием, и вы его не получите».

Можно было приписать в конце «твари позорные», но в Риме и без того поняли.

И верно. Не для того создавался в трудах ставший знаменитым Виттенбергский университет, чтобы растаскивать на дрова тех, кто «сеет разумное, доброе, вечное». Курфюрст Саксонии был мудрым не только по прозвищу, но и по сути. Он хотел оставить о себе добрую память, верша добрые дела. «Виттенбергский университет был его египетской пирамидой», – метко заметил лютеровед Эрих Соловьёв. Джордано Бруно, много позже нашедший приют в стенах университета, назвал Виттенберг немецкими Афинами...

Курфюрст Фридрих поддерживал Лютера до своего смертного часа, незадолго до смерти он сказал: «Наша вера

---

¹²² Фридрих III Мудрый (1463 – 1525), курфюрст Саксонский.

давно уже нуждалась в том свете, который принёс ей Мартин».

Что же получилось? Римская курия клацнула зубами мимо. А кто виноват? «Стрелочником» был назначен «погонец» Тецель. Приехал из Рима грозный кардинал и раздолбал ворона в пух и прах: обвинил в подлогах, хищениях и в наличии двух незаконнорождённых детей... Как будто они об этих детях раньше не знали. Так или и иначе, был Тецель возвращён в тюрьму, где и сгинул. Выходит, заклевал наш Лебёдушка чёрного ворона. Редкий случай для средневековья – добро победило зло. На этой светлой ноте разрешите закончить.

Крепко жму Вам руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Подумалось, что приглашать Вас в царство загробных мучений было с моей стороны неверно. Не заслужили. Тем более, Серкидон, и на земле есть много прекрасных мест, одно из них сегодня с Вами посетим! Давайте путешествовать, а то засиделись. Окунёмся в историю. Приглашаю Вас в замок Вартбург, в замок, расположенный в самом центре Германии. Вот уж где история так история! Как говорил Владимир Владимирович – «пасть гроба». «Мы заглянем в эту пасть, // Нам бы только не пропасть» – это стихи.

Вот уже летим мы к означенному месту легкокрылыми пташками, и старинный замок с высоты птичьего полёта кажется нам разноцветным детским паровозиком, который хотел переехать через гору, но не смог. Так и застрял на десять веков...

«Вартбург, какое изобилие воспоминаний связывает каждого немца с этим именем. Где ещё стоит такой замок, который смог бы сравниться с его историческим значением и поэтической освящённостью!»

Надо же! Это всего лишь докладная записка от архитек-

тора Гуго фон Ритгена¹²³, а ведь она вполне может соперничать с восклицанием: «Кто может сравниться с Матильдой моей!..»

Восторженная докладная предназначалась Карлу Александру герцогу Саксен-Веймар-Айзенахскому...¹²⁴ Герцог Карл Александр!.. Мы не можем, Серкидон, обойти молча этого усатого красавца. «Ах, какой это был мужчина! Настоящий полковник!» – пропела бы Алла Борисовна. Так оно и было – полковник прусской армии, но и «русский след» в нём есть, причём долго искать этот след нам не придётся. Мать герцога – Мария Павловна, урождённая Романова, пятый ребёнок в семье Павла Первого¹²⁵.

«... У неё замечательный музыкальный талант, и кроме того, она очень умна, имеются способности ко всему и будет со временем преразумная девица. Она любит чтение... и проводит за книгой целые часы... Притом она очень весёлого, живого нрава и танцует как ангел».

Так писала барону Гримму о девятилетней Маше её заботливая бабушка Катя. Вышло так, как и предрекала императрица Екатерина Великая: к началу девятнадцатого века Марию уже называли жемчужиной семьи Романовых. Блеск этой жемчужины заметили в Веймаре, и наследный гер-

---

¹²³ Гуго фон Ритген (1811-1889), архитектор и реставратор замка Вартбург.

¹²⁴ Карл Александр (1818 – 1901), герцог Саксен-Веймар-Айзенахский

¹²⁵ Мария Павловна (1786 – 1859), великая княгиня Саксен-Веймар-Эйзенахская.

цог Карл Фридрих¹²⁶ поехал в Петербург. В Северной Пальмире прожил немецкий жених целый год, ухаживая за Марией Павловной. Летом 1804 года венценосная пара обвенчалась и, после затяжного медового месяца, молодые въехали в Веймар. По заказу Гёте, директора Королевского театра, поэт Фридрих Шиллер в честь новоявленной принцессы Веймарской написал пьесу «Приветствие искусств». Суть такова:

Деревцо страны иной,
Пересаженное нами.
Вырастай, примись корнями
В этой почве нам родной.

«Деревцо» от обилия чувств пустило соки, то есть расплакалось прямо во время действия. А по окончании представления громче всех хлопал «заботливый садовник», великий затейник, новоявленный свёкор и наш давний знакомый – великий герцог Карл Август. Если со сватовством Гёте к девице Ульрике он, как мы помним, облажался полностью, то с женитьбой сына всё сложилось как нельзя лучше.

Мария Павловна прижилась и освоилась в новых условиях удивительно быстро. Более того, ей удалось стать полноправным представителем бога Аполлона на земле Саксонии. Веймар скоро стали называли немецкими Афинами. Но при-

---

¹²⁶ Карл Фридрих (1783 – 1853), великий герцог Саксен-Веймар-Айзенахский

знаем и то, что помощники у герцогини были один другого гениальнее. Взять того же Гёте!..

Именно он замолвил словечко перед Марией Павловной о неприсмотренном в ту пору Вартбурге. Идея же расположить в выгодно стоящем замке постоянно действующую экспозицию национальной средневековой культуры принадлежит Винкельману. Как же тут нам, Серкидон, не воскликнуть: «Ба! Знакомые всё лица».

Мария Павловна в почётном окружении посетила Вартбург и пожертвовала на его восстановление крупную сумму золотом. Но главная её заслуга: она вложила дело по реставрации замка в руки своего сына (золото, а не ребёнок!), и Карл Александр стал попечителем замка на долгих сорок лет...

В день 80-летия Карла Александра в 1898 году великий герцог получил от верноподданных в подарок книгу «Гёте и Мария Павловна», книгу о светлой дружбе этих замечательных людей, о заслугах их в деле возвышения Веймара. Тут же и стихи Гёте, посвящённые Марии Павловне, восторженные отзывы современников о ней...

Увлечлись мы с Вами, Серкидон, не по делу усатым мужчиной, пошли по «русскому следу», и вот куда забрели – двадцатый век на носу! А замок-то был основан в одиннадцатом! Сколько историй, сколько легенд. Но не сегодня, не сейчас. Не к ночи будь сказано-рассказано об этом замке.

Средневековье – такая вещь, такая штука, что тронешь

вечером и всю ночь вскидываться будешь. Тот же Вартбург: десятки сов да филинов на чердаках, сотни крыс в подвалах, ветер свистит в бойницах, затейливые коридоры темны, разве что луна да звёзды осветят иногда сырые стены, а холодна такая, что привидения и те мёрзнут, и всё оно гудит, свистит, ухаёт, скребётся, раскачивается на горе. Таков Вартбург зимой. Нужно ли нам такое на сон грядущий?..

Признаюсь, Серкидон, план на сегодня я не выполнил, утро своё засуетил, разорвал по клочкам, в обед съел что-то непонятно-мясное, пришёл в себя ближе к вечеру, а как сел за письмо, опять сплоховал: хотел написать о замке, а написал о герцоге. Мне остаётся только усугубить свою вину: именно Карл Александр организовал музей Гёте в Веймаре, увеличив тем самым свои заслуги перед цивилизованным человечеством.

А если вспоминать отца и деда героя нынешнего письма, то следует отметить великие заслуги недлинной цепочки из великих герцогов. Карл Август – Карл Фридрих – Карл Александр впечатлили меня просвещённым правлением, вверенными им землями. Даже появление Карла Маркса неподалёку не омрачило их светлых деяний. Ещё бы Наполеон в начале девятнадцатого века не сновал бы по Европе туда сюда... Но ведь отбились, нахлобучили непоседе треуголку по самые брови...

Крепко жму Вашу руку, до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Сегодня с утра, признаюсь, столько во мне нахальства, что никакое Средневековье не страшит. Открывай, Вартбург, свои ворота и свои тайны! Пробежимся по легендам.

Легенда №1. Об основателе замка.

Мы переносимся в одиннадцатый век, и где же мы застаём основателя замка? Да там, где ему самое место. В тюрьме. А за что сидим? Тут и «шерше ля фам», тут и «на чужой каравай рот не разевай». На пути к прелестям прекрасной дамы оказался её муж. Герой-любовник не растерялся и убил мужа, чтобы тот под ногами не путался. За что и сел по приговору суда.

В песне задушевной поётся:

За рекой, за лесом

Солнышко садится.

Что-то мне, подружки,

Дома не сидится...¹²⁷

А сидельцу нашему не сиделось в тюрьжке, потому как из неё не видел он ни солнышка, ни леса, ни прекрасных дам.

---

¹²⁷ Песня «Восемнадцать лет», муз. О.Гришина, сл. В. Застрожного.

И вот сказался он заболевшим, и вот притворился он прихворнувшим и попросил одеяло. Далее, каким-то образом, используя одеяло, сбежал. Как? То ли – в одеяло завернулся и прыгнул из окна, то ли – под себя подстелил и прыгнул, то ли – воспарил на нём, как на ковре-самолёте? Об этом точно легенда не повествует. Но указывается, что отныне стал беглец зваться Людвиг Прыгун.

Бывает, что тюрьма меняет человека в лучшую сторону. Иной отсидит и такой лапочкой станет, что люди на него не нарадуются. Но Людвиг Прыгун рискованному образу жизни не изменил. Один раз, будучи на охоте, с высокой горы оглядел непоседа окрестности и обомлел от красоты тюрингских лесов. Если душа тянется к прекрасному – это надолго! Спускаясь вприпрыжку с горы, крикнул Людвиг: «Warte der Berg!», что в переводе с немецкого означает «Жди гора», а звучит «Вартбург».

Ждать горе пришлось долго, строились на ней уже потомки Прыгуна – сын и внук.

Легенда №2. О состязании певцов.

Ландграф Тюрингии и Саксонии Герман¹²⁸ созвал на состязание в певческом мастерстве лучших миннезингеров Германии. Сказочник Гофман¹²⁹ утверждает, что случилось это в МССVIII году, напоминая нам заодно о незаслуженно

---

¹²⁸ Герман I (1155 – 1217), ландграф Тюрингии, сын ландграфа Людвига II.

¹²⁹ Эрнст Теодор Вильгельм Гофман (1776 – 1822), немецкий писатель-романист.

забытых римских цифрах¹³⁰. Услышали зовущий глас шесть сладкоголосых потомков Орфея, каждый из них был уверен в своём превосходстве и поэтому порешили так: занявший последнее место идёт на плаху. Высокое жюри составили сам Герман I и его супруга Софья.

Смельчаки соревновались в Певческом зале и все как один пели божественно. Будь в жюри Вы да я, не отличить бы нам первого от последнего, а последнего – от первого. А вот высокое жюри живо управилось. Дело в том, что пятеро мастеров восславляли заказавшего музЫку ландграфа. Его сравнивали с днём лучезарным, пели о том, что щедрость его сравнима лишь со щедротой небес... А вот австрийский мастер Генрих фон Офтердингер невпопад и сдурю воспел земляка – австрийского герцога Леопольда. И это перед лицом блистательного Германа! Его песню и определили как лебединую. Последовало приглашение на казнь. Прозревший певец рухнул на колени и протянул молящую длань к милосердной Софье. (Это сцена изображена на живописной фреске Морицом фон Швиндом¹³¹). Ландграфиня сказала: «Казнить нельзя, помиловать», ландграф возразил: «Казнить, нельзя помиловать». Пока они препирались из-за мелкого знака препинания, Генриха, бросало то в жар, то в холод. Наконец, нашёлся компромисс: дать оплошавшему певцу год отсрочки. «Пусть ещё годик попоёт, а потом уж...»

---

¹³⁰ Рассказ «Состязание певцов».

¹³¹ Мориц Людвиг фон Швинд (1804 – 1871), австрийский художник и график.

Не явиться через год Генриху было нельзя. Он – рыцарь, человек слова и чести. Но не умирать же молодым?! Миннезингер поехал в Венгрию и преклонил голову перед венгерским колдуном Клингсором. Оно и верно: лучше раз голову преклонить, чем раз и навсегда её лишиться. Колдун сжалился: «Слушай сюда. Если этот певучий отросток (колдун постучал указательным пальцем по преклонённой голове) потерять не хочешь, сделай так...» ТАК певец и сделал.

Легенда №3. О Елизаветте Венгерской¹³².

В назначенный срок Генрих фон Офтердингер ворвался в Вартбург радостным и возбуждённым, будто вовсе и не затем, чтобы ему отрубили голову. Он пропел благую весть. Он спел о том, что у венгерского короля Андраша II¹³³ скоро родится дочь, которой суждено стать наречённой невестой ещё малолетнего Людвига, осчастливить своей любовью принца, а затем – прославить замок вместе с его обитателями.

Кто же станет рубить голову человеку, который принёс столь радостную весть, да ещё так звонко её пропел? Князь на радости такой// Отпустил его домой.

А у короля Андраша II действительно родилась дочь, которая жила в Венгрии до четырёхлетнего возраста, затем за ней приехало германское посольство, и Елизавету Вен-

---

¹³² Елизавета Венгерская (1207 – 1231), ландграфиня Тюрингии, католическая святая.

¹³³ Андраш II Крестоносец (1175 – 1235), король Венгрии из династии Арпадов.

герскою, ранее просватанную, привезли в Вартбург, где она была обручена и воспитывалась рядом со своим будущим мужем. В возрасте четырнадцати лет Елизавета стала женой Людвига IV¹³⁴. Обряд венчания был совершён в церкви св.Георгия в Айзенахе, и, как пророчил миннезингер, новобрачная осчастливила любовью Людвига, к тому времени ставшего ландграфом, но..

Но, едва Елизавета вышла из отроческого возраста, попала она под влияние францисканских монахов, проповедующих идеалы милосердия к бедным и сирым. Слова францисканцев стали падать на почву благодатную, юная ландграфиня всё внимательнее прислушивалась к ним, и, в конце концов, стала раздавать нищим всё, до чего дотягивалась её рука. Муж и свекровь наблюдали начатки этого милосердия без восторга. К двадцатилетнему возрасту Елизавета, к тому времени мать троих детей, осталась вдовой. Муж, правитель Тюрингии ландграф Людвиг, ушёл в крестовый поход, по дороге заразился чумой и умер. Свекровь, та самая Софья, столь милосердная к молодому миннезингеру, настоятельно потребовала, чтобы невестка покинула Вартбург вместе с детьми. Видимо, опасаясь, что сердобольная Елизавета разберёт замок по камушкам да и раздаст его бедным и больным.

Елизавета Венгерская нашла приют в Марбурге, где ею

---

¹³⁴ Людвиг IV (1200 – 1227), ландграф Тюрингии, сын ландграфа Германа II и Софии Виттельсбах.

уже плотно занялся монах-францисканец Кондрат Марбургский¹³⁵. Суровый духовник предложил молодой женщине испить чашу страданий: раздать бедным всё, что досталось от мужа, а самой ухаживать за больными и увечными. Последние два года жизни Елизавета провела в жестоком самоистязании, принимая как благо всё новые и новые способы умерщвления плоти, которые предлагал ей изобретательный Кондрат. Не дожив до двадцати пяти лет, Елизавета скончалась.

В 1235 году причислена к рангу святых папой Григорием IX¹³⁶.

Легенда №4. О сбежавшей Маргарет.

Как правило, стоны и рыдания не доносятся из-за толстых стен замка, таковы суровые правила средневековья. В замок попал – там и пропал. Однажды это правило было нарушено. Маргарет,¹³⁷ дочь императора Фридриха II,¹³⁸ сбежала из замка, спустившись по верёвочной лестнице. Она не выдержала издевательств мужа Альбрехта Выродка¹³⁹. В честь этой смелой женщины в замке названа галерея. Про-

---

¹³⁵ Конрад Марбургский (вторая половина Xго века – 1233), немецкий инквизитор, проповедник крестовых походов.

¹³⁶ Римский папа Григорий IX (1145 – 1241), занимал высокий престол с 1227 по 1241.

¹³⁷ Маргарет, дочь Фридриха II (1237 – 1270).

¹³⁸ Фридрих II (1194 – 1250), император Священной Римской империи с 22.11.1220.

¹³⁹ Альбрехт Выродок (1240 – 1314), ланграф Тюрингии.

щаяся с маленьким сыном, во время судорожных рыданий Маргарет укусила мальчика. И стал он Фридрихом Укушенным¹⁴⁰. Поражает мужество следующей ландграфини – Агнес Горицко-Тирольской,¹⁴¹ которая вышла замуж за Укушенного, зная, что отец его Выродок. Но с другой стороны – а кто её спрашивал? Семь лет в браке Агнес всё-таки прожила, родила Фридриха Хромого¹⁴² и скончалась.

Сказать, что лихие правители – Выродок-Укушенный-Хромой – привнесли много хорошего в культурную жизнь замка нельзя. Жили они по-средневековому: охота, буйства, война, плен... Нет бы книжку какую почитать. Да хоть ту же библию...

Ой, не просто так мною библия упомянута: следующая легенда – об её заядлом читателе-толкователе-переводчике.

Легенда №5. О Мартине Лютере.

Вот и добрались до Мартина. Издалека начали, с одиннадцатого века. Но я надеюсь, Серкидон, пять веков пронеслись как миг один.

Около года Мартин Лютер провёл в Вартбурге. Он уже сказал своё: «Hier stehe ich, ich kann nicht, Gott helfe mir!» – «На том стою и не могу иначе, да поможет мне Бог!» Римский папа объявил Лютера еретиком и отлучил от церкви. Запахло жареным, и Фридрих Мудрый вновь выступил в ро-

---

¹⁴⁰ Фридрих Укушенный (1257 – 1323), ландграф Тюрингии.

¹⁴¹ Ланграфиня Агнес Горицко-Тирольская (1286 – 1293), ланграфиня.

¹⁴² Фридрих Хромой (1293 – 1315), сын Агнес Горицко-Тирольской.

ли ангела-хранителя: он попросил своего верноподданного – Георга Спалатина¹⁴³ – спрятать Лютера. «Только чтобы я не знал, где вы его спрятали». Опального монаха «в тайне» от Фридриха Мудрого отвезли в Вартбург, и когда курфюрста (главного Федю) спрашивали: «А где еретик Лютер?» – он правдиво отвечал: «Не знаю».

Комнату Лютеру отвели небольшую, но была она больше, чем его монастырская келья. Однако ничего лишнего. Я видел холостяцкие квартиры подпольных мыслителей, обставленные излишне скромно: гвоздь в стене, дабы вешать на него засаленную кепку. У Лютера было побогаче: кровать, стол, стул.

Беглого монаха законспирировали под рыцаря: повесили на шею золотую цепь, стали обращаться к нему «юнкер Йорк» и попросили отрастить бороду. О! Нашли мы с Вами, Серкидон, ещё одно сходство Лютера с Марксом – борода.

Днём Мартин подолгу гулял, смотрел на крыши домов города Айзенаха, на леса Тюрингии. Кормили Мартина хорошо. А в сравнении с монастырём – очень хорошо кормили. Плюс к тому давали вино. Не знаю, знаком ли был Мартин Лютер с вином ранее, но в Вартбурге мятежный монах ознакомился с дарами виноградной лозы в полном объёме. И вот однажды... Однажды, уже глубокой ночью и при свете свечи, закончив учёные труды, Мартин взял стоящую на столе

---

¹⁴³ Георгий Спалатин (1484 – 1545), воспитатель Иоанна-Фридриха – будущего курфюрста, сподвижник Лютера и деятель Реформации.

коробку и стал посыпать ещё влажный лист песком. И вот тут явилось чудо сатанинское: струёй из коробки хлынули чернила, заливая написанное, стены комнаты содрогнулись от чудовищного хохота. Лютер в ужасе вскинулся и увидел скалящиеся зубы дьявола. Другой бы спрятался под стол, а Мартин схватил чернильницу и вне себя от ярости швырнул в её оппонента. «Прямо в морду его, // В переносицу...»¹⁴⁴

Увернулся лукавый, исчез, а на стене осталось огромное чернильное пятно. Его-то, это пятнышко, мы и засчитаем не кляксой, но жирной точкой в беседе о легендах, связанных со старинным германским замком.

Теперь, Серкидон, угадаю Вашу мечту. Вознамерились Вы побывать в Вартбурге. Если ещё нет, то плох был мой рассказ, что в принципе невозможно. Ведь я писал, от ужаса дрожа, капли сердечные принимая. Компресс ледяной на лбу моём до сих пор. Поэтому, верю, хорошо получилось.

Советую Вам приехать в Вартбург не зимой, но ранней осенью, и так, чтобы пожить в замке (там есть уютный отельчик) хотя бы денька три-четыре. Уверен, что Вы наполните эти дни активным отдыхом: спуститесь из галереи Маргарет по верёвочной лестнице вниз до самой земли, в комнате Мартина Лютера бросите чернильницей в дьявола и тоже промахнётесь. Уж больно вёрток, чертяка. Устав от экстрима, Вы можете в комнате Елизаветы рассматривать мозаичные панно. Сцены из жизни святой заставят Вас прослезиться-

---

¹⁴⁴ С.А. Есенин «Чёрный человек».

ся. Жизнь её на картинках и ярче, и счастливей, и гораздо длиннее жизни земной. Если же захотите вслед за Елизаветой пойти дорогой милосердия, помните, что для этого не обязательно самому становиться бедным и больным.

Но главное, посетите Праздничный зал! Какой восторг! Более пятидесяти окон, три камина, чудо-люстры в виде корон. Фрески и мозаики на стенах рассказывают об истории замка. Вынужден Вам признаться, не хуже меня рассказывают. Акустика такая, что с ума сойти можно, зажмуритесь – услышите: «Награждается славный рыцарь Серкидон за доблести его, проявленные в ходе защиты чести и достоинства прекрасных дам...» И далее длинный список дам, Вами осчастливленных...

Это мы с Вами помечтали. Теперь конкретная инструкция. Ждёт Вас, голубок, дальняя дорога в самый центр Германии. Чух-чух-чух. «Зелёным сердцем Германии» называют Тюрингию. Чух-чух-чух. На чём Вы чухаете, меня не касается, хоть на велосипеде.

Вот и город Айзенах, Айзенах, // Тут родился славный Бах, славный Бах!

Серкидон, какой во мне погиб бы поэт, да вот выручают эти письма к Вам... Ну, да что уж теперь об этом...

Раз занесла Вас нелёгкая в город, где родился великий Бах, посмотрите дом, где он родился, возложите цветочки к его памятнику. Далее быстренько идите к дому-музею Лютера, Вас встретят гордые слова богослова:

«Христианин – свободный господин над всеми вещами и никому не слуга».

Осмотрев всё неспешно, устремитесь к памятнику великому Реформатору. Видите, в руках у него толстая книга? Угадайте, Серкидон, это «Капитал» или Библия?

Цветочки к памятнику Лютера возложили и можете считать, что обязательная программа закончилась. Теперь Вам можно приступить к произвольной: попробуйте стаканчик «Золотого Рислинга», – пожалуй, лучшего белого вина Саксонии, и, уже в прекрасном расположении духа, пешком к Вартбургу. За часок дотопаете.

Кстати сказать, вы могли бы поинтересоваться, почему в небольшом городе Саксонии стоит памятник Мартину Лютеру. Откуда взялся дом-музей?..

На эти вопросы я Вам отвечу в следующем письме.

Крепко жму Вашу руку, и до встречи в Айзенахе.

Приветствую Вас, Серкидон!

Пишу ныне вместо письма сценарий двухсерийного фильма. Серия первая с пока загадочным для Вас названием – «СНИЗУ ВВЕРХ». Эпиграф – «На заре туманной юности».

В конце 1498 года Мартин приехал учиться в город Айзенах. В конце отрочества своего он поступил в школу св. Георгия, которая славилась качеством преподавания на всю Саксонию. Ректор Иоганн Требоний имел обыкновение, входя в класс, снимать докторский берет, говоря: «Я приветствую будущих бургомистров, канцлеров, учёных, богословов...»

Согласимся, Серкидон, такое уважительное отношение к ученикам выдаёт педагога благородного и мудрого. Для Мартина, которого ранее учили по большей части колотушками, такое обращение было приятной неожиданностью...

В свободное время ученик Лютер часто бродил возле Вартбурга, смотря на замок с восхищением – СНИЗУ ВВЕРХ. Бывало так, что заходил смиренный отрок во францисканский монастырь, основанный при содействии Елизаветы Венгерской у подножия горы. Там, от затворников, узнал Мартин о житии святой. Интересовались монахи, а не желает ли он, Мартин Лютер, что-нибудь пожертвовать для

бедных? Мартин отвечал, что сам беден, как церковная крыса, и тем живёт, что христарадничает у домов богатых граждан, распевая псалмы с такими же, как и он, бедными и голодными школьниками.

И не было в этих словах ни доли лукавства, а была в них полынная правда. Мартин мог добавить, что кроме пения и молитвы ничего хорошего ещё не было в голодной и холодной жизни его, что судьба корчит ему одни лишь гримасы и ни разу ещё не улыбнулась...

Хорошо, что Мартин этого не сказал. Человек, орудующий идеальными категориями, по сути своей, пусть невеликий, но Иисус Христос, и должен нести свой крест без жалоб. Иначе сразу получит в ответ: «А кто ты такой, чтобы тебе было хорошо?» А поскольку Мартин повёл себя сдержанно, не расплакался, не разнюнился, сопли не распустил, судьба в награду за проявленное мужество ему улыбнулась...

Судьба послала Мартину добрую фею по имени Урсула. Она была женой богатого патриция Котта. Урсула давно заметила бедного и бледного юношу, видела, как Мартин молится, слышала, как он поёт. Набожность и красивый голос тронули сердце молодой женщины. Мартин был приглашён в дом, накормлен, а через несколько дней окончательно поселился у Коттов.

Всё изменилось волшебным образом! Как по взмаху волшебной палочки. Мартин Лютер жил теперь в тепле и сытости. Он ощутил благодостную ауру домашнего уюта, уви-

дел семью, отношения в которой не разъедает нищета, почувствовал мягкий согревающий свет, исходящий от заботливой женщины. Испытал, не без этого, робкое романтическое чувство, поскольку благодетельница его была и молода, и хороша собой. Понятное дело, робкое чувство Мартина осталось без внешних проявлений, но всё равно обладающий красивым голосом Лютер на манер Лемешева мог бы пропеть Урсуле:

«В вашем доме вкусил я впервые// Радость чистой и светлой любви»¹⁴⁵.

Знал бы патриций Котт, что дом его потомки назовут «Домом Лютера»!.. Чудны дела твои, Господи!..

Конечно, у Мартина были и обязанности. Зря не кормят даже феи. Мартин отводил на занятия двоюродного брата Урсулы, помогал мальчику выполнять домашние задания, опекал Каспара в школе. Но это наставничество будущему пастырю было вовсе не в тягость. Мартин самостоятельно выучился на арфе и на лютне. И в его комнате, как и в душе, зазвучала музыка. Стали пробуждаться мощные природные способности Мартина, проявилась тяга к знаниям, Лютер начал упоминаться среди лучших учеников строгой латинской школы св.Георгия.

Из запуганного, забитого отрока Мартин начал превращаться в деятельного, жизнерадостного юношу, из гадкого утёнка – в прекрасного Лебедя, о котором пророчил Ян Гус.

---

¹⁴⁵ Из оперы «Евгений Онегин».

В конце жизни Мартин Лютер назвал Айзенах своим самым любимым городом в Германии. В этом городе судьба подарила ему три счастливых года юности.

Конец первой серии.

Вторая серия. Назовём её «СВЕРХУ ВНИЗ». А могли бы назвать «Двадцать лет спустя». С высоты Вартбурга осматривает с умилением Лютер крыши Айзенаха. С высокой горы и с высоты своего жизненного опыта. Лютеру 38-м лет.

Эпиграф – «Все достойное уважения совершено в уединении, то есть вдали от общества». Такие достойные уважения слова – и, вероятно, вдали от общества – записал в тетради немецкий писатель Жан Поль.

Лютер называл Вартбург своим Патмосом. Надо ли, Серкидон, говорить Вам, что Патмос – небольшой греческий остров, куда римляне ссылали неугодных, куда был сослан Иоанн Богослов¹⁴⁶ и где в одной из пещер острова получил он своё Откровение? Нет, конечно, Вы и без меня это знали.

Что же получил Мартин Лютер в Вартбурге? Всё, что нужно мыслителю для облачения своих идеалов в торжественные словесные одежды: тишину, покой, свежий воздух, усиленное питание, качественное вино (*in vino veritas!*), отсутствие женского общества и наличие оппонента. Дьявол являлся к Лютеру не то чтобы по часам, но на постоянной основе, и все его проделки были Мартином тщательно запроколированы. Хвостатый соглядатай трудов упорных и вёд-

---

¹⁴⁶ Иоанн Богослов, один из двенадцати апостолов, евангелист.

рами гремел, и мусор разбрасывал, и гусиные перья тупил, а если не тупил, то прятал.

Вы, Серкидон, может быть, со мною поспорите, но мне думается, что именно в Вартбурге разрозненные мысли и идеи Лютера обрели окончательные формы и статус учения.

Поверим Марксом лютеранство! Вы, Серкидон, должны меня понять: так уж вышло – моя комсомольская молодость буйно цвела в годы развитОго социализма, тогда у нас без Маркса-Ленина и шагу ступить было нельзя, любой уклонизм к продажным буржуазным идеологиям строго карался. Простите мне мою приверженность старой привычке как что – сверяться с Лениным, как что – поверять себя Марксом.

Попробуем разобраться в том, что соотечественник Лютера обозначил в ранних работах тезисно.

1.«Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры».

Если переиначить девиз марксиста Берштейна: «Движение – всё, конечная цель – ничто», то, применительно к Лютеру, получится: «Писание – всё, папа – ничто». Евангелие не знает ни пап, ни епископов, ни курии, ни торговцев индульгенциями. Все они мошенники, плуты, негодяи, обманывающие души с целью использовать подвиг Христа в своих корыстных интересах.

2.«Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов».

Лютер убрал посредника (в виде попа) между человеком

и Богом. Лютер сказал мирянину: «Вот тебе Библия. Бери и читай. Что не ясно – спросишь».

3. «Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека».

В сердце человека должна быть заключена любовь. Пожизненно. Любовь к Христу и к ближнему своему. А с плотскими потребностями и вожделениями бороться бесполезно. И даже вредно. Лютер установил: «Похоть мужчины – бешеный зверь, которого нужно иногда выводить погулять».

А где же он погуляет, если нет рядом женщины?

Св.Бенедикт¹⁴⁷, спасаясь от блуда, бросился в колючий кустарник, св.Франциск¹⁴⁸, борясь с плотскими вожделениями, нырнул в ледяную воду, епископ Ключийский¹⁴⁹ спал, нацепив на половой орган специальное приспособление с острыми краями. Дабы предотвратить всяческие ночные шевеления органа. Не помогало. Православный Иоанн Многострадальный¹⁵⁰ закопал себя по плечи в землю. Вот тут между святостью и глупостью нужно поставить знак равенства.

Теперь разберёмся в том, почему Маркс назвал Лютера

---

¹⁴⁷ Бенедикт Нурсийский (ок 480 – 547), монах, родоначальник западного монашеского движения.

¹⁴⁸ Франциск Ассизский (1181 – 1226), католический святой, учредитель названного его именем нищенствующего ордена.

¹⁴⁹ Бертон Ключийский (850 – 927), католический святой, монах-бенедиктинец, первый аббат Ключи.

¹⁵⁰ Иоанн Многострадальный (?-1160), монах Киево-Печерской лавры. Почитается как помощник в борьбе с «блудной страстью».

«старейшим германским политико-экономом»?

Читаем у Лютера:

«Суровая монастырская жизнь вся состоит из постов, праздничных служб, ночёвок на жёстком ложе, молчания, ношения грубой одежды, бритья головы, затворничества и отказа от брака. И ничего из этого не заповедовано нам Господом!.. Всеми силами души я призываю тот день, когда все монастыри будут уничтожены, сметены и стёрты с лица земли».

Логика Лютера – жить надо по Писанию, без монашеских извращений. Сколько пропало рабочих рук, столько не народилось детей, пока эти лодыри вели постыдный торг с Богом: «Мы тебе – послушание, Ты нам – райские кущи!»

А ну-ка, бездельники, построились и начали жить по Писанию! Для Вас, сиволапые, читаю:

«Кто не работает, да не ест», – сказано у св. Павла.

«Наслаждайся жизнью с женой, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои: потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься», – у Екклесиаста.

«Плодитесь и размножайтесь!» – вот что сказано Господом. У Господа не сказано: прячьтесь по кельям, как мыши по норам, как тараканы по щелям.

Возвышение труда и осуждение нищеты способствовало утверждению духа предпринимательства в Германии и

в странах, принявших лютеранство. Первые ростки капитализма – вот что рассмотрел Маркс в лютеранстве.

Из Вартбурга вынес Лютер новое отношение к греху, к вере, к Писанию.

«Праведный верой спасётся!» – вычитал Лютер у св. Павла и сделал эти слова страстным девизом Реформации.

«Денно и ночью усердно трудился я, доколе не узрел связи между правосудием Божиим и словами о том, что «праведник верою жив будет». И понял я тогда, что правосудие Божье есть такая правда, которой, благодатью и по одной лишь милости, Бог оправдывает нас через веру. Уяснив это, осознал я себя родившимся вновь, как бы прошёл я раскрытыми воротами рая. Всё Священное Писание обрело для меня новый смысл, и «правосудие Божие», наполнявшее меня ранее ненавистью, приобрело теперь невыразимую сладость в величайшей любви. Сии слова Павла стали для меня воротами в рай...»

Из Вартбурга Лютер пишет Филиппу Меланхтону: «Ресса fortiter!» – «Греши смело!» Мартин, который монахом терзался: «Я прах и пепел, и исполнен греха». Мартин, который бегал исповедоваться по каждой мелочи, который входил к духовнику с лицом отцеубийцы после того, как возжелал в трапезной листочек салата в тарелке брата Гельмута, теперь пишет: «Греши смело!..» Сходно по виду с ленинским: «Грабь награбленное!», но по сути значит: «Живи смело!», не согрешишь – не покаешься, не получится прожить

так, чтобы без сучка, без задоринки. На небесах, разберутся, что грех, а что нет.

У Вадима Шефнера:

В грехах мы все – как цветы в росе,

Святых между нами нет.

А если ты свят – ты мне не брат,

Не друг ты мне и не сосед.

Я был в беде – как рыба в воде,

Я понял закон простой...

Какой простой закон понял советский поэт Вы, Серкидон, узнаете, прочитав его стихи. Немецкий богослов Мартин Лютер понял очень непростой закон: «На земле люди не должны стремиться к осуществлению предельных идеалов».

Это удалось только Иисусу Христу. В окончательном виде Мартин Лютер сформулировал свои мысли так:

«Мы все из плоти, а потому не способны соблюдать закон, но Христос явился и один исполнил его вместо нас. Христос даровал нам уже исполненный закон; Он, как заботливая наседка простёр над нами Свои крылья, чтобы мы могли укрыться под ними. О, благословенная наседка! О, блаженные птенцы сей доброй наседки!»

Третья птичья ипостась Лютера – «блаженный птенец». Ранее было: «виттенбургский соловей» и «лебедь, озарённый молнией».

Конец второй серии.

И как эпилог – о личном. Есенинские чтения. Вчера и сегодня, описывая жизнь Лютера в Вартбурге, дважды вспомнились мне стихи Есенина. Сегодня:

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мёрзлые осин.
У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын.

Лютер говорил о себе с гордостью: « Я сын крестьянина, мой отец, дед и прадед были истые крестьяне».

Когда впервые увидел я портрет Мартина Лютера, подумалось мне: «Знает ли грамоту этот крестьянин, или вместо подписи ставит крестик...» А этот крестьянин оказался и не крестьянином вовсе, а к удивлению моему одним из наиболее просвещённых учёных Европы, легко мог расписаться на нескольких языках и явился создателем новой евангелической религии, по-крестьянски основательной, практичной, экономной.

Теперь о вчерашнем. Вчера вспомнилось из «Чёрного человека»:

... Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах, ты, ночь!
Что ты ночь наковеркала!

Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И – разбитое зеркало...

У Мартина Лютера была разбитая о стенку чернильница, хотя целил ведь между рогов... «Каких только чертей я не перевидал», – писал Мартин близким друзьям из Вартбурга. «И с каждым пытался сразиться», – добавим мы от себя.

Обыкновенно пьяницы с чертями дружат. Подслушал я как-то разговор двух женщин. Одна говорит: «Мой муж пьёт до чёртиков», вторая отвечает: «А мой – и с ними пьёт!»

Лютер это другой, особый случай, это из разряда – «Кто пьян да умён – два угодя в нём!» Светлая божественная доминанта в этом человека была так сильна, что даже алкоголь заставляла бороться против дьявола. Всем чертям назло!

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Возрадуйтесь! В нашем повествовании о житии бунтаря-богослова вот-вот зазвучат женские голоса. Точнее говоря, девичьи.

ПОБЕГ.

Из письма виттенбергского студента приятелю:

«Только что в город прибыл полный фургон монашек-девушечек, и все они больше всего на свете мечтают выйти замуж. Так дарует же им Бог мужей, иначе дело будет худо».

Как в Виттенберге оказался целый этот фургон невинности? Поставщиком выступил Лютер! Тема для местного миннезингера: «Фургоны полные монашек в наш город Мартин приводил...»¹⁵¹

Но по порядку.

Лютер получил письмо из монастыря Нимбшене, расположенного хоть и по соседству, но в католической части Германии. Катарина фон Бора, дочь обедневшего аристократа, написала Лютеру от группы сестёр. Суть письма сводилась к тому, что сёстры прониклись евангелическим учением Лютера, прозрели и не хотят оставаться Христовыми невеста-

---

¹⁵¹ Слова из известной песни: «Шаланды полные кефали//В Одессу Костя приводил...»

ми, хотят быть просто невестами, а потом и жёнами, а монастырские кельи им опротивели до самой последней степени.

Такие дела. На фургоне смело можно было вывешивать девиз: «Из темниц – в светлицы!»

Письмо от сестёр воспринял богослов как последствие своих писаний и поэтому отмахнуться от него не смог. Лютер нашёл сообщника и вдохновил его на авантюру. Заметим, что при разработке плана освобождения девиц (из темниц) Лютер выказал немалый криминальный талант. Воистину божественно талантливый человек чертовски талантлив во всём!

А дело было так: торговец Леонардо Копп, у которого был договор на поставку в монастырь продовольствия, завёз на территорию богоугодного заведения двенадцать бочек копчёной сельди, а вывез те же двенадцать крытых брезентом бочек. В бочке – по монашке.

Кабы у нас сказка сказывалась, то каждую девственницу встречал бы добрый немецкий молодец с кружкой пива в левой руке. Правой рукой он крепко обнял бы пропахшую сельдью суженую, расцеловал бы, хлебнул бы пивка и повёл бы девицу под венец.

«Только вот на этих «бы»//Не построить нам судьбы» – стихи!

Жизнь не сказка, она с загогулинами и с закавыками. Трёх девушек приняли назад в отчий дом, а девять – оказались у порога дома Мартина Лютера. Позже он вспоминал: «Мне

было так жаль эту отчаявшуюся маленькую стайку».

Зная жизнь монастырскую не понаслышке, Лютер понимал, что всё, что может девичья стайка – это петь и молиться. К тому же замуж в Германии в пятнадцатом-шестнадцатом веке выходили в пятнадцать-шестнадцать лет. А этим девичьим перестаркам всем за двадцать. Не забудем и слова из письма студента «иначе дело будет худо». Кому? Да всем участникам авантюры. Лютеру в первую голову. Опять вспомним Есенина «Но люди все грешные души, // У многих глаза, что клыки...»¹⁵² По городу уже поползли слухи, что мнимый праведник Лютер устроил гарем из монашек, с которыми и предаётся греху.

Положение призывало к действиям без долгих раздумий. Но хорошо, что цейтнот лучше, чем цугцванг. Долго ли, коротко, но для восьмерых беглянок нашлись мужья, а вот девятую, ту самую Катарину, что писала из монастырских застенок, невлюбил Гименей. То жених от неё убежит, то она – от жениха. Временно Кэти была пристроена прислугой в дом приятеля Лютера – художника Лукаса Кранаха¹⁵³. Кстати говоря, бургомистра Виттенберга ни много ни мало. Ему-то в частной беседе Катарина и призналась, что если уж выходить замуж, то только за доктора Мартинуса. Логика в этом есть: не умеешь пристроить – женись сам. Узнав

---

¹⁵² Из поэмы «Анна Снегина».

¹⁵³ Лукас Кранах Старший (1472 – 1553), немецкий живописец и график. Придворный живописец саксонских курфюрстов, сторонник идей Реформации.

об этом, Лютер лукаво усмехнулся и поехал потешить этой байкой пожилых родителей.

ОТЕЦ.

Да, на момент рождения Мартина его отец был крестьянином. Едва первенцу (а это и был Мартин) исполнился год, семья переехала в город Мансфельд, где глава семейства пошёл в рудокопы. Припомним, панический крик Мартина во время грозы: «Святая Анна!..». Именно эта святая, покровительница шахтёров и мать св. Девы Марии, была весьма почитаема в доме Лютеров.

Работая рудокопом, Ганс Лютер проявил недюжинное трудолюбие, настойчивость, целеустремлённость и добился успеха... но не быстро. Мы помним, что Мартин начинал обучение в Айзенахе, находясь по сути на подножном корму. Что напоёт, то и съест. Однако к моменту окончания сыном латинской школы старший Лютер был уже совладельцем одной из шахт. В доме появились деньги, часть которых отец решил вложить в образование Мартина, было оплачено его обучение в Эрфуртском университете, и сын рудокопа стал магистром. Теперь его путь Ганс Лютер видел как никогда ясно: старший сын должен стать доктором права, потом – бургомистром, а далее удостоиться дворянского титула.

Вам ничего не припомнилось, Серкидон? Мне ненароком припомнилась старуха из пушкинской сказки о золотой рыбке... Но статья «столбовой дворянкой» помешал Мартину Его Величество Случай, по планам отца ударила Её Высочество

Молния...

Когда Ганс Лютер получил от сынка письмо о будущем его монашестве, в доме раздался гром, сверкнула молния, и проклятия полетели в адрес неблагодарного и непослушного отпрыска. Оно и понятно. Мать мечтала его обнять, сёстры хотели примерить его коричневый магистерский берет, отец подыскивал невесту, достойную доктора Мартина Лютера, будущего бургомистра, а этот поганец убегает от забот в монастырь... А кто поможет родителям в старости?.. А внуки?.. Старший Лютер почувствовал себя у разбитого корыта...

Так что сначала зело досадил наш герой-иноходец отцу, а уже потом разругался с папой. С папой – навсегда, а вот отец скрепя сердце Мартина простил. Отчасти потому, что двоих сыновей, что помладше, прибрала чума, а совсем без потомков на этой земле быть негоже. Дочки что, они крылышками бяк-бяк-бяк, и нет их.

О Катарине Мартин обмолвился, скорее всего, в вечерней беседе и, думается, между делом: мол, представляете, есть такая, которая и не против. К его удивлению отец воспринял возможность женитьбы сына со всей серьёзностью: напомнил Мартину о печальной участи двух его младших братьев, вразумил, что теперь только он, Мартин Лютер, может и должен продолжить род.

На обратном пути Мартину было о чём подумать. Начи-

ная с мая 1521 года, после того, как император Карл V¹⁵⁴ наложил императорский запрет на доктрину Лютера, а его самого объявил еретиком, на долгие сроки Мартин жизнь свою не планировал. Он и сделал много, потому что ничего не откладывал. Император Карл мог в любой момент заявиться с карающим мечом: «А подать-ка ко мне Мартина Лютера!» Тогда в хорошем раскладе – голова с плеч, тут же на рыночной площади, а в плохом – отправили бы к папе. Ну а если так, если предполагать, что к концу года тебя сожгут на костре, так почему бы и не жениться?!

В Виттенберг Лютер вернулся с готовым решением. Мартина ждало письмо от Спалатина, куратора его вартбургского «заточения», Георг интересовался мнением Лютера о длительных помолвках.

Лютер ответил: «Не откладывай на завтра! Промедлив, Ганнибал потерял Рим. Промедлив, Исав лишился прав, положенных ему по первородству. Христос сказал: «Будете искать Меня и не найдёте». Таким образом, Писание, опыт, и всё творение свидетельствуют о том, что дары Божьи следуют принимать без промедления».

Письмо датировано десятым июня 1525 года, а уже тринадцатого состоялась помолвка, и Лютер стал рассылать приглашение на свадьбу, назначенную на двадцать седьмое.

Георгу Спалатину: «Вы должны приехать на мою свадьбу.

---

¹⁵⁴ Карл V Габсбург (1500 – 1558), король Испании, король Германии, император Священной Римской империи с 1519 года, коронован папой Климентом VII.

Я заставил ангелов смеяться, а бесов рыдать».

Торговцу Леонардо Коппу, подельнику по делу похищения двенадцати монашек: «Я намереваюсь жениться. Мы с госпожой Кати приглашаем вас прислать бочку наилучшего пива из Торгау, а если оно окажется нехорошим, вам самому придётся выпить всю бочку».

Странно, почему заказана бочка пива, а не бочка копчёной сельди. Кати могла бы явиться из бочки, как Афродита из пены волн. Но это если из свадьбы делать пышную постановку. Такая задача молодожёнами (ему – шёл сорок второй, ей уже было двадцать шесть) не ставилась. Свадьба была достаточно скромной.

Читаем у Бейнтонa:

«В назначенный день в десять утра Лютер под колокольный звон провёл Катарину по улицам Виттенберга к приходской церкви, в портале которой на глазах у всех состоялась религиозная церемония. Затем последовал обед в августинской обители, а за ним танцы в ратуше. Вечером был дан ещё один банкет. В одиннадцать вечера все гости разошлись под угрозой того, что обязанность отправить их по домам возьмут на себя судебные исправники».

Отметим два позитивных фактора.

Первый: в августинском монастыре, там, где сновали пришибленные крестом монахи, где царили уныние и смирение, отгуляла достаточно весёлая свадьба.

Второй: свадьба положила конец долгому разладу отца и

сына. Старик Лютер был доволен. Дом у Мартина в пять раз больше, чем дом бургомистра в Мансфельде, и сноха из дворянок, и гости на свадьбу пришли знатные. Через год в семье Лютеров родится мальчик, и его назовут Гансом. Дабы в скорбный час мир не остался без Ганса Лютера.

Совсем забыл, Серкидон, сказать Вам о гнёздышке, где поселились после свадьбы две птички Божьи – Катарина и Мартин. Согласно евангелическому учению Лютера монахов из Чёрного августинского монастыря выгнали, помещение освободилось полностью, и курфюрст передал его молодожёнам.

Вот ведь бывает как! Смирный молодой человек двадцати одного года от роду робко стучится в дверь монастыря, а через двадцать один год ходит гоголем по этому монастырю, где только на первом этаже сорок комнат. «Вот – видела! – говорит он жене. – Пойдём на второй этаж. Келью свою покажу – два на три со щелью вверху вместо окна».

Как же нам вновь не воскликнуть: «Чудны твои дела, Господи!..»

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Как там наши птички Божии? Да и верно ли такое определение по отношению к Мартину и Катарине? Нет, неверно.

Птичка Божия не знает

Ни заботы, ни труда;

Хлопотливо не свивает

Долговечного гнезда¹⁵⁵.

А нашим новобрачным пришлось свивать долговечное гнездо в трудах и хлопотах.

Мартин. О нём как о добытчике и снабженце на заре семейной жизни много хороших слов сказать трудно. Что должен делать мужчина? Ходить на охоту, пилить деревья, колоть дрова, носить воду, забивать гвозди. А латинские каляки-маляки да балабольство с кафедры, дела, не дающие сразу видимого результата, мужскими трудами назвать, конечно, нельзя.

На первом порах имелось: докторское жалование, милость влиятельных лиц и небесные попечения архангела Гав-

---

¹⁵⁵ А.С.Пушкин

риила. Мощным союзником Мартина стало здравомыслие, оно-то и помогло ему выработать семейное кредо: «В домашних делах я уступаю Кати. Во всем прочем меня ведёт Святой Дух».

Катарина. Земная, практичная женщина, понимала, что Святым Духом сыт не будешь, и она взяла на себя все заботы о зримом и насущном. Мощная женская потребность к гнездованию стала ей верной союзницей. Катарина решительно положила конец лютеровскому мотовству и ввела режим жёсткой экономии. Как результат: своё гнездо она и обустроила, и заполнила.

Через десять лет после свадьбы Мартин писал одному из друзей: «Мой господин Катарин шлёт тебе привет! Она засаживает наши поля, пасёт скотину, продаёт коров, et cetera...»

Мы с Вами, Серкидон, помним легкомысленное «et cetera» от Онегина, в лютеровском «et cetera» столько всякого, что Вы, городской изнеженный житель, от одного перечисления закачаетесь. Фрукты – в садах, овощи – в огородах, рыба – в ручьях... Про скотину сказано в письме Мартина, а о домашней птице умолчим, потому что после Божьих Птичек писать о гусях, утках и курах как-то неприлично.

За десять лет в семье родилось шесть детей Ганс (1526), Елизавета (1527), Магдалена (1529), Мартин (1531), Пауль (1533), Маргарет (1534).

Но главным ребёнком был и оставался Лютер. Доктор на-

сидел за письменным столом букет недугов, из которых самым досаждающим и неприятным был геморрой. Говорят, гадка эта болезнь, прежде всего, тем, что ни самому посмотреть, ни людям показать...

Лютер требовал постоянного ухода и постоянного врачевания. Сын Пауль, насмотревшись на то, как мать лечит папеньку травами, припарками, массажем, стал впоследствии врачом.

По инициативе Катарини в доме появилась пивоварня. Пиво отвлекало Лютера от вина, расслабляло и помогало заснуть. Не раз Мартин восхвалял жену как знатного пивовара. Ещё одна забота – перестройка монастыря: появилась ванная, три больших погреба, а второй этаж отдали в наём студентам, которые столовались тут же у Лютеров, в бывшей трапезной.

Вечерами на одной стороне стола сидела Катарина с детьми, на другой – Лютер со студентами. Кроме студентов, повадились в дом паломники – познакомиться, поручкаться, потолковать. К счастью селфи с мэтром сделать было ещё ничем. Бывший монастырь превратился в весёлый постоялый двор. Одному весьма вельможному господину ехать к Лютеру рассоветовали: «Странная смесь молодёжи, студентов, молодых вдов, старух и детей постоянно шумит в доме доктора. Там очень беспокойно».

Но Лютер царил и буйствовал в этом беспокойстве. Во время вечерних возлияний он расцветал, фонтанировал

мудростями, которые тут же конспектировали бойкие перья. Однажды воскликнул: «Кто не любит вина, женщин и песен, тот на всю жизнь останется дураком!»

Как же значительно в сторону истины продвинулся за годы брака доктор-богослов! Под такими замечательными словами и доктор Маркс подписался бы, и Энгельса заставил бы под ними подписаться. И что интересно, принадлежат эти слова человеку, который ранее с робким вожделением смотрел на листочек салата в тарелке брата Гельмута. Причём в этой же самой трапезной. Чудны дела твои, Господи!..

Возможно, гениальность зрелого Лютера состоит в том, что сумел он заполнить собой весь промежуток между безудержным виночерпием и отрешённым молитвенником. Между этими двумя крайностями были обязанности и пастырские, и профессорские, и семейные. Бывало, Лютер сам вызывался ухаживать за садом, крестьянским хватом брал лопату и шёл к деревьям. За ним бежал любимый пёс Тольпель, с которым Мартин мечтал встретиться на Небесах.

Но, конечно, сад-огород, овощи-фрукты были скорее отдохновениями от трудов, чем трудами тяжкими. Главной семейной заботой Лютера были «цветы жизни» – дети. Детей было много. Кроме своих детей воспитывались в доме Лютеров его племянники, чьи родители умерли от чумы. У одного друга Мартина умерла жена, и он забрал к себе четверых чужих детей. Да и было ли для этого человека такое понятие – «чужие дети»?..

Лютер прививал многочисленным воспитанникам богословие, придумывал игры, проводил детские праздники, к которым сочинял немудреные песенки и музыку.

Конечно, одной Катарине с этой оравой было не совладать. Она пригласила в дом свою тётку Магдалену, и та стала воспитателем этого «детского сада». Кроме того, в доме Лютеров появилась прислуга. Но стержнем всего оставалась Катарина. И богослов-Лютер это понимал, оценивая свою жену через призму Святого Писания:

«Я благодарен Кати более, чем Христу, сделавшему для меня куда больше».

«Как бы я хотел, чтобы Бог говорил со мной ещё нежнее, чем Кати с малышом Мартином».

Второго сына Лютеры называли Мартином. Дабы мир не остался без Мартина Лютера, когда свершиться неизбежное.

«И пусть соседи посмеиваются, когда муж развешивает во дворе пелёнки, зато ангелы в это время улыбаются на Небесах».

Серкидон! Экспресс-отступление. Когда Вам, профессору кислых щей, жена скажет: «Ну-ка, развесь пелёнки», – исполнять это надо быстро-бегом, памятуя о том, что доктор богословия, «немецкий Геркулес» Мартин Лютер не считал это дело зазорным для мужчины, а считал – богоугодным.

Во время вынужденным отлучек Лютер писал своим детям длинные письма. Приведу начало его письма четырёх-летнему сыну Гансу:

«Любезный мой сын!

Радуюсь я известию о том, что ты многому научился и усерден в молитве. Так и продолжай, сынок, а когда я вернусь, то привезу тебе всю ярмарку. Я знаю чудесный сад, где множество детей в золоченых платьях собирают под деревьями румяные яблоки, а также груши, вишни и сливы. Они весело играют и поют. У них есть чудесные пони с золочеными уздечками и серебряными седлами. Спросил я садовника, кто эти дети, и он отвечал мне: «Это дети, которые в послушании и с усердием молятся и учатся». И я сказал: «Добрый человек, у меня тоже есть сын, зовут его Ганс Лютер. Можно, и он придет в сад, и будет есть румяные яблоки и груши, и будет ездить на чудесном пони, и играть с этими детишками?» И человек тот отвечал мне...»

Не беспокойтесь, Серкидон, добрый человек дал добро, но письмо не короче моего письма к Вам, поэтому приходится его прервать.

Подведём итог разговору о детях следующими словами Лютера: «Бог послал мне в них больше даров, чем любому епископу за тысячу лет».

Но жизнь так устроена, что радость без горя не бывает. Если вы получаете от института детства великое счастье, будьте готовы получить и не менее великое горе, дабы уравновеситься в земной юдоли своей. Тяжело пережила семья Лютеров потерю двух девочек. Малышка Елизавета не дожила и до года, вторая девочка умерла в отрочестве.

Читаем у Бейнтона:

«Четырнадцатилетняя Магдалена была при смерти. Лютер молился: «Боже мой! Я так её люблю, но да будет волю Твоя!.. Магдалена, девочка моя. Ты хотела бы остаться здесь со своим батюшкой или тебе больше хочется быть с Отцом твоим на Небесах?» Она отвечала: «Как Бог пожелает, батюшка». Поодаль стояла, охваченная скорбью Кати, Лютер же держал на руках умирающего ребёнка. А когда девочка испустила последний вздох, он промолвил: “Любимое дитя! Ты восстанешь и воссияешь, подобно звёздам и Солнцу. Как странно – я знаю, что она пребывает в покое и ей хорошо, и всё же – какая скорбь!”»

Мартин Лютер, узнав институт брака изнутри, заговорил о нём иначе. Не только лекарство против похоти, не только производство детей, но школа жизни, но испытание характера. Лютер видел суровую прозу брака и призывал готовиться именно к прозе, потому что поэзии может и не быть.

Его мудрыми словами я и хочу закончить письмо:

«Брак есть тяжкий крест, поэтому мы видим, столько раздоров в семьях. Когда же они живут в согласии, это милость Бога. Святой Дух провозглашает, что есть три чуда: когда братья согласны друг с другом, когда ближние любят друг друга и когда муж с женой живут душа в душу. Встречая подобную пару, я радуюсь, будто пребываю среди роз. Это случается редко».

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Сегодня погода отвратительная, мрачно, «тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой...»¹⁵⁶, а тут ещё у нас в шестнадцатом веке скончался Мартин Лютер. Укатали праведного Сивку крутые средневековые горки.

Лютер поехал в Айслебен, в город, где родился, где увидел белый свет: графы Мансфельды пригласили его уладить разногласия в семейном споре. Не сказать, чтобы сразу, но братьев Лютер примирил, а как с этим управился, так и скончался...

Многочисленные оппоненты и недруги Лютера, имя которым легион, называли его Виттенбергским папой и семиголовым чудовищем. И в этом был свой резон. Если посмотреть на историю Реформации иных стран, мы увидим, что кто-то оппонирует папе, кто-то переводит Библию, кто-то обращается с проповедями к мирянам, кто-то читает лекции студентам, кто-то реформирует церковное богослужение, кто-то пишет слова и музыку для гимнов и хоралов. В Германии – Лютер: или один на всё и про всё, или – дела во главе. Так был он «старшиной» виттенбергского «перевод-

---

¹⁵⁶ Строчки из известной песни «Тучи над городом встали», слова и музыка П.Арманда.

ческого цеха».

Из книги Эриха Соловьёва «Непобеждённый еретик»:

«"Мастеру Мартину" помогли такие искусные и прилежные подмастерья, как Меланхтон (главный советчик в греческом языке), Ауругаллус (преподаватель древнееврейского в Виттенбергском университете)¹⁵⁷, Круцигер¹⁵⁸ (специалист по халдейским парафразам Ветхого завета), Бугенхаген (знаток латинской Вульгаты)¹⁵⁹ и целая группа менее заметных теологов. Законченное издание было оснащено многочисленными комментариями и иллюстрировано Лукасом Кранахом Старшим»¹⁶⁰. Чего стоил этот титанический труд, можно представить, читая предисловие Лютера к Книге Иова: «... за четыре дня сумели осилить едва три стиха... Читатель не подозревает, какие пни и колоды лежали там, где он нынче шагает, словно по струганным доскам, и как мы потели и трепетали, убирая эти пни и колоды с его пути».

Дабы легко шагалось немецкому читателю, Лютер германизировал библейский текст. Читаем у Эриха Соловьёва:

«Иудея была перенесена в Саксонию, а дорога из Иерихона в Иерусалим проходила тюрингскими лесами. Моисея и Давида вполне можно было спутать с Фридрихом Мудрым и

---

¹⁵⁷ Маттеус Ауругаллус (1490 – 1543), известный немецкий лингвист.

¹⁵⁸ Каспар Круцигер (1504 – 1548), профессор в Виттенберге.

¹⁵⁹ Иоганн Бугенхаген (1485 – 1558), доктор, соратник Лютера.

¹⁶⁰ Из книги Эриха Соловьёва «Непобеждённый еретик».

Иоганном Фридрихом»¹⁶¹.

Да и сам Лютер писал: «Я попытался сделать Моисея до такой степени немцем, чтобы никто и заподозрить не мог, что он еврей». И Лютер сумел вдохнуть в библию германский дух. В другом месте у Лютера: «Первопричина того, что я смог найти ясный и чистый немецкий, – в моих помощниках-переводчиках. Часто случалось, что мы по две, три, четыре недели искали одно-единственное слово».

Отзыв восторженного «лютеранина» Генриха Гейне: «Каким образом Лютер дошёл до языка, на который он перевёл свою библию, остаётся для меня по сей час непостижимым».

И Гейне, и Гёте, и Шиллер писали на языке, основы которого заложены в Библии Лютера. Но, пожалуй, главная ипостась Лютера – Пастырь. Пастырь от Бога, чувствующий на себе ежеминутно взгляд Христа. Несший ответственность за души и грехи тех, кто доверился ему. И если проповедника судят по словам, но Пастырь складывается делами и поступками его.

Припомним фургон монашек. Другой бы письмо от Катарини выкинул, не дочитав до конца. Попались в монастырь, там и сидите. Лютер же затеял авантюру, которая могла окончиться не столь благополучно. Другой случай. Лютер узнал, что один из преподавателей айзенахской школы остался без средств к существованию. Ну и ладно, можно это известие

---

¹⁶¹ Иоганн Фридрих (1467 – 1532), саксонский курфюрст, брат Фридриха Мудрого.

мимо ушей пропустить. Мало ли кто милостыню просит на старости лет. Лютер же пошёл к курфюрсту и выбил для старика что-то вроде пособия. Мартин не понаслышке знал, что такое просить милостыню в Айзенахе.

Для Пастыря, который от Бога, нет чужого горя. Птенца, выпавшего из гнезда, раненую животинку, тянущего ручонки человеческого детёныша пытается он прижать к себе, вдохнуть силы в живое существо, поставить его на ноги.

В 1527 году в Виттенберг нагрянула чума. Магистрат и университетское начальство сбежали. Лютер остался в городе помогать лекарям. Никакой работы не гнушался, принимал последние исповеди. Своим примером внушал мужество, поддерживал стойкость в беде.

Именно в эти тяжёлые дни им были написаны и слова и музыка известного хорала «Господь – наш надёжный оплот». Хорал в дальнейшем пели все протестанские общины в минуты испытаний.

Господь – наша крепость,
Наш щит и наш меч.
Он избавит нас от страха,
Что терзает нас всечасно...
Пусть беснуются демоны,
Алчущие наших душ.
Страх нам неведом,
Мы победим!

Энгельс писал: «Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию проникнутого уверенностью в победе хора, который стал «Марсельезой» XVI века».

И последнее земное дело Лютера. Зимой, уже хворый, поехал в Айслебен примирять братьёв-графёв. И ведь не «Мерседес» за ним прислали, дорога зимняя, тяжкая. Кончилось тем, что заболел и навсегда закрыл глаза там, где впервые увидел Божий свет.

Незадолго до этого сделал свою последнюю запись:

«Чтобы понять буколики и георгики Вергилия, надо пять лет прожить пастухом или поселянином; чтобы по достоинству оценить письма Цицерона, надо двадцать лет быть чиновником крупного государства. Священное же писание не может в должной мере оценить тот, кто в течение ста лет не правил церковью пророков... Мы нищие. Воистину это так!»

Перед этим откровениям постоим молча, как перед величественной вершиной... А теперь дерзнём его дополнить: чтобы вполне понять и по достоинству оценить гётевского «Фауста», нужно не только в совершенстве знать немецкий язык, нужно с рождения жить в Германии и быть немцем...

Через несколько месяцев после смерти Лютера нагрянул с войском

Карл V. Ранее всё ему было недосуг: воевал то с султаном

турецким, то с королём французским. Франциска I как раз в год женитьбы Лютера Карл V разбил в битве при Павии и взял в плен. Позор закончился выплатой двух миллионов золотых экю и четырёхлетним пленом двух принцев. Одним из которых, как мы с Вами уже знаем, был будущий король Генрих II, за любовными утехами которого подглядывала в дырочку его законная жена Екатерина Медичи, которая была внучатой племянницей папы Климента VII, который прилежно склонял свой слух к щебету воробушка Фиренцуола, который был соотечественником Франческо Гвиччардини, который родился в один год с Мартином Лютером, который женился на Катарине фон Бора.

И раз уж мы пришли к жене Лютера таким исторически-извращённым образом, скажу Вам, что одной жилось ей тяжело, и прожила она без мужа недолго. Умерла в результате несчастного случая, а перед смертью сказала: «Я прикину ко Христу, словно иголка, которую втыкают в пальто».

Явление в Саксонию Карла V многого католикам не дало, хотя мечом помахал император изрядно и страху нагнал. «Добрые» католики предлагали императору откопать прах архиеретика Лютера и сжечь хотя бы кости. Но Карл сказал: «Я воюю с живыми, но не беспокою покой мёртвых».

Закончим так: ни огонь, ни меч уже не могли победить идеи Реформации. Лютеранская церковь в Германии была вскоре признана наравне с католической. И это ещё одна победа Лютера, за которую великому Реформатору положен

орден (посмертно).

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Дёрнул меня чёрт выпить кофе, сознание накренилось, и выплеснулась следующая мысль: а ведь можно было продолжить брачно-благостное писание парой «Абеляр-Элоиза» и занырнуть аж в двенадцатый век. К тому же национальный ассортимент обогатился бы французской парой, а то всё – немцы да русские... Ну, это кабы не погорячился Ваш письмоштампователь и не предъявил этих супругов ранее...

Ныне, когда сознание прояснилось, понятно стало: кофе мне вреден. Во-первых, что сделано, то сделано, что отправлено, того не вернуть; во-вторых, писать о столь набожных и благочестивых людях под шапкой «Муж и жена – одна сатана» есть форменное кощунство; в-третьих, результативная часть жизни каждого из супругов (возьми что Абеляра, что Элоизу) прошла без помощи и влияния второго участника брачных отношений. А мы с Вами, Серкидон, речь вели о людях, которые долго жили вместе, которые терпеливо рука об руку шли по жизни и терпеливо выстраивали здание брачного союза. Супруга кирпичик подавала, а муженёк его укладывал.

О ком хотелось бы ещё? Да о многих, но поскольку запал у меня уже не тот, поскольку мне эти женатики поднадоели,

позволю себе лишь «накернить» некоторые пары, а глубокой разработкой при желании Вы займётесь сами.

1. Габриэль Гарсия Маркес и его Мерседес. Но не «Бенц».

Они встретились на танцплощадке. Габи, преодолев робость, пригласил девушку на танец. Во время второго танца, уже окончательно влюбившись, юноша сделал предложение руки и сердца. Скромно и скудно, просто взял и брякнул: «Будь моей женой». Девушка ответила: «Папа говорит, что ещё не родился человек, которому я отвечу "да"». Потом выяснилось, что «невесте» тринадцать лет и ей неплохо бы для начала окончить школу. «Жениху», что пятью годами старше, должно было по жизни определиться, материально опереться и хотя бы немного окрепнуть разумом. Долгой была их помолвка, долго они жили порознь. Это было не «сто лет одиночества», но гораздо дольше, чем хотелось Габриэлю. Он-то хотел раз-два – и в дамки. Но раз-два – и в мамки не хотела Мерседес. И папа невесты так и не свыкся с мыслью, что жених уже народился и что это журналист-голландец... Сладилось кое-как, роман, начавшийся на танцплощадке, закончился свадьбой.

Теперь о другом романе, о том, который Маркес носил в себе с детства. Но одно дело просто носить в себе, другое дело – извлечь. Воплотить на бумаге. Напряжённая работа длилась восемнадцать месяцев. Всё это время Мерседес была и кормильцем, и поильцем, и вдохновителем, и восхитителем. Она поняла, что присутствует, мало того – участвует,

в рождении чуда. Когда чудо было оформлено в рукопись, супруги пошли на почту. Чтобы отправить бандероль в издательство, не хватило денег. Пришлось заложить фен, утюг и ещё какие-то мелочи. Ныне роман «Сто лет одиночества» уступает в популярности только Библии...

Мерседес не по-женски молчалива. Она молчит обо всём, в том числе и о своём браке. Однажды проговорила. Один из друзей спросил: «Что может помочь прожить многие годы вместе». Мерседес ответила: «Биологическая совместимость, это очень важно. Вы так не считаете?»

Брачное резюме от Маркеса: «За годы семейной жизни у нас не было ни одной серьёзной размолвки. Наверное, потому, что мы смотрим на вещи так же, как и до брака. Семейная жизнь – дьявольски трудное дело, которое каждый день начинаешь сначала. И так всю жизнь. Живёшь в постоянном напряжении, и порой это так утомительно... но тем не менее это стоит того!»

2. Николай и Елена Рерихи.

Они исполнили земное супружество с космической мотивацией поступков. Рерихи – люди вселенского мировоззрения. Не случайна запись в бортжурнале Юрия Гагарина: «Неописуемая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха»¹⁶². Это о Земле из Космоса...

Николай Константинович: художник, путешественник,

---

¹⁶² Рерих Николай Константинович (1874 – 1947), художник, учёный, философ.

мистик, мыслитель, учёный, просветитель, видный общественный деятель, умница. Свой Путь он знал с детства. У людей обычных – земных и приземлённых – душа только к середине жизни, где-то сорока годам, кое-как прозревает и начинает озираться по сторонам. Рерих к сорока годам сделал столько, что на несколько жизней хватит.

Елена Ивановна: писатель-мистик, философ, общественный деятель, жена, мать двоих детей, путешественник. Елена Рерих¹⁶³ сопровождала мужа во всех экспедициях, в том числе и в тибетской – на лошадях, пешком, в холодных палатках. Болела, но – ни стона, ни жалобы. «Пульс сто сорок пять, – испуганно говорил врач, – это пульс птицы». Но она и была райской птичкой, неведомо как залетевшей в наши края. Свои книги Николай Константинович посвящал – «Елене, жене, другине, спутнице, вдохновительнице». Писал: «Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени – женское и мужское».

Такое вот сплетение двух имён друг с другом и с Истиной. Когда Николай Рерих ушёл из жизни, Елена Ивановна сказала: «Дух Истины осиротел». О том, как осиротела она – промолчала.

3. Аксаковы – Сергей Тимофеевич и Ольга Семёновна.

Личное отступление. Помню, читала бабушка «Аленький цветочек», потом показала мне фотографию, как она сказала, сказочника. Содрогнулось во мне детское сердце: «...

---

¹⁶³ Рерих Елена Ивановна (1879 – 1955), религиозный философ, писательница.

зверь не зверь, человек не человек, чудище страшное и мохнатое».

Много лет прошло, прежде чем понятно стало: душу этого человека смело можно уподобить алому цветку, краше которого на свете нет. Теперь, смотря на фотографии Сергея Тимофеевича, всякий раз вижу благородного красавца, потому что смотрю на писателя через призму его произведений. Удивительный, пожалуй, единственный русский писатель, который из родительской колыбели сразу попал в колыбель матери-природы. Взыскательный читатель Иван Сергеевич Тургенев писал: «Если бы тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в этом уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нём поведал Аксаков...»

Да только ли тетерев?! И грач, и жаворонок, и каждая божья коровка, и бабочка крапивница, и жёлтая бабочка, и шмель, и пчела, и все рыбы.

«Так как же пара создалась?» – спросите Вы, нетерпеливый. Рассказываю. Суворовский генерал Семён Григорьевич Заплатин при осаде Очакова отбил красавицу-турчанку Игель-Сюмь и женился на ней. В польском походе родилась у них дочь Ольга, которая повзрослев, в свой срок превратилась в красавицу, которую отбил у боевого генерала молодой восторженный поэт. Сначала молодые люди перебрасывались робкими взглядами. Потом держались за руки, глядя друг другу в глаза. Потом он нёсся домой на крыльях любви и по ночам писал Оле стихи. Летом 1816 года молодые

люди обвенчались в храме Самсона Столпника за Яузой. Семья получилась крепкой, многодетной – десять детей родила Ольга Семёновна, не обходилось без потерь, бытовых неурядиц тоже хватало, и денег порой не хватало, но жили в согласии.

Биографы в один голос отмечают: «... семья эта, имеющая полное право на название образцовой, была создана больше всего любящим и замечательным характером Ольги Семёновны, её редким тактом, её умом и сердцем, а между тем она достигала этого незаметно, не только не выдвигая себя на первый план, но даже не имея притязаний ни на какое нравственное преобладание, но совершенно естественно, скромно и не заметно исполняя свой долг. Её назначение было сохранять в семье внешний порядок и внутреннюю гармонию. Она вносила в неё тёплый ровный свет...»

Примолвим к Сергею Тимофеевичу. Он не только писатель, вдобавок к сему: литературный и театральный критик, видный общественный деятель середины девятнадцатого века. А дети! Константин Аксаков, Иван Аксаков, Веры Аксакова. Звучные имена! Вклад семьи Аксаковых в культурную жизнь России девятнадцатого века ох как весом!

4. Аввакум Петров¹⁶⁴ и жена его Анастасия Марковна, дочь кузнеца.

Если первая книга из серии «ЖЗЛ» – Библия, то вторая – «Житие протопопа Аввакума, им самим писанное». Пи-

---

¹⁶⁴ Протопоп Аввакум (1620 – 1681), старообрядец, духовный писатель.

сал он, словно просеку в тайге рубил – грозно, шершаво, но с удовольствием: «Занеже люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обыкл речи красить...»

И стыдно мне стало, Серкидон, я-то при письме зело обыкл приукрасить природный язык то виршами самодельными, то вкраплениями философскими, то мудростями учёными, то инородностями кручёными....

Анастасия Марковна. Ей, как и шекспировской Джульетте, на момент венчания было четырнадцать лет от роду, её Ромео был тремя годами старше. Но если Джульетта отмучалась быстро, то наша Настенька середины семнадцатого века мыкалась долго и сурово. Сказками её не баловали, на пути её были только чудища, только страдания и ни одного аленького цветочка.

Пробуем прочесть отрывок из «Жития»:

«Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеса о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не посеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кользко гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на неё набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, – на

меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самых смерти!» Она же, вздохня, отвечала: “добро, Петровичь, ино еще побредем”».

Умел Аввакум жену утешить, ох умел... А задуматься: ей-то за что? Не всё ли равно ей, неграмотной, как имя Христа писать? Сколькими перстами креститься? Но так уж вышло: претерпевала заодно с мужем, сражались за веру мужеву.

Аввакум сражался за правоту старой церкви, врагов он своих не победил, но и не сдался им. Не сумев сломить, сожгли его по царёву приказу. Сожгли его палачи за то, что реформы патриарха не признал, двумя пальцами крестился и сына Божьего звал коротко – «Исус». Помянём память протопопы-мученика минутой молчанья, и всё на сегодня.

Крепко жму Вашу руку, и до следующих пар.

Приветствую Вас, Серкидон!

Доложу Вашему Высокопресеркидонству, что по части браков, где супруги жили в возделанной обеими сторонами гармонии, Ваш смиренный письмоподатель иссяк. Остались у меня на заметке только браки не вполне удачные и вовсе неудачные. Ну так этим-то кого удивишь?! Такого добра в любом углу понавалено, поэтому и писать о таком не стану.

А вот о чём подмывает написать, так это о моих обманутых надеждах. Вот это, думал я, пара! Вот это, раскатывал я губу, супербрак! А копнёшь его, э-э-э... Дисгармония – во весь рост! Мелочные придирки, непонимание, супружеские кондерплёнсы, брачные импедансы! Про истерики, про ругань умолчу, поскольку это дело нужное, пар выпускающее.

Поведаю Вам о трёх своих, скажу по-молодёжному, обломах. По малости напишу, остальной компромат сами накопаете.

Большие надежды возлагались на семью Толстых – Льва Николаевича и Софью Андреевну. Видимый результат сорока восьми лет брака – тринадцать детей и огромное собрание сочинений. И если каждого ребёнка Софья Андреевна рожала по одному разу, то отдельные сочинения приходилось ей переписывать по несколько раз. Она была и хорошей помощ-

ницей, и заботливой женой. Стабильной в своём отношении к мужу, к семье на всём протяжении семейной жизни.

Другое дело Лев Николаевич. Едва женившись, счастлив он был по самое некуда. Запись в дневнике после первой брачной ночи мы учитывать не будем. Да и была ли она. Обопрёмся на существующие документы. После десяти лет брака пишет Толстой тётке: «Моя жизнь всё та же, т.е. лучше не могу желать». Но к серебряной свадьбе иные настроения: «Могло быть и лучше», а незадолго до рокового исхода: «Я киплю в этом доме, как в аду...»

Такое вот падение количества счастья от 100 процентов до нуля. Если принять за ноль счастья – кипение в аду.

Диалог между графом и графиней незадолго до ухода из Ясной Поляны:

« ... по-моему, те, которые в романах кончают свадьбой, словно это так хорошо, что дальше и писать нечего, – все они мелют сущий вздор. Уж если нужно сравнение, то брак следует сравнивать с похоронами, а не с именинами. Человек шёл один – ему привязали за плечи пять пудов, а он радуется. Что тут и говорить, что если я иду один, то мне свободно, а если мою ногу свяжут с ногой бабы, то она будет тащиться за мною и мешать мне.

– Зачем же ты женился?

– Я не знал тогда этого.

– Ты, значит, постоянно меняешь свои убеждения.

– Всякий человек должен стремиться к совершенствованию.

нию. Лично я не могу жаловаться на семейную жизнь. Напротив, моя семейная жизнь сложилась счастливо. Я знаю многих, которые очень хорошо сошлись друг с другом и живут хорошо. Но всё-таки брак – не праздник. Сходятся два человека, чтобы мешать друг другу.

– А по-моему, они сходятся, чтобы помогать друг другу.

– Какая же помощь? Сходятся два чужих между собой человека, и они на всю жизнь остаются чужими... Конечно, кто хочет жениться, пусть женится. Может быть, ему удастся устроить свою жизнь хорошо. Но пусть только он смотрит на этот шаг, как на падение, и всю заботу приложит лишь к тому, чтобы сделать совместное существование возможно счастливым».

Забыл Лев Николаевич, что десять первых лет прожил счастливо, без забот, не прикладывая к этому никаких усилий.

Последние дни вместе превратились для пожилых супругов в сплошной непрекращающийся конфликт. В конце концов, он уходит из дома в ночь, куда глаза глядят, она пытается утопиться. Алитет¹⁶⁵ и Офелия.

Отминусован мною и брак Павла Первого. Имеется в виду второй брак. Его первый блин получился таким комом, что долго этот ком в горле Павла Петровича стоял. Мать наследника – грозная матушка-императрица – сделала выволочку посланникам, бракованную жёнку подсунувшим, и вновь по-

---

¹⁶⁵ Герой книги «Алитет уходит в горы».

слала их и надо же туда же, в Германию за новой невестой с напутствием: «Чтобы на этот раз плодovита была, аки крольчиха!»

Сказано – сделано! София Мария Доротея Августа Луиза Вюртенбергская нарожала детей за всех сразу: и за Софию, и за Марию, и за Доротею, и за Августу, и за Луизу. Десять деток родила царица, принявшая в православии имя Марии Фёдоровны. Ставши царицей, говорила, что каждая женщина должна быть «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка» и обязана признавать «свою слабость и преимущество мужа во всяком случае», чтобы заслуживать его «любовь и приязнь скромностью и покорностью». Эти положения о супружестве были привиты дочерям – завидным невестам для женихов голубых кровей.

Павел Петрович, пусть не жених, а всего лишь отец, в дочерях души не чаял. Красавица Александра, грациозная Елена, «жемчужина» семьи Мария... Они считались одними из самых образованных принцесс Европы.

К сыновьям, особенно, когда мальчики подросли, император питал более осторожные чувства. Они основывались на мысли: не захотят ли великие князья заступить на царскую вахту раньше положенного законом времени? Не замыслят ли против отца?

Обоих сыновей назвала могущественная Екатерина II: первенца – Александром, дабы черпал величие из имени Македонского и возвышал могущество Третьего Рима до небес,

второго – Константином, дабы, ежели удастся отбить Константинополь у басурман, обретёт город и прежнее имя, и правителя с этим именем созвучного.

Скупа была на похвалы для невестки Екатерина Алексеевна, но однажды воскликнула: «Ну и мастерица же ты, матушка, детей рожать!». Дети и внуки Марии Федоровны правили Россией весь следующий девятнадцатый век.

На словах царица Мария Фёдоровна готова была «признавать свою слабость и преимущество мужа во всяком случае». Но пересилила в ней «к предательству таинственная страсть»¹⁶⁶, она знала о покушении, которое на мужа готовилось, однако ни словечком о том не обмолвилась. Цареубийство произошло с её молчаливого согласия. Когда же свершилось злодеяние, бегала царица по дворцу босая в ночной сорочке и, забыв, что она Мария Фёдоровна, кричала по-немецки: «Ich werde regieren!» (Я хочу править!)

Ещё одним моим разочарованием стал брак Эхнатона и Нефертити.

«Наследница трона, великая в благодеяниях, воплощение красоты, сладость любви, Владычица Севера и Юга, прекрасная лицом, возлюбленная живого Атона, первая жена фараона, любимая им повелительница обеих земель, великая в любви Нефертити, живущая вечно...»

Это слова одного из гимнов, сложенных для «величайшей любви Эхнатона» и «владелицы его счастья». Лицо Нефер-

---

¹⁶⁶ Строчка из стихотворения Б. Ахмадулиной.

тити украшало все храмы, повсюду стояли её скульптуры, сама она была рядом с Эхнатоном при жертвоприношениях. Заключая договоры, фараон клялся именем бога Солнца и именем своей жены, она родила трёх (кто пишет шестерых) дочерей. Но нужен был сын. Наследник. После тридцати лет царствования фараон в целях поддержания традиций по мужской линии должен был разделить власть с сыном. Что делать? Вы бы, Серкидон, растерялись, а Эхнатон – нет. Он женился на одной из своих дочерей. И Нефертити в целях поддержания традиции по женской линии открывала дочери сокровенные ласки, любимые Эхнатоном более всего... Видимо, потому что ласки были те же, произошла та же неприятность – опять родилась девочка.

И вот тут явился персонаж, о котором мы уже знаем – Кийя. Помните: «Я – Кийя, младшая царица...

Уж я была женой второю.
Остаться ею бы навек!
Но чем-то больше, чем играю,
Был занят этот человек.

Кийя родила Эхнатону сына. Он усадил её рядом с собою на трон и одарил синим венцом – знаком царской власти.

Когда с парадов и пожаров
Я возвращаюсь во дворец,

Уж я не женщина по жанру.
Я – фараон, я царь-отец.
В короне я. И муж увенчан.
Мы отдыхаем после дня.
И пляшет лучшая из женщин
И для него, и для меня.

Тут возможны поэтические вольности «египтолога» Аронова, но то, что Эхнатон больше жертва египетских предрассудков, чем муж, стало ясно.

Вот такие самые крупные мои «семейные» разочарования.

Крепко жму Вам руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

А что же Гёте? А как же Пушкин? Два гениальных поэта то и дело выныривали в нашей переписке то влюблённостями своими, то строчками из произведений. И вот они – женатики...

Жён Гёте и Пушкина объединяло то, что они в творческий процесс не вмешивались, гениальных творений мужей читать не пытались. И слава богу!.. Ошибкой будет всех гениальных людей стричь под одну гребёнку. Кому-то требуется подставить плечо, а иному достаточно подставить бедро, проследить, чтобы был накормлен, мытый, бритый и улыбочивый.

1788 год. Гёте вернулся из Италии, где познавал «науку любви» с трактирщицей Фаустиной... «Какие странные сближения!» – воскликнул бы Пушкин. «Вот ведь какие фортеля иногда выкидывает чертовка-судьба!» – скажем мы. Ошибиться было невозможно. Как только Фаустина назвала своё имя, автор «Фауста» понял – это дар Мефистофиля, который следует принять незамедлительно. ..Поскольку незамедлительно следуют принимать всякие дары, а не только господние...

Но теперь дарительница плотской радости осталась за

Альпами, и Гёте скучал, гуляя в одном из парков Веймара. Тут-то к нему и подошла молодая работница цветочной фабрики. Её звали Кристиана, она попросила помочь брату, который оказался без работы, при этом, живая и улыбочивая, она так лучилась здоровьем и молодостью, так извивалась налитым телом, что тут же получила приглашение мэтра продолжить общение вечером у него дома. В первый же их вечер молодая работница показала в беседке у дома поэта всё, чему была научена на цветочной фабрике, и... расстаться с такой мастерицей Гёте уже не смог. Провёл в дом и стал называть её то «дитя природы», то «маленький эротикон», то «сокровище в постели».

Чудесное это было время для поэта: ещё не остыло воспоминание о Фаустине, и уже осязаема – прикасаема и обнимаема – была Кристиана. Такое уже бывало в жизни многолюбивого Гёте, им уже написано:

«Это необыкновенное ощущение, когда в нас начинает зарождаться новая страсть, в то время как старая ещё не совсем отзвучала. Так иной раз, наблюдая заходящее солнце, посмотришь в противоположную сторону на восходящую луну и любишь двойным светом обоих небесных тел».

Как ни прекрасны небесные тела, а женские – всё равно прекрасней, и кому, как не поэту-Гёте, знать об этом лучше иных... Под впечатлением от Фаустины-Кристианы написаны «Римские элегии». Можно представить себе, как завернувшись в тогу Овидия, читал Гёте гекзаметры своему бла-

годетелю Карлу Августу, по случаю сократив имя его до Августа:

Я, исполняя совет, неустанной рукою листаю
Древних творенья – и здесь мне все дороже они.
Правда, всю ночь напролёт неустанно служу я Амуру:
Вдвое меньше умён – вдвое счастливей зато.
Впрочем, рукою скользя вдоль бедра иль исследуя форму
Этих прекрасных грудей, разве же я не учусь?
Мраморы только теперь я постиг, помогло мне сравненье:
Учится глаз осязать, учится видеть рука¹⁶⁷.

Герцог, человек женолюбивый и весьма широких взглядов на отношения полов, был в восторге, но настоятельно просил эти стихи не публиковать, распространяя по возможности осторожно и лишь изустно. И не только эротическая составляющая смутила Его Королевское высочество. От элегий веяло языческой распущенностью, и никак в них не чувствовалось влияния ни Святого Писания, ни святых мучеников, ни христианства, одно лишь жадное наслаждение, одно поглощение красоты во всех её воплощениях. Красоты женского тела, в том числе. А когда поэт прочёл:

Истинной радостью нас нагой Купидон одаряет,

---

¹⁶⁷ Перевод С.Ошерова.

Вторит нашей любви ножек расшатанных скрип¹⁶⁸, –

тут даже Карл-Август, бравый женский угодник, покраснел...

В сложном положении оказался герцог. Как мужчина он понимал Гёте, как хранитель нравственных ценностей должен был осудить. Что же касается высшего веймарского общества – ханжеского и закостенелого – оно фактом сожительства любимца герцога с простолюдинкой было и оскорблено, и шокировано. Шарлотта фон Штейн потребовала назад свои письма. Гёте письма баронессе вернул, а остальным покорителям бомонда дал понять, что мнение их для него не существенно. Да, оно принято к сведению и не более того. Но однажды, и это отметим, Гёте попросил Иоганну Шопенгауэр принять его вместе с супругой. В этом господину тайному советнику в иных добропорядочных домах было отказано. Фрау Шопенгауэр, памятуя участие Гёте в воспитании сына, пригласила проблемную пару на чай.

Но по большому счёту Гёте устраивало существующее статус кво: на приемы он ходил один, на курорты ездил один, крутил романы с женщинами своего круга, а сожительнице писал нежные письма. Кристиана, оставаясь дома, вела хозяйство, ждала Гёте и его письма. Иногда даже отвечала на письма поэта:

«В твоей работе всё как нельзя лучше: что ты однажды

---

¹⁶⁸ Перевод С.Ошерова.

сделаешь, остаётся в вечности; у нас же, несчастных кляч, всё иначе. Вот я привела в порядок огород возле дома, и за одну ночь улитки почти всё съели, мои прекрасные огурцы пропали... Но что же поделать? Надо снова браться за дела, ведь без труда ничего не бывает. Моё хорошее настроение от всего этого не испортится!»

Ян Парандовский о жене Гёте писал:

«... считают, что убогой по духу была и Кристиана Вульпиус. И однако же она вовсе не была так глупа, как утверждают веймарские сплетни. Прежде чем о ней судить, следует прочесть письма Гёте периода их любви, эпиграммы, элегии и другие произведения, например «Die Metamorphose der Pflanzten» – «Метаморфозы растений», и прочувствовать, сколько тепла и счастья вошло с нею в его жизнь»¹⁶⁹.

Мариэтта Шагинян о жене Гёте:

«Она принадлежит к той категории женщин (чистейших женщин), которые, подобно некоторым химическим элементам, не могут существовать сами по себе и представляют лишь тенденцию к соединению с другим веществом, только соединяясь, приобретают они реальность и устойчивость...»¹⁷⁰

Кристиана напомнила Мариэтте Сергеевне тургеневскую Фенечку – молодая, беленькая, мягкая, с тёмными волосами и глазами. В той же дамской компании могла оказаться и

---

¹⁶⁹ Из «Магии слова».

¹⁷⁰ Из «Путешествия в Веймар».

Тереза Левассер, спутница Ж-Ж-Руссо, невосприимчивая к творчеству мужа, но заполнявшая его своей женственностью до краёв.

Воспитатель Августа (сына Гёте) филолог Фридрих Ример¹⁷¹ был человеком весьма примечающим и понимающим. Его суждение о семье Гёте никак нельзя сбрасывать со счетов вечности:

«Именно вот такое женское существо и требовалось ему для свободного, как можно более беспрепятственного развития его природы, и никакая дама с претензиями на чины и титулы, ещё, глядишь, сама желавшая блистать в качестве писательницы, не смогла бы благоприятствовать этому... При таком союзе, основанном на совместном доме и ведении общего хозяйства, ни разу не было у них обычных семейных сцен или бесконечного чтения нотаций, какие нередко происходили в самых что ни на есть законных браках его ближайших друзей».

В частной беседе с французским посланником Гёте вполголоса сказал:

«Из всех моих сочинений моя жена не прочла ни строчки. Царство духа для нее закрыто, домашнее хозяйство – вот для чего она создана».

Иные думают, что Гёте сетовал, а я думаю – хвастался.

Доверительный разговор с французом состоялся явно по-

---

¹⁷¹ Фридрих Вильгельм Ример (1774 – 1845), немецкий филолог, писатель, с 1874 года секретарь Гёте и воспитатель сына.

сле 1806 года, поскольку именно в шестом году случилась оккупация Веймара наполеоновскими войсками. Пьяные солдаты ворвались в дом Гёте, выволокли его из постели, поэт едва успел надеть знаменитый фланелевый халат. Буяны стали требовать вино, закуску, драгоценности. Гёте был и бледен, и перепуган, и растерян. Он не знал, что делать. Не знал, как себя вести с подобными людьми в подобных случаях. Среди его читателей таких никогда не бывало... И тут на авансцене театра военных действий появилась Кристиана. Уж она-то знала, как разговаривать с пьяными мужиками. Бешено размахивая кулаками и крича, обрушилась она на мародёров, как буря, как девятый вал. Им пришлось ретироваться. На следующий день в дом Гёте въехал маршал Ней¹⁷², на дверях повесили охранную грамоту.

Этот случай, это чудесное спасение так потрясли Гёте, что он сделал Кристине предложение руки и сердца. Она приняла и то и другое, превратившись в результате из «мамзели Вульпиус» в госпожу тайную советницу фон Гёте. Ему было – 57, ей – 41, их сыну Августу – 17.

Несмотря на сплетни, насмешки, придворное шушуканье, семья получилась хорошая, жили дружно, удачно дополняя друг друга. Кристина привнесла в дом Гёте жизнелюбие, радость бытия, тепло домашнего очага. Благодаря Гёте в жизни Кристины появились «духовности»: она писала мужу смеш-

---

¹⁷² Мишель Ней (1769 – 1815), герой Наполеоновских войн, прославленный маршал.

ные письма с ошибками, полюбила театр, водила дружбу с артистами, могла выпить за раз не один стаканчик вина, подмётки могла проплясать за пару вечеров.

Резвая Попрыгунья Стрекоза, которой посчастливилось выйти замуж за гениального Муравья. Жаль только, не живут долго люди, которые живут весело. «И наша Кристиана // Ушла из жизни рано...» Гёте написал: «Скончалась моя жена. Во мне пустота и страшная тишина...» Вторичную попытку поэта жениться мы уже с Вами разбирали, поэтому не будем беречь сердечные раны.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего гениального поэта.

Приветствую Вас, Серкидон!

Не только «весёлое», но и женатое имя Пушкин у нас на очереди.

Есть резон оженить Александра Сергеевича сразу, чтобы не пускаться в подробности досвадебных злоключений. Если о них совсем коротко, то мать невесты умудрилась выпить практически всю кровь Александра Сергеевича, ещё не будучи тещёй. Торг шёл вокруг приданого для Натальи Николаевны. Жених резонно считал, что хоть какое-то, пусть малое приданное, полагается. Наталья Ивановна Гончарова говорила: «Или не бери вообще, или бери как есть голенькой». Пушкин слышал: «Бери... голенькой...», вскакивал и бежал занимать и закладывать. Когда денег собралось достаточно, состоялось венчание молодых, в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Церковь была красивая, «белая, огромно-плавная, с куполом-небосводом»¹⁷³.

Из первопрестольной Александр Сергеевич увёз молодую жену, едва возможность представилась. Лето молодые провели на даче в Царском Селе. Благословенное, ничем не омрачаемое время.

---

¹⁷³ Так сказано у Б.К.Зайцева. «Иван Бунин: pro et contra», стр.93.

Ах, впрочем, нет. «Ах, Пушкин, как ты мне надоел своими стихами!»

Пожалуй, лишь это единственное досаждало Наталье Николаевне медовым летом, что же до Александра Сергеевича, то он был новизной своего состояния ослеплён и счастлив в нём был целиком и полностью.

Из письма к Плетнёву¹⁷⁴: «Я женат – и счастлив: одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь...»

Оно и понятно: поэт обладал пленительной женщиной, молодой женой, причём на этот раз не чужой, а свою собственную, на законных основаниях. Да ещё вспомним – где? В садах лицея, где ранее «безмятежно расцветал». В гости к Александру Сергеевичу съезжались бывшие лицеисты, поэт представлял их красавице-жене, они шумно завидовали, а далее – «Друзья вспоминали прошедшие дни//В том месте, где вместе учились они...»

Почитаем письма того благословенного времени.

Помещица села Тригорского П.А. Осипова, соседка поэта, получила от одной из питерских кузин (Кашкиной Екатерины Евгеньевны) нечто вроде донесения, которое для Вас, Серкидон, добрые люди перевели с французского на русский:

«С тех пор, как он женился, это совсем другой человек, – положительный, рассудительный, обожающий свою

---

¹⁷⁴ Плетнёв Пётр Александрович (1791 – 1866), поэт, критик.

жену. Она достойна этой метаморфозы...»

И чуть далее: «Когда я встречаю его рядом с его прекрасной супругой, он мне невольно напоминает портрет того маленького животного, очень умного, очень смышлёного, которое ты угадаешь без того, чтобы мне его назвать».

Наталья Николаевна – высокая, стройная, фигуристая, с прекрасными правильными четами лица («чистейшей прелести чистейший образец») – рядом с таким совершенством любой мужчина рискует, проиграв на контрасте, напомнить какого-либо представителя из животного мира. Что уж говорить о Пушкине, которого товарищи по лицу без обиняков называли обезьяной.

Сестра поэта Ольга писала родным:

«Они очень довольны друг другом, моя невестка совершенно очаровательна, мила, красива, умна и вместе с тем очень добродушна».

Брат новобрачной Дмитрий Николаевич сообщал в письме к деду своему:

«Таша обожает своего мужа, который также любит её; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось».

Но блаженство как стечение удачных обстоятельств, не бывает долгим. Предвестником всех последующих неприятностей стала нечаянная встреча. Однажды, прогуливаясь, молодые повстречались с царской семьёй. Оно хоть и Село, но ведь Царское. Мать Пушкина Надежда Осиповна описала судьбоносное событие так:

«Император и императрица встретили Наташу и Александра, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем того не желая, появиться при дворе».

Царь в свою очередь сказал о Пушкине:

«Так как он женат и не богат, то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке».

Каша, причём тут же, случилась в голове Пушкина. Он – бывший якобинец, вольнодумец, ссыльный, друг декабристов, и вдруг – обласкан царём, приглашён на службу... Ему открыты и царские объятия, и архивы ...

Казалось бы, порадоваться впору такому повороту событий, но если вспомнить иного Александра Сергеевича, то – «Минуй нас пуще всех печалей//И барский гнев, и барская любовь...»¹⁷⁵ А когда «барское» меняется на «царское», то впору вспоминать пословицу «Коготок увяз – всей птички пропасть...»

А вот бы с дачи вовсе не съезжать!..

«Но наше северное лето,// Карикатура южных зим...» Едва небо задышало осенью, семья переехала в Петербург. Семейная жизнь очень быстро Александра Сергеевича завертела, опутала. Очень быстро узнал он почём фунт семейного лиха.

Из письма к Нащокину:

---

¹⁷⁵ Из «Горя от ума», А.С. Грибоедова.

«Кружусь в свете, жена моя в большой моде, – всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения...»

Уединения не получается. Пушкин по уши в быту, Пушкин на балу, Пушкин в кибитке. Разъезжая по различным надобностям, отовсюду слал Александр Сергеевич жене письма. Читая эти письма, видим мужа и внимательного, и заботливого, и строгого, и ласкового, он и отчитывает, и отчитывается. Согласимся с государем по поводу «умнейшего человека»¹⁷⁶. Почитать письма поэта к Вяземскому – другой Пушкин, другой уровень, другие темы. Потому что умный человек говорит на понятном собеседнику языке. Наталье Николаевне муж сообщает о состоянии дел, пишет о здоровье, о детях, о знакомых.

Уже женатым ездил за вдохновением Александр Сергеевич в Болдино... в Михайловское... Вдохновение бежало от него, расписаться не удавалось. Пытался уйти в отставку – не получилось. А нехватка денег в семье становится уже хронической, и Пушкин, как тогда говаривали, пустил долг, погуливал, играл в карты, как правило, оставался при пиковом интересе... А тут ещё и Дантес, который возник в жизни Пушкина во весь рост...

А что Наталья Николаевна? Считать её только пустой кокеткой, у которой одни балы и наряды на уме, нельзя. Чет-

---

¹⁷⁶ Известен диалог Николая Первого с министром Блудовым:– Знаешь, я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России.– С кем?– С Пушкиным.

веро детей за шесть лет брака, то беременности, то роды, то муж уедет, то сёстры приедут, то понос, то золотуха. Главное беда – деньги, когда муж проигрывался в карты, деньги приходилось выпрашивать у родственников.

В июле 1836 года она пишет брату Дмитрию:

«Мне очень не хочется беспокоить мужа хозяйственными хлопотами, и без того вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам, и, следовательно, в таком настроении работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию...»

Едва получив согласие гончаровых на брак, Пушкин писал будущей тётше:

«Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери: я могу надеяться со временем привязать её к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться: если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия её сердца».

Александр Сергеевич со временем привязал к себе жену, но сердце её осталось к нему равнодушным навсегда. А влюбиться ей (ведь она всем так нравилась!) хотелось. Отсюда и Дантес... Более иных подходил Дантес под характеристику – «свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли»¹⁷⁷, уж он-то не стал бы изводить Наталью Николаевну стихами, он бы...эх!..

По поводу трагического исхода. Как много тут различных

---

¹⁷⁷ Из рассказов ОГенри

мнений! Поклонники Пушкина считают его жертвой – лег-кокрылым мотыльком, который попался в царёву паутину, которому злой тарантул нанёс смертельный укус. Люди к поэзии равнодушные считают, что виноват сам Пушкин, что если не можешь обеспечить красивую женщину, женись на серой мышке, читай ей стихи, и пусть она пищит от восторга.

Моё личное мнение: никто не виноват, всяк по-своему проживал свою жизнь. И как получилось – так и получилось.

Серкидон! Мы с Вами кратенько ознакомились с семейной жизнью гениальных поэтов, и давайте поставим им, как главам семейств, «двойки». Чуть лучше выглядит «двойка» у немецкого гения – пожалуй, на «три с минусом» выглядит. Но заслуга в этом не Гёте, а его покровителя, менее напыщенного, более щедрого и участливого, чем у Пушкина.

А если истинно виноватых искать, то во всех бедах виновны крылья поэтов. Читаем из «Альбатроса» Шарля Бодлера:

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе¹⁷⁸.

То есть мешают: не живот, не одышка, не преклонные годы, что бывает у мужчин, как правило, а исполинские крылья...

---

¹⁷⁸ Из «Альботроса», перевод А. Левика.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Вот думаю, не слишком ли пышно сказано мною о мужьях? Вы можете подумать, что единственный способ существования – связать свою жизнь с женщиной. Но если вспомнить, даже в нашей, отнюдь не всеобъемлющей, переписке встречались мужчины, устроившие свои жизни иначе. Платон и Кант были «женаты» на философии, «многоженец» Ньютон разрывался между физикой, математикой, механикой и астрономией. Многие представители рискованного пола посвятили жизнь идее. Иногда вздорной, ошибочной, никчемной. Но кто же знал, что она такая? Идея, как и женщина, раскрывается до конца только в результате длительного общения.

Иногда отношения мужчины с неодушевлённым предметом переходят разумные рамки. Давным-давно в журнале «Крокодил» я прочёл, что автолюбитель – это мужчина, женатый на автомашине. И я принял мужественное решение – никогда не иметь автомашину. Не дай Бог, ещё посмотришь однажды на выхлопную трубу с запретным вождением.

Кстати сказать, все эти учёные, философы и пленники безумных идей с точки зрения женщин абсолютно никчемные люди, поскольку женщине не понятно, зачем они нуж-

ны. Зачем небо копят? Сообщу Вам, Серкидон, категории мужчин, существование которых конкретное существо женщина понимает и приветствует.

Ну, во-первых, те самые МУЖЬЯ, о которых мы так много говорили. Оно и понятно: быть при мужчине есть природное предназначение женщины. Муж – это семья, дом, зарплата и статус не профурсетки легкодумной, но женщины замужней. Иногда мужья, пусть даже с золотыми сердцами, манкируют исполнением супружеского долга в части сексуальных утех, и тогда на авансцену выходят ЛЮБОВНИКИ с железными мускулами. И не только мускулами. Казалось бы, все дамские запросы удовлетворены? А вот и нет! Не менее важна для женщины романтическая составляющая общения с мужчиной. А вот с этим совсем беда. Пожалуй, только дежурные цветики на Восьмое марта. Где вы, РЫЦАРИ? Ау!

Дай Бог памяти припомнить стихотворение талантливой поэтессы:

Пусть рыцари молчат, бесследно канув
В какие-нибудь Средние века...
Вот женщина идёт. Букет тюльпанов
Румянцем отликает на щеках.
В душе весна. Разгладились морщины.
И возродились юные мечты.
И вслед ей улыбаются мужчины...
Что на базаре продают цветы.

Автор этого стихотворения – Надежда Смирнова живёт и здравствует в Санкт-Петербурге, а вот автор рассказа «Рыцаря вызывали?» Сергей Янсон¹⁷⁹ ушёл из жизни безвременно. А какой был талантливый прозаик!

Рассказ Сергея кратко перескажу. В «Бюро добрых услуг» – новинка. К Восьмому марта для жены можно вызвать рыцаря. Подобно тому, как детишкам к Новому году заказывают Деда Мороза.

И вот некий муж, тюха-матюха в подтяжках, позвонил и вызвал, потому что самому лень было за цветами ходить. Рыцарь в латах и с букетом явился в назначенный час. Первым делом он сунул мужу ведомость: «Распишитесь!», – а потом рухнул на колени перед дамой: «О, несравненная!». Далее рыцарь провёл несравненную в отдельную комнату и плотно закрыл за собой дверь. Послышались пылкие высказывания, стихи. Жена иногда восторженно ахала. Муж забеспокоился. Беспокойство усилилось, когда из-за двери раздалась арабская лирика, читали уже на два голоса. Когда же донеслись звуки поцелуев, тюха-матюха превратился в гневного ревнивца, он ворвался в комнату. И вовремя. Рыцарь с упоением приступил к целованию ручек. Вне себя от ярости, новоявленный Отелло спустил наглеца с лестницы, кинув ему вслед ведомость. Рыцарь с грохотом докатился до

---

¹⁷⁹ Янсон Сергей Борисович (1955 – 1996), прозаик, проживал в Ленинграде (С-Петербурге).

конца лестницы, поймал ведомость и в итогах посещения сделал запись: «Возрождена любовь!»

Теперь доложу Вам, Серкидон, своё представление о мужчине-рыцаре. Он – пылкий поклонник женской красоты. Это его божество. Красоту женщины рыцарь обособляет и поклоняется ей. «Как сорок тысяч братьев»¹⁸⁰ любит женщину рыцарь. Ему не важно, принадлежит женщина кому-либо или – свободна. Ибо – только красота его пленит, остальные женские составляющие рыцарю чужды.

Именно поэтому для женщины это – десерт. Рыцарь идёт на третье после мужа и любовника. Он есть вишенка на торте.

После такого, возможно, жестокого определения, позвольте, Серкидон, представить Вашему вниманию слова о женщине одного средневекового рыцаря, имя которого пока тайна.

«... все почести мира не стоят любви и милостей прекрасной и знатной особы, твоей возлюбленной и повелительницы...»¹⁸¹,

«... в безобразном коренятся великие несчастья и неудовольствия... красоту же... отличает счастье и радость...»¹⁸²

Дорогой Серкидон, сегодня я пораньше с Вами расстанусь, мне ещё надо забежать на почту за письмишком из из-

---

¹⁸⁰ Из «Гамлета».

¹⁸¹ П.Брантом «Галантные дамы».

¹⁸² П.Брантом «Галантные дамы».

дательства.

Крепко жму Вашу руку, и до завтра.

Приветствую Вас, Серкидон!

Имя рыцаря Вами так и не угадано... Даю ещё одну подсказку:

«Ничто в мире не сравнимо с красивой женщиной; либо пышно разодетой, либо кокетливо обнажённой и возлежащей на ложе...»

По моим расчётам, Серкидон, Вы должны сейчас же вскрикнуть: «Брантом!», поскольку этот отрывок из «Галантных дам» уже ранее цитировался в нашей легкомысленной переписке. Как возникала у нас цитата из «Галантных дам», так тут же указывалось скромно – Брантом.

Ныне этот французский дворянин у нас в гостях как рыцарь, поэтому назовём имя поклонника прекрасных дам полностью – Пьер де Бурдей, аббат де Брантом.

Человек, жизнь которого судьба разломала, как яблоко, на две половинки: одна половинка получилась сладкая, а вторая – кислая. Сладко-светская жизнь началась при дворе Генриха II. Пьеру пятнадцать лет. Надо ли говорить, какими глазами увидел юноша блестящий двор «Короля Прекрасные Сумерки». Двор, по которому «златым дождём разли-

лась и сверкала»¹⁸³ поэзия Ронсара. Этот придворный поэт на всю жизнь (на обе её половинки) остался для восторженного Брантома кумиром, король Генрих II навсегда остался великим, фрейлины того двора запомнились самыми красивыми и соблазнительными, а фаворитка короля Диана де Пуатье...

О ней, о нём мы с Вами, Серкидон, говорили подробно. Знаем мы и о тайных муках супруги короля Екатерины Медичи, которая оказалась в этом любовном треугольнике заброшенной гипотенузой.

Читаем у Брантома:

«Один из владык мира сего крепко полюбил очень красивую, честную и знатную вдову, так что говорили даже, будто он ею околдован... Сие изрядно сердило королеву. Пожаловавшись на такое обращение своей любимой придворной даме, королева сговорила с ней дознаться, чем так прельщает короля та вдова, и даже подглядеть за играми, коими тешились король и его возлюбленная. Ради того над спальнею означенной дамы было проделано несколько дырочек, дабы подсмотреть, как они живут вместе, и посмеяться над этим зрелищем, но не узрели ничего, кроме красоты и изящества. Они заметили весьма благолепную даму, белокожую, деликатную и очень свежую, облачённую лишь в коротенькую рубашку. Она ласкала своего любимого, они смеялись и шутили, а любовник отвечал ей столь же пылко, так что в конце

---

¹⁸³ Строчка из Ронсара. Перевод А.Парина.

концов они скатились с кровати и, как были, в одних рубашках, улеглись на мохнатом ковре рядом с постелью... Итак, королева, увидев всё, с досады принялась плакать, стонать, вздыхать, и печалиться, говоря, что муж никогда так с ней не поступает и не позволяет себе безумств, как с этой женщиной. Ибо, по её словам, между ними ни разу подобного не было. Королева только и твердила: "Увы, я пожелала увидеть то, чего не следовало, ибо зрелище это причинило мне боль"»¹⁸⁴.

В королевском любовном треугольнике более всего поражала пишущего миннезингера и была им воспета преданность «величайшего суверена, так пылко любившего знатную вдову зрелых лет, что покидал и жену, и прочих, сколько бы ни были они молоды и красивы, ради её ложа. Но к тому имел он все основания, ибо это была одна из самых красивых и любезных дам, какие только рождались на свет. И её зима, несомненно, стоила дороже, чем вёсны, лета и осени других»¹⁸⁵.

Рыцарь способен на смелый поступок. Мы с Вами, Серкидон, помним, что Брантом, не боясь гнева уже могущественной королевы Медичи, навестил опальную Диану в её замке, где они вспоминали короля Генриха, добрые старые времена и себя молодых и счастливых...

Уезжал Брантом от Великой Мадам, от увядающей красо-

---

¹⁸⁴ Из «Галантных дам».

¹⁸⁵ Из «Галатных дам».

ты со слезами на глазах. Если грозный самурай плачет только когда цветёт сакура, то рыцарь плачет только когда видит, как вянет женская красота, плачет не в силах примириться с могуществом разрушающего времени. Тем более, если ещё видны следы той красоты, которая донныне «не встречала такого бесчувственного сердца, чтобы оно осталось равнодушным»¹⁸⁶.

Рыцарь наш вернулся в Париж ко двору Карла IX¹⁸⁷, но, хоть именно Брантом считается хронистом двора королевской фамилии Валуа, «Хронику времён царствования Карла IX» написал Проспер Мериме. Но во многом опираясь на записи Брантома. Необходимо отметить, что Мериме написал и о Брантоме большой библиографический очерк. Такого внимания со стороны писателя удостоились не многие.

Главный труд Брантома – «Галантные дамы». Сотни пикантных историй под одной обложкой. На такой труд мужчину-рыцаря должна вдохновить дама сердца: обворожительная, пылкая, смелая в проявлении чувств. Осталось назвать имя вдохновительницы – Маргарита Валуа, дочь Генриха II и Екатерины Медичи. Конечно, и речи быть не могло о любовной интрижке. Её королевский сан лежал между ними, как меч между Изольдой и Тристаном. Молодых людей связывали трогательные доверительные отношения, а восторжен-

---

¹⁸⁶ Слова Брантома о Диане де Пуатье.

¹⁸⁷ Карл IX (1550 – 1574), король Франции, третий сын Генриха II и Екатерины Медичи.

ное чувство со стороны Брантома имело известные границы. Молодые люди охотно сплетничали, делились новостями и планами. Пьер был посвящён и в текущее, и в сокровенное. Написав на закате лет мемуары Маргарита Валуа посвятила сей труд Пьеру Брантому. С её стороны это был прощальный поклон верному рыцарю. Королева писала, что всегда видела в Брантоме «благородного кавалера, настоящего француза, происходящего из прославленного рода, возвращенного королями, её отцом и братьями, родственника и близкого друга самых галантных и досточтимых женщин...»

Одну историю из «Галантных дам» – уверен, там замешана королева Марго – не утерплю и Вам расскажу. Начну с того места, где слуга высокородной госпожи встречает красивого молодого человека:

«Вперёд, сударь, госпожа вас ожидает... Потом, завязав ему глаза, повел темными узкими коридорами и неведомыми проходами, так что юноша при всем желании не смог бы определить, где он находится и куда его ведут; затем оказался он в комнате, где царилa крошечная тьма, точно как в печке; там-то и поджидала его дама. Первым делом он почувал ее нежное благоухание – сей аромат уже многое посулил ему; дама тотчас заставила его раздеться и с его помощью разделась сама, а затем, развязав ему глаза, повела за руку в постель, загодя разобранную и готовую их принять; там кавалер наш принялся общупывать, обнимать, целовать и ласкать даму и чем дольше ласкал, тем приятнее и желан-

нее находил и гладкую атласную кожу ее, и тончайшее белье, и пышную, мягкую постель; так вот и провел он наиболее приятную ночь в объятиях неведомой ему красавицы, коей имя мне после тайком называли. Той ночью все вокруг услаждало и ублажало юношу, и одно только сильно досаждало, а именно: он так и не добился от любовницы ни единого слова. А молчала она недаром, ибо днем он частенько беседовал с нею, равно как и с другими дамами, и тотчас признал бы ее по голосу. Но что касается любовных безумств, шаловливых ласк, нежных прикосновений и всех прочих свидетельств любви и страсти, то тут его ничем не обделили».

Вот так развлекались при дворе Валуа.

Всё, Серкидон, сладкую ягодку мы с Вами съели. Вторую часть жизни Брантома долго расписывать не будем. Она скучная, уединённая, «без блёсток мадригальных»¹⁸⁸.

Как же такой, скажем по-современному, «тусовочный чувак» стал отшельником? Очень просто – упал с лошади. И это ещё полбеды. Беда в том, что лошадь упала на него сверху. Последствия оказались самыми тяжёлыми – на пять лет, начиная с 1584 года, наш рыцарь оказался ограничен стенами собственного замка...

Он стал надиктовывать секретарям книги.

Что и требовалось Верхним Надзирателям, которые сбросили всадника с лошади, а кобылой накрыли. Видимо, душа

---

¹⁸⁸ Из «Евгения Онегина».

Брантома давала перед воплощением обещания, а воплотившись в тело, о них позабыла. «Душа-то позабыла, // Да напомнила кобыла» – стихи.

И что же видели неусыпные Наблюдатели? Мужчина волочиться за фрейлинами, подвизается на дипломатической ниве, ратоборствует то там, то здесь. Не ровён час под снаряд попадёт, тогда пропало тело, а с ним всё дело. Поэтому решили тельце маленько обездвигить. Чтобы задвигалась мысль...

Через пять лет Брантон залечил повреждения настолько, что смог бы доехать до Парижа. Да только там его уже не ждали. В 1589 году монах-фанатик убил Генриха III¹⁸⁹, последнего короля фамилии Валуа. Ранее скончался Франциск Алансонский¹⁹⁰ – покровитель и друг Брантома, угас свет в окошке – поэт Ронсар, а возлюбленная непоседа – королева Марго была выслана из столицы, получив «двойку» за поведение.

Падёж надежд, прощай, Париж! Брантом остался в замке, отныне озоруя только на страницах книг. «Всё про Брантома, // Бегу из дома...»

Вчера я так и не получил письмишко из издательства. У них на почте, видите ли, была пятница, и они закрылись пораньше. Попробую сегодня, в субботу, получить это письмо,

---

¹⁸⁹ Генрих III Валуа (1551 – 1589), король Франции, четвёртый сын Генриха II и Екатерины Медичи.

¹⁹⁰ Эркюль Франсуа де Валуа (1555 – 1584), французский принц.

о содержании коего догадываюсь.

Крепко жму Вашу руку, и до следующего письма.

Приветствую Вас, Серкидон!

Не было ни гроша, да вдруг – алтын! То я месяцами не получаю ничего, то два письма сразу. Первое – из издательства, я всё-таки дошёл до почты. Всё так, как ожидалось, рукопись мне вернули, под тем предлогом, что не родились ещё мои читатели. Да-да, Серкидон, любезная дамочка так и написала, рукопись, мол, прекрасна, но читать её некому. Присоветовала подождать, когда сойдёт на нет гадко-гаджетово племя, когда появятся вновь люди, которые начнут читать бумажные книги, вот тут-то и вы со своей книгой, сравнимой с «Войной и миром»... «Улиссом»... «Одиссеей».

Понятное дело, я огорчился – и за читателей, и за себя стало обидно. Зато второе письмо, вернее, даже не письмо это, а весточка, от Вас, Серкидон, была приятна. В конверте только фотография. Молодёжь на природе, какой-то пикничок, не иначе. На первом плане Вы с рыженькой, коротко стриженной девушкой. Вы оба улыбаетесь. На обороте надпись: «Я и моя Виктория».

Простите мне моё нахальство, Серкидон, это наша совместная виктория! Вспомните Овидия:

Но не забудь, победитель, повергнув под меч амазонку,
В надписи гордой сказать: «Был мне наставник Назон».

Поверьте, Серкидон, моя радость была искренняя... Но этим посланием Вы порядком смешали мои планы. Я ведь хотел ещё долго писать Вам о рыцарях. О таких и об этаких. Закончить я хотел пушкинским паладином. Это который «С виду сумрачный и бледный, // Духом смелый и прямой». Который «Ave Mater Dei¹⁹¹ кровью» вывел на щите.

Вовсе не в качестве примера для подражания хотелось упомянуть пушкинского паладина, напротив, хотелось мне убедить Вас не тратить жизнь лишь на одно поклонение. Так, как поступил «молчаливый и простой», а может быть, и слишком простой мужчина.

На что же следует тратить свою жизнь? А вот тут планировалось мною перейти к теме «Fabricando fit faber, age puod agis» – «Трудом создаётся мастер»¹⁹². Основной акцент темы – как найти своё, то самое единственное дело в жизни. Создатели фильма «Секрет» правы в том, что «Нет на небесах доски, на которой прописана твоя цель и твоё Предназначение».

Молния подсказала Предназначение Мартину Лютеру. Непостижимым образом с юности знал свой Путь Николай Рерих. Дмитрия Донского наставил Сергей Радонежский¹⁹³. Эти люди – исключительные исключения. В основном каж-

---

¹⁹¹ Радуйся, Матерь Божия (лат.).

¹⁹² Полный перевод: «Трудом создаётся мастер, так делай, что делаешь».

¹⁹³ Сергей Радонежский (1314 – 1392), иеромонах Русской церкви.

дый мужчина ищет, и порой мучительно, то, чем он будет заниматься. А далее создаёт себя трудом. Как функция творит орган, так ремесло создаёт мужчину.

Не настраивайтесь быть баловнем судьбы, готовьтесь стать тружеником. Пастернак говорил: «Поэзия всюду, она в траве, стоит нагнуться и поднять её». Коко Шанель признавалась: «Мода и в небе, и на дороге». Микеланджело утверждал: «Скульптура делается просто: берёшь каменную глыбу и отсекаешь всё лишнее». Иоганн Бах на просьбы открыть секрет своего виртуозного музицирования улыбался: «Всё очень просто – нужно только нажимать нужные клавиши в нужное время». Примерно также сказал

Джакомо Казанова об искусстве обольщения – говорить нужные слова в нужном месте, в нужное время».

Это – кокетство великих. Нужно быть прирождённым поэтом, чтобы увидеть, как растёт рядом с травой (не ведая стыда) поэзия. Нужно быть выдающимся модельером, чтобы в силуэтах туч увидеть покрой платья, а при порыве ветра – развивающийся женский шарфик. Нужно быть великим ваятелем, чтобы отбить лишнее в глыбе. Нужно быть гениальным музыкантом, чтобы попадать по нужным клавишам в нужное время. Нужно быть большим мастером соблазна, чтобы в заветном месте суметь открыть клавиши души прекрасной дамы. Заметим также, что всех этих «баловней судьбы» судьба не баловала, они всегда были великими тружениками. Чего желаю и Вам...

«Нет ничего лучшего, чем делать доброе дело в жизни, – пришёл к выводу Екклесиаст. – Остальное всё суета и томление духа».

Натолкнуть Вас, Серкидон, на Ваше доброе дело в жизни могут давно в меня запавшие и совсем не по возрасту мудрые строки из «Вертера». Вот что пишет двадцатипятилетний Гёте Вам, его ровеснику:

«Как отраднo мне всем сердцем ощущать бесхитростную, безмятежную радость человека, который ставит себе на стол своими руками взращённый кочан капусты и в одно мгновение переживает вновь всё хорошее, что связано с ним, ясное утро, когда он сажал его, и тёплые вечера, когда его поливал и радовался, глядя, как он растёт».

Вовсе не обязательно Вам, Серкидон, выращивать капусту, подобному римскому императору Диоклетиану¹⁹⁴. Вам обязательно во всю мощь включить мозги и понять, о чём говорит немецкий гений. Понять, каким должно быть дело, которым занимается человек на земле, какие нравственные признаки оно должно включать и вбирать в себя.

На вопрос о цели своих деяний Гёте отвечал: «Чтобы пирамида моей жизни, основание которой было заложено ещё до меня, поднялась как можно выше».

Про пирамиду Хеопса все наслышаны, пирамида Гёте сложена из его произведений и, на мой взгляд, выглядит не менее впечатляюще, чем у фараона. Пирамидой Фридри-

---

¹⁹⁴ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (245 – 313), римский император.

ха Мудрого стал Виттенбергский университет. Хочу верить, что и Вам, Серкидон, удастся нечто возвести.

Ну вот, думал написать о деле писем десять, а уложился в пол письма.

Чтобы данное моё послание не выглядело куцеватым, шлю Вам нечто вроде притчи о человеке, который с выбором дела ошибся:

Жил маленький мальчик, которому очень нравилось писать стихи, любил он перебирать слова, составляя из них строки, строки получались вялыми, а стихи плохими, но юноша не унывал и верил, что упорство вознаградится, стоит только ещё немного, ещё чуть-чуть,

и вновь брался молодой человек за перо, подзывая ласковыми словами музу, а утром, перечитывая поспешные каракули, в который раз убеждался, что не к лицу писать подобное солидному мужчине, тогда рвал он перепачканные листы и употреблял в адрес музы слова, ну просто никак не вязавшиеся с его благородными сединами, однако, поостыв, снова пытался написать, ну пусть не звонко, хотя бы не хуже других, стихи и тут получались гадкими, просто из рук вон, и как-то раз согбённый старик понял, что с таким делом пора кончать...

Крепко жму Вашу руку, и до завтра.

Приветствую Вас, Серкидон!

Вот как сделаем: сегодня я напишу Вам последнее письмо. И мы с Вами попрощаемся, основательно, навсегда. Будь я наёмным бодрописчиком телесериалов, хищные продюсеры вынудили бы меня писать «Серкидон-2», потом «Серкидон возвращается», а потом и «Молчанье Серкидона». Но поскольку наша переписка свободна от чужих и чуждых влияний, вольна от меркантильных надобностей, мы можем расстаться в любой момент.

Пишу «наша переписка» безо всякой иронии, Ваших писем ко мне немного, пересчитать их – хватит пальцев одной руки. Но я всё время видел, слышал и чувствовал Вас. А значит, Ваше участие несомненно.

Конечно, мечталось мне и о том, и об этом написать, и то и это осветить. Но, как сказано у Брантома, воспоминания о коем у нас ещё свежи: «Должно быть меня могут упрекнуть, что я упустил много остроумных речений и историй, которые бы и украсили, и облагородили моё повествование. Охотно верю, но где тогда взять силы дойти до последней точки в писании»¹⁹⁵.

---

¹⁹⁵ Из «Галатных дам».

Или вот – Рената Муха:

Простое Предложение лежало без движения

И ждали продолжения внизу пустые строчки.

«Какое продолжение! – вздохнуло Предложение.

– Вы что, не понимаете, что я дошло до точки».

У нас прекрасный повод поставить последнюю точку. Это присланная Вами фотографии, которую я засчитал итогом своей работы. На Востоке говорят, главная задача учителя сделать так, чтобы ученик мог легко обойтись без него. А Вы прекрасно обойдётесь без моих писем, судя по тому, как улыбается девушка Вика, находящаяся по правую руку от Вас. Ну да, она не такая, как предполагали мы с Леонардо да Винчи, но ведь это Ваш выбор. Вмешиваться в него не имеют права ни ангелы, ни бесы, ни великий итальянец, ни, тем более, Ваш старательный письмописец.

Позвольте на прощание небольшие добавления.

Две главные задачи в жизни мужчины: одна – найти дело по душе, другая – найти женщину по сердцу. Есть два принципиально разных способа решения этой задачи. Или: мужчина сначала выбирает дело по душе, и женщина видит мужчину уже при деле и соглашается быть помощницей мужчины, который делает именно это дело. Или: мужчина встречает женщину, ту, которая единственная, и они вместе находят дело для него.

Неизвестно, Серкидон, как сложится у Вас. Мне кажется,

что тут мы все во власти прихотей судьбы. Остаётся верить тому, что «душа сильнее фортуны»¹⁹⁶.

О том, что душа сильнее женщины, не рискнул сказать ни один из мудрецов.

Тот же Казанова, да и другие мастера обольщения, садились в лужи и попадали впросак, когда, казалось бы, ничто не предвещало неудачу... А почему? А потому что, когда имеешь дело с женщиной ни в чём нельзя быть уверенным наверняка. И ещё потому, что все мы немного серкидоны...

Ну что же пора вспомнить Пушкина: «Так иногда разлуки час//Живее сладкого свидания...» Это наш случай. Вначале я даль свободной переписки «через магический кристалл//Ещё неясно различал»¹⁹⁷, вернее, ничего не различал, прочёл Ваше первое письмо и знать не знал, что делать и как быть. Но, к счастью, что-то торкнулось во мне...

Да, пока не забыл. Часто был я не всегда деликатен: то отпускал в Ваш адрес дурацкие шуточки, то не в меру едко иронизировал. Прошу прощения. Если помните, в первом письме я писал, что Вы напомнили мне одного моего давнего знакомого. Сейчас могу признаться, что Вы мне напомнили меня самого – двадцатилетнего. Считайте, что эти письма я написал самому себе с другого конца жизни. А значит, и обижаться практически не на кого.

Мы с Вами как-то говорили, что женщина передвигает-

---

¹⁹⁶ Сенека.

¹⁹⁷ Из «Евгения Онегина».

ся по жизни волнами. Наверное, потому на Востоке мудрецы сравнивают женщину с океаном. Кто-то приходит к берегу океана полюбоваться закатом, кто-то просто искупаться, кто-то заняться виндсёрфингом, а кто-то ныряет глубоко-глубоко в поисках жемчужин. Океан просто существует, а каждый мужчина отражает в нём себя и свои устремления.

Хотелось бы, чтобы Вы, Серкидон, отразились достойно.

Сенека хвалил письмо Луцилия: «Смысла у тебя больше, чем слов»,

Шостакович¹⁹⁸ писал о Свиридове¹⁹⁹: «Музыки у него больше, чем нот».

Мне бы хотелось, чтобы в Ваших отношениях с женщинами чувств было больше, чем телодвижений. Чтобы каждая женщина видела в Вас и Мужа, и Любовника, и Рыцаря в одном флаконе. Помня мои слова – шагайте смело. А я желаю Вам свершить на этом пути много славных подвигов!

Прощайте.

---

¹⁹⁸ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906 – 1975), крупнейший советский композитор.

¹⁹⁹ Свиридов Георгий Васильевич (1915 – 1998), советский и российский композитор, пианист.